Ю. Г. Алексеев

Освобождение Руси от ордынского ига

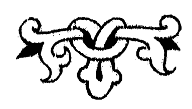

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУСИ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА

ЛЕНИНГРАД
»НАУКА«
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Монография посвящена одному из важнейших событий истории нашей страны — восстановлению независимости и полного суверенитета Руси после двухсотлетнего ордынского ига. В книге показано, что победа над Ордой в 1480 г. была достигнута благодаря трудовому и ратному подвигу русского народа, дальновидной политике и искусной стратегии Ивана III и привела к принципиальным изменениям во внутренней структуре Русской земли. Автор прослеживает, как вырос международный авторитет Русского государства, которое превратилось в одну из величайших держав мира.

Книга рассчитана на историков и читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества.

Ответственный редактор

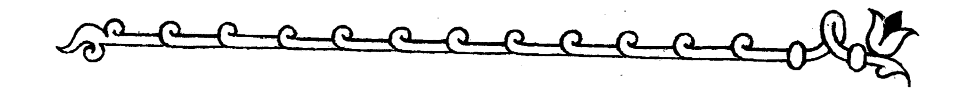
А. И. КОПАНЕВ

Рецензенты

А. Я. ДЕГТЯРЕВ, Л. И. ИВИНА

А $\frac{0503020200-584}{042(02)-89}$ 142-89, кн. 1

ISBN 5-02-027162-4

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга охватывает узкий отрезок времени — с осени 1479 до 1485 г. Монографическому изучению этот шестилетний период истории нашей страны пока не подвергался.

Труды К. В. Базилевича, С. Б. Веселовского, А. Д. Горского, А. А. Зимина, Н. А. Казаковой, С. М. Каштанова, В. Б. Кобрина, А. М. Сахарова, А. Л. Хорошкевич и других советских ученых, фундаментальные монографии Л. В. Черепнина,[1] в которых поставлены и исследованы наиболее масштабные проблемы истории Русской земли того времени, дают возможность перейти к изучению проблем, хронологически более локальных, хотя в известной мере не менее значимых. Речь идет о пристальном исследовании отдельных этапов процесса создания и развития Русского централизованного государства.

60—70-е годы XV в. — время больших перемен в жизни Русской земли. Придя к власти в 1462 г., Иван III начинает новый курс внутренней и внешней политики, направленный на создание нового, единого Русского централизованного государства, на пересмотр старых традиций феодальной раздробленности и подчинения власти ордынского хана. К концу 70-х гг. отчетливо обозначились крупные успехи политики великого князя. Большая война с Казанью в 1467—1469 гг. закончилась победой Русской земли. Это первая победа в борьбе с Чингизидами, всецело господствовавшими в Восточной Европе. Подчинение Пскова власти великого князя московского (с 1460 г.) позволило значительно укрепить безопасность северо-западной границы страны — мирные договоры 1460, 1463 и 1474 гг. означали отказ Ордена от традиционно агрессивной, наступательной политики в отношении Пскова, фактически ставшего теперь частью нового Русского государства.[2] Активная политика московского правительства в отношении ростовских и ярославских князей привела к ликвидации полусамостоятельных Ярославского и Ростовского княжеств, к исчезновению большинства уделов, на которые дробились эти княжества, и к переходу прежних удельных князей на московскую службу. Династический брак Анны Васильевны, сестры великого князя московского, с рязанским великим князем Василием Ивановичем (1464 г.) привел к укреплению ставших уже традиционными дружеских отношений между Москвой и Рязанью (на началах старшинства первой) и к усилению московского влияния на Рязань. Существенно изменились отношения между князьями Московского дома. Ликвидация в 1472 г. выморочного Дмитровского удела, безоговорочно включенного в состав вели-

1*

кокняжеского домена, означала по существу отказ от прежних традиций союза Калитичей относительно равноправных сюзеренов под опекой старшего брата. На смену этим отношениям все в большей степени приходят новые, основанные на вассальном, безоговорочном подчинении удельных князей великому князю.

Крупнейшим внутриполитическим событием для Русской земли было включение Господина Великого Новгорода в состав нового государства (1471 г.) и последовавшая затем ликвидация политических институтов боярской республики (1478 г.). Победа великокняжеской Москвы над боярским Новгородом означала решающий этап в ликвидации старой и в создании новой политической системы Русской земли. На смену иерархической федерации княжеств и земель под не более чем номинальным главенством великого князя пришло целостное государство с единым политическим центром, с единым реальным правительством. К концу 70-х гг. только Тверское великое княжество формально сохранило свой прежний суверенный, равноправный с Москвой статус.

Крупные изменения в политической структуре Русской земли, означавшие фактически переход от феодальной раздробленности к единому государству, отразились на организации управления Русской землей, объединенной теперь вокруг Москвы. Именно к концу 60-х—началу 70-х гг. относятся первые признаки функционирования военного и дипломатического ведомств [3] (будущих Разрядного и Посольского приказов) — первых органов централизованного управления важнейшими функциями нового государства. Появление центральных ведомств, хотя еще в неокончательно оформленном виде, — важный этап в процессе создания новой судебно-административной системы, соответствующей новой форме политического бытия Русской земли, превратившейся в единое государство.

К числу важнейших проявлений нового политического курса относится фактический пересмотр русско-ордынских отношений. В отличие от всех своих предшественников Иван III вступил на великое княжение без формальной санкции хана Золотой Орды, чем была нарушена одна из основных прерогатив ханской власти, и никогда не ездил в Орду, ни до, ни после своего вокняжения. В этом также проявился отказ от прежнего подчинения хану как сюзерену, к которому вассалы время от времени должны являться на поклон. Реальная власть хана над Русской землей слабела по мере усиления нового государства.

Успехи Русского государства в борьбе за единство и независимость встречали противодействие консервативных сил внутри страны и за ее пределами. В борьбе за создание централизованного государства великокняжеская власть пользовалась поддержкой всех прогрессивных элементов феодального общества.[4] Противниками централизации и национального единства выступали прежде всего удельные князья, стремившиеся сохранить свои прежние суверенные политические права на территории уделов и свое участие в управлении Русской землей, и определенные круги церковных

иерархов, которые стояли за сохранение прежней церковной организации, слабо зависящей от государственной власти, и опасались за судьбы огромных церковных имуществ. Одним из главных очагов сопротивления великокняжеской политике оставался Великий Новгород, хранивший традиции всевластной боярской олигархии (формально подчинившейся Москве в 1478 г.).

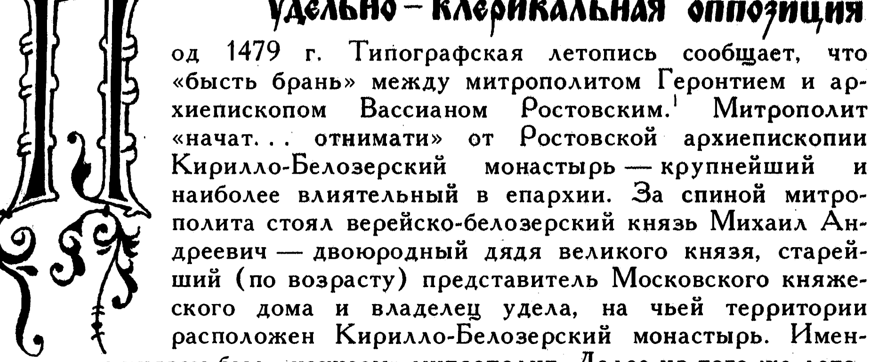
Фактический отказ от признания власти ордынского хана, наметившийся в русской политике 60—70-х гг., не мог не привести к перспективе решительного столкновения с Золотой Ордой, которая, разумеется, вовсе не склонна была отказываться от господства над русским «улусом». Сильное Литовское великое княжество, соединенное унией с Польшей, с тревогой смотрело на рост военного и политического могущества Русского государства, опасаясь за свою власть над обширными русскими землями, захваченными в XIV—начале XV в. Не решаясь на открытую борьбу с Русью один на один, осторожный король Казимир Ягеллончик ждал удобного момента, чтобы выступить против нее в составе коалиции. Ливонский орден, остановленный в своем стремлении на восток, и тесно связанная с ним Ганза, желавшая сохранить свою торговую монополию на Балтике, с не меньшим недоверием и недоброжелательством взирали на укрепление Русского государства на северо-западе. К исходу 70-х гг. Русская земля стояла на пороге серьезных испытаний.

ГЛАВА I

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ АХМАТА

Удельно-клерикальная оппозиция

Под 1479 г. Типографская летопись сообщает, что «бысть брань» между митрополитом Геронтием и архиепископом Вассианом Ростовским.[1] Митрополит «начат. . . отнимати» от Ростовской архиепископии Кирилло-Белозерский монастырь — крупнейший и наиболее влиятельный в епархии. За спиной митрополита стоял верейско-белозерский князь Михаил Андреевич — двоюродный дядя великого князя, старейший (по возрасту) представитель Московского княжеского дома и владелец удела, на чьей территории расположен Кирилло-Белозерский монастырь. Именно этим князем был «научаем» митрополит. Далее из того же летописного рассказа выясняется, что в самом Кирилло-Белозерском монастыре существовала сильная оппозиция по отношению к архиепископу: «. . .чернцы Кириллова монастыря, превознесеся своим высокоумием суетным и богатьством, не восхотеша быти под правдами ростовскыми епископьи, ни повиноватися ростовскому архиепископу». Эти-то «чернцы» и «научиша» князя Михаила обратиться к митрополиту за помощью против архиепископа. По мнению летописца, «все зло бысть от тогда бывшего кирилловского игумена новоначального Нифонта, и от новоначальных чернцов, и от при-

хожих чмутов». Этим «новоначальным чернцам» и «чмутам» (смутьянам) во главе с их игуменом противопоставляются «старые старцы их и святые их монастыря постриженики», верные заветам игумена Кирилла, основателя монастыря, и стремящиеся «жити в повиновении у своего святителя, ростовского архиепископа».

Перед нами серьезный конфликт в одном из крупнейших русских монастырей, конфликт, охвативший высокие церковные и правительственные сферы и имевший несомненно политический характер и политическое значение.[2]

Данные летописи необходимо сопоставить с документом — правой грамотой митрополита Геронтия, судившего князя Михаила Андреевича (которого представлял его дьяк Иван Ципля) и архиепископа Вассиана (его представлял дьяк Федор Полуханов).[3]

Истцом на суде выступил княжеский дьяк: «. . .вступается. . . архиепископ Васьян во государя моего княжь Михайлов в Кирилов монастырь, хочет. . . приставов своих слати по игумена и по братью и хочет их судити, а десятилников своих хочет к ним всылати пошлины имати». Дьяк Иван Ципля подчеркивает, что все это — нарушение «старины»: «. . .переж того. . . истарины прежние архиепископы ростовские. . . в Кирилов монастырь не вступалися . . . при Кириле и после Кирила при государя моего княже Михаилове отце при князе Андрее Дмитриевиче и до сех мест; а судил . . . того Кирилова монастыря игумена княж Михаилов отец князь Андрей Дмитриевичь, а братью свою старцев Кирилова монастыря судил игумен. А после отца своего того Кирилова монастыря игумена судил государь мой князь Михайло Андреевичь и до сих мест, опрочь духовных дел. А в духовных. . . делех игумена ведает архиепископ». Это положение княжеский дьяк обосновал следующим аргументом: «. . .тот Кирилов монастырь у государя моего, как у государя у великого князя его монастыри Спас на Москве, да Пречистая на Симонове, да Никола на Угреше».

Представитель архиепископа оспорил показания княжеского дьяка о «старине» и сослался, в частности, на то, что Трифон, предшественник Вассиана на Ростовской архиепископии, «поставил игумена Филофея в Кирилов монастырь да и грамоты. . . ему свои жаловалнии на тот монастырь подавал». Тем самым игумен Кириллова монастыря оказался в полном подчинении у архиепископа.

Как показал княжеский дьяк, «Трифон архиепископ» действительно «поставил было. . . игумена Филофея, брата своего родново, а без ведома и без веленья государя моего князь Михайла Андреевича». Но этот акт архиепископа вызвал репрессивные меры со стороны князя: он «того игумена Филофея велел поимати и оковати да и монастырь велел у него отняти, а игуменити ему не велел». Новым игуменом князь «учинил» Касьяна — «по челобитью и по прошению всеа братьи старцов Кирилова монастыря».

На вопрос митрополита: «Твой пак государь Васьян архиепископ в Кирилов монастырь приставов своих сылывал ли, а игумена и братью сам суживал ли, и десятилник его въезжал ли и пошлины

свои имывал ли?» — дьяк Федор Полуханов ответить не сумел. Не сумел он ответить и на другой вопрос: «Старым пак князем ростовским и белозерским и бояром старым есть ли кому ведомо, которые прежние архиепископы в Кирилов монастырь приставов своих слали, и игумена и братью судили, и десятилницы их въезжали и пошлины свои имали?».

По всем этим аргументам митрополит и присудил «князю Михаилу Андреевичю Кирилова монастыря игумена судити по старине. . . а архиепископ. . . управляет духовные дела по святым правилам, а приставов своих архиепископу в Кирилов монастырь не всылати, а игумена и братьи не судити ему ни в чем, да и десятилников своих. . . не слати, ни пошлин им не имати никаких». Из правой грамоты как из документального источника высокой степени достоверности с несомненностью вытекает прежде всего, что «старина» Кириллова монастыря заключалась в полном судебно-административном и фискальном подчинении местному князю. Так именно и жил монастырь, основанный Кириллом в глуши болот и лесов, жил много десятков лет в качестве крупнейшего феодального землевладельца, духовного вассала белозерского князя.[4] Никакой экстерриториальностью монастырь не пользовался, связь его с ростовской архиепископской кафедрой была чисто номинальной. Характерно, что память об этих временах должны, по мнению митрополита, хранить «старые князи ростовские и белозерские» — естественные носители старой, домосковской местной традиции.

Новый момент в истории монастыря — попытки ростовского архиепископа подчинить его своей власти. Первый шаг в этом направлении делает Трифон, и это, вероятно, не случайно. По-видимому, это тот самый Трифон, который в 1446 г., будучи игуменом Кириллова монастыря (с 1435 по 1447 г.), освободил великого князя Василия от крестоцелования Шемяке.[5] После 1447 г. в течение многих лет Трифон — архимандрит кремлевского Спасского монастыря, наиболее влиятельного в столице. В начале 50-х гг. он — первый из послухов духовной грамоты великой княгини Софьи Витовтовны.[6] В эти же годы он был духовником великого князя Василия Васильевича и как таковой упоминается в его духовной.[7] Но дело, надо думать, не только и не столько в личных взаимных симпатиях Трифона и великокняжеской семьи. Он — сторонник политической линии московского правительства. Именно этим, вероятно, и объясняется назначение Трифона на пост архиепископа ростовского — самый важный (после митрополита) и почетный в русской церковной иерархии. Это назначение последовало 13 мая 1462 г., сразу после вокняжения нового великого князя (23 мая Трифон уже «пришел» в Ростов после поставления).[8] Деятельность Трифона в Ростовской епархии ознаменовалась его решительным выступлением против культа новоявленных ярославских «чюдотворцев». Позиция Трифона в этом первом известном нам церковно-политическом конфликте эпохи отвечала задачам борьбы великокняжеской власти против претензий и традиций удельных князей, пытавшихся гальванизировать остатки своей политической

и идеологической самостоятельности.[9] В этом же русле следует рассматривать и политику Трифона по отношению к крупнейшему в его епархии Кириллову монастырю. Назначение игумена в этот монастырь «без ведома и без веленья» местного «государя» было прямым вызовом удельному князю, рассматривавшему монастырь как своего духовного вассала. Неудивительно, что эта попытка вызвала со стороны белозерского князя резкий отпор вплоть до наложения оков на нового игумена. Конфликт окончился победой удельного князя: ему удалось восстановить «старину» и вернуть на игуменство Касьяна.[10]

Симптоматично, что, несмотря на кратковременность своего пребывания в монастыре, именно Филофей (а не Касьян) получил у великого князя подтверждение важной жалованной грамоты, выданной когда-то игумену Трифону, о беспошлинной торговле и несудимости в пути.[11] Это может свидетельствовать о поддержке, оказываемой новому игумену великокняжеской властью. Актовый материал сохранил еще два свидетельства деятельности игумена Филофея. «По грамоте государя нашего князя Михаила Ондреевича» он купил в монастырь «ночь» на Шексне, на Вособойском езе; тот же князь «пожаловал» игумена — дал в монастырь пожню на Ковже на 400 копен сена.[12] Отсюда вытекает, что отношения между игуменом и князем не всегда были однозначно враждебными: конфликт обозначился, видимо, не при самом поставлении Филофея, а некоторое время спустя и был связан, надо думать, с определенными действиями как самого игумена, так и стоявшего за его спиной архиепископа. Итак, судя по правой грамоте, «брань» о монастыре уже имела свою традицию — ее истоки восходят к 60-м гг., к первым опытам перестройки удельной «старины» в интересах московской великокняжеской власти.

Преемник Трифона Вассиан продолжает эту традицию, но в иной форме. Он формально не претендует на право назначения игумена, но стремится к непосредственному судебно-административному и фискальному подчинению Кириллова монастыря. Показательно в этой связи, что белозерский князь устами своего дьяка сравнивает свои права на монастырь с правами великого князя на монастыри московского Кремля.

Из этого сравнения вытекает, что князь Михаил Андреевич рассматривает власть над Кирилловым монастырем как одну из существеннейших своих прерогатив. Борьба за Кириллов монастырь перерастает в борьбу за суверенитет Белозерского княжества и тем самым приобретает политический характер.

В летописном известии и в правой грамоте — две версии фактической истории событий. В летописной характеристике сил, выступающих в контакте с удельным князем против архиепископа, можно отметить три основных момента. Во-первых, это люди в монастыре новые, чуждые (как хочет подчеркнуть летописец) старым традициям Кириллова монастыря. Сам по себе этот момент имеет важное значение для характеристики позиций сторон, как их изображает летописец. Кириллов монастырь, основанный учеником

Сергия Радонежского, крупнейшего церковного деятеля второй половины XIV в. и верного сторонника московской великокняжеской традиции, был с самого начала оплотом и проводником московского влияния на Русском Севере. Именно в Кириллове монастыре в 1446 г. нашел приют великий князь Василий Васильевич накануне решающего этапа борьбы с Шемякой за возвращение Москвы и великокняжеского стола.[13] Здесь же игумен Трифон «и со всею братьею благослови великого князя и с его детьми на великое княжение», освободив его от крестоцелования Шемяке («тот грех на мне и на моей братии головах, что еси целовал и крепость давал князю Дмитрию»).[14] Кириллов монастырь и его братия не только оказали Василию Темному полную поддержку в самую трудную минуту жизни, но и послужили для него своего рода морально-идеологической опорой в его политической борьбе. Итак, старые традиции монастыря — ориентация на Москву и поддержка великокняжеской власти. Именно этим старым традициям противостоят, по словам летописца, «новоначальные» чернецы со своим игуменом, апеллирующие к удельному князю.

Сопоставление с правой грамотой Геронтия позволяет внести в эту характеристику существенную коррективу: «стариной» для Кириллова монастыря было, как мы видим, именно подчинение местному князю, вполне в духе старой феодальной традиции. Владычный летописец без сомнения знает это, но намеренно игнорирует. Как владычный дьяк Федор Полуханов на суде перед митрополитом, так и владычный летописец стремятся увидеть в «старине» только то, что отвечает политическим интересам архиепископа, — черты подчинения монастыря владычной кафедре, не считаясь с тем, что было на самом деле.[15]

Вторая черта, подчеркиваемая летописцем в облике «смутьянов», — их богатство и «высокоумие». Перед нами, по-видимому, отнюдь не рядовые члены монастырской братии, не выходцы из социальных низов или из среднего слоя феодального общества. Богатые и гордые, превозносящиеся своим могуществом — это скорее всего представители феодальных верхов Верейско-Белозерского княжества, тесно связанные со своими князьями. Именно они могут, «мнящися мудрым быти обою родившии», выступить против старых монастырских традиций, обратиться непосредственно к князю, создать сильную оппозицию в стенах монастыря. Кто же глава этой своеобразной монашеской оппозиции? Игумен Нифонт пришел к власти около 1476 г.[16] В последующие годы он получил ряд жалованных грамот от князя Михаила на земли и судебно-податные льготы.[17] Как и в предшествующие годы, княжеская власть удела была достаточно щедра по отношению к крупнейшему монастырю своей земли. Еще одна деталь в характеристике Нифонта — именно он в ночь на 2 февраля 1478 г. совершал обряд пострижения великой княгини Марии Ярославны, превратившейся в иноку Марфу.[18] Обряд был совершен в отсутствие великого князя (находившегося в Новгороде), и неизвестно, с его ли согласия и ведома. Во всяком случае связи вдовой великой княгини с Кирилловым монастырем

и его «новоначальным» игуменом налицо. Примерно ко времени ее пострижения относится щедрое пожалование великой княгини. Еще осенью 1477 г. Мария Ярославна послала в монастырь с дьяком Майком 495 руб. «на милостину нищим и на кормли», сопроводив свой дар подробным расписанием, кого и когда «кормити». В течение 14 лет «всякую неделю» монастырская братия должна была получать по четверти зерна, а всего вместе с другими монастырями, близкими к Кириллову, — 300 руб. на 14 лет.[19] Эта щедрая и необычная по содержанию грамота — наглядное свидетельство внимания великой княгини к Кириллову монастырю, в котором именно в это время развертывает свою деятельность оппозиция «новоначальных».

Правая грамота Геронтия не содержит никакой характеристики тех, кто в составе монастырской братии хлопотал в свое время перед князем Михаилом Андреевичем о смещении Филофея и возвращении Касьяна. Во всяком случае они, как и те, кто поддерживает игумена Нифонта (по словам летописца, «новоначальные» старцы и «чмуты»), радеют именно за «старину» — монастырскую традицию, тесно связанную со «стариной» удельно-княжеской. Вполне возможно, что именно эти старцы — выходцы из феодальных верхов Верейско-Белозерского удела, в наибольшей степени заинтересованных в его сохранении. Отсюда их активная поддержка «старины» — княжеских прав на монастырь.

Важнейший момент в летописной характеристике «брани» о Кирилло-Белозерском монастыре — позиция удельного князя и митрополита. Оба они полностью на стороне «новоначальных» и их требований. «Повинуяся князю Михаилу», митрополит дает монастырю грамоту, «что князю ведати монастырь и ростовскому архиепископу в него не вступатися».[20]

Как мы видели, не удельный князь, а архиепископ переходит в наступление, властно нарушает «старину», засылая в монастырь своих должностных лиц и вторгаясь в судебную компетенцию князя. Думается, что конкретные факты, изложенные в правой грамоте, заслуживают большой степени доверия. Однако это противоречие в оценке поводов конфликта не только не меняет существа дела, но, напротив, еще больше подчеркивает политический характер «брани».[21] Это конфликт, связанный с существенным нарушением прав удельного князя, с наступлением на удельную «старину».

Итак, по грамоте митрополита Кириллов монастырь полностью остается в подчинении своего удельного князя. Этого и добивалась в первую очередь партия мнимых «новоначальных» (фактически консерваторов). В лице Кириллова монастыря князь, борющийся за сохранение остатков самостоятельности и территории своего удела, сохраняет под своей властью могущественного церковного вассала, обладающего огромными материальными средствами и еще большим нравственным авторитетом. Победа князя в значительной мере способствует укреплению его политических и идеологических позиций и в такой же мере затрудняет для великокняжеской власти проведение ее политики наступления на удел. С точки зрения основ-

ной, генеральной, линии правительственной политики — борьбы за централизацию государства — победа удельного князя над архиепископом может рассматриваться только как акт, направленный против интересов Москвы. Отсюда острота политического конфликта, вспыхнувшего по поводу «брани» о монастыре.

В отличие от митрополита, целиком поддержавшего удельного князя и его сторонников в Кирилловом монастыре, архиепископ Вассиан обратился к авторитету великого князя: он «нача суда просити с митрополитом по правилом». Великий князь «послав» к митрополиту, «митрополит же не послуша его». Таким образом, митрополит не только выступил на стороне удельного князя и активно поддержал удельную «старину», но и ослушался распоряжения главы Русского государства. Это едва ли не первый в XV в. зафиксированный летописцем акт открытого неповиновения руководителя церкви государственной власти. «Брань» о Кириллове монастыре тем самым приобрела новое значение — конфликт архиепископа с митрополитом перерос в открытую конфронтацию между последним и государственным руководством. Наметилась характерная расстановка сил: хранители удельной традиции, оппозиция в стенах монастыря, удельный князь и митрополит — на одной стороне, архиепископ и великий князь (фактически нарушающие «старину») — на другой. По существу своему это конфронтация между удельно-клерикальной оппозицией и политической линией государственной централизации.

В этой конфронтации позиция великого князя оказалась бескомпромиссной. Он своей властью аннулировал грамоту митрополита князю Михаилу Андреевичу на Кириллов монастырь («посла взяти грамоту митрополичью у князя Михаила») и распорядился о созыве церковного собора для обсуждения жалоб архиепископа на митрополита («повеле собору быти всем епископом и архимандритом на Москве, и дасть суд архиепископу на митрополита»).[22] Угроза соборного суда заставила митрополита капитулировать — он «умолиша» великого князя. Конфликт о Кирилловом монастыре закончился на данном этапе полной победой великокняжеской власти и сторонников ее централизаторской политики: великий князь «умири митрополита с архиепископом, а грамоту издрав, а Кирилов монастырь указаша ведати по старине ростовскому архиепископу во всем».[23]

Несмотря на свой мирный исход, «брань» о Кирилловом монастыре является весьма знаменательным событием. Краткое известие Типографской летописи и случайно сохранившийся список правой грамоты приоткрывают завесу над сложной политической борьбой, длившейся уже десятилетия. Впервые мы узнаем о серьезных противоречиях, о конфликте между великокняжеской властью и митрополитом, о союзе последнего с удельным князем, о фактическом расколе в верхах церковной иерархии, о феодальной оппозиции в монастырских стенах.

Поддерживая права (формально, по-видимому, бесспорные) удельного князя, митрополит Геронтий выступает ревнителем «ста-

рины» — удельно-княжеской традиции, имеющей корни в далеком прошлом. Выступая за сокращение прав белозерского князя, ростовские архиепископы (и Трифон, и особенно Вассиан) нарушают эту «старину» и фактически подрывают один из существенных устоев удельно-княжеского суверенитета. Борьба удельной «старины» и централизаторской тенденции четко проявляется в «брани» о Кирилловом монастыре.

Отказ митрополита от суда на церковном соборе свидетельствует о том, что он не был уверен в поддержке большинства иерархов (несмотря на формальную правильность своей позиции). Видимо, архиепископ Вассиан — не единственный представитель церкви, пытавшийся пересмотреть «старину».[24] С другой стороны, наличие в крупнейшем (после Троицкого) русском монастыре сильной группировки сторонников старых удельных порядков едва ли может рассматриваться как случайность. Монастыри-феодалы не были и не могли быть нейтральными в политической борьбе старого с новым, борьбе, охватившей всю Русскую землю.

Выдающиеся успехи политики централизации, достигнутые к концу 70-х гг., имели одним из своих последствий обострение противоречий между сторонниками и более или менее активными противниками этой политики, появление консервативной удельно-клерикальной оппозиции, первое свидетельство о которой — «брань» о Кирилловом монастыре. Против последовательной политики централизации, означавшей не только формальное достижение политического единства, но и перестройку всей системы внутриполитических отношений Русской земли, формируется союз представителей удельно-княжеской традиции с высшим руководством русской церкви в лице властного и честолюбивого, но по-своему принципиального митрополита Геронтия. Именно этот союз, эта новая расстановка политических сил в верхах — важная примета времени, наступившего после новгородского «взятия». Если удельно-княжеская оппозиция, проявившаяся впервые в начале 70-х гг., — реакция на наступление великокняжеской власти на политические и территориальные права удельных князей Московского дома, то клерикальная оппозиция в верхах и сближение ее с удельно-княжеской — следствие наступления на политические и имущественные права церковных феодалов, впервые ясно обозначившегося в январские недели Троицкого стояния 1478 г. Перед верхами русской церковной иерархии, как и перед удельными князьями, стояла дилемма — либо подчиниться государственной политике централизации, пожертвовав частью своих владений и прерогатив, либо вступить в борьбу с ней, отстаивая всю неприкосновенность своих прав и привилегий. Митрополит Геронтий и архиепископ Вассиан по-разному решают эту дилемму, почему и оказываются в разных политических лагерях во время «брани» о Кирилловом монастыре. И тот, и другой опираются на определенные морально-политические традиции и общественные силы. Борьба по вопросу централизации государства проникает и в монашескую келью, и в княжеский дворец.

К числу важнейших событий русской жизни конца 70-х гг. относится освящение Успенского собора в Москве, который по замыслу правительства и высших церковных кругов должен был стать главным патрональным храмом Русского государства. Отсюда обостренное внимание летописей ко всем стадиям и деталям строительства нового храма, подробное описание церемонии освящения его, содержащееся в официозной Московской летописи.

Освящение собора, которому был придан характер большого церковно-политического торжества, состоялось 12 августа 1479 г. По словам Московской летописи, на торжестве присутствовал освященный собор в составе митрополита, архиепископа ростовского Вассиана и епископов — суздальского Евфимия и сарского Прохора; рязанский и коломенский епископы не участвовали по болезни.[25] Обращает на себя внимание отсутствие тверского епископа — глава тверской епархии, как и прежде, уклоняется от участия в московских церемониях. Это, видимо, определенная политическая линия тверских правительственных верхов. Едва ли тверской епископ, только что (в декабре 1477 г.) поставленный на епископию Вассиан, сын знаменитого московского воеводы князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского, был личным противником Москвы.[26]

Весной—летом 1472 г. на начальной стадии постройки собора при перенесении останков московских митрополитов присутствовали, по официальным данным, «велики князь Иван с сыном, и мати его, и братиа его Юрьи, Андрей, Борис, Андрей и князи их и бояре»,[27] в торжественной церковной церемонии участвовали все члены дома Калитичей (не упоминаются только верейско-белозерские князья). По-другому тот же официальный летописный источник описывает обряд перенесения мощей митрополита Петра, состоявшийся 24 августа 1479 г. — через несколько дней после освящения нового собора. На это торжество пришли «вси бояре и вельможи и многое множество народа славного града Москвы», пришел «Володимерьскы и Новгородцкы и всеа Руси самодержець» и сын его, великий князь Иван, а из других членов Московского дома — только князь Андрей Меньшой (несмотря на то что «тогда болен сый»).[28] По сравнению с 1472 г. кроме пышного титула великого князя бросается в глаза отсутствие его матери, иноки Марфы, и двух братьев — Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого. Их неучастие в торжестве, имевшем целью прославление Москвы и ее нового собора, — едва ли случайность. Надо полагать, что за семь лет ситуация внутри Московского дома существенно изменилась — изменились отношения между членами этого дома, политические и личные, изменились роль и место удельных князей — наследников Василия Темного — в политической и идеологической жизни страны. Конфликт 1472—1473 гг., хотя и разрешенный мирными средствами, не мог не оставить следа в межкняжеских отношениях.

Не менее важно, что торжественная церемония освящения Успенского собора дала повод для нового конфликта между великим князем и митрополитом. Наиболее подробно об этом конфликте

сообщают Софийская II и Львовская летописи. По их словам, «нѣцыи прелестницы клеветаша на митрополита князю великому» — митрополит при освящении церкви ходил с крестным ходом вокруг церкви «не по солнечному въсходу», т. е. не по движению Солнца. Оттого-то великий князь «гнев воздвиже» на митрополита.[29] Началась большая дискуссия между церковными иерархами: «посолонь ли ходити или не посолонь». Митрополит опирался на церковную традицию («егда престол диакон ходить в олтаре, направую руку ходить с кадилом») и нашел поддержку у одного из игуменов, побывавшего в византийском Афонском монастыре («в Святой горе видел, что так священи церковь, а со кресты против солнца ходили»). Великий князь, однако, не согласился с этими доводами и пригласил в качестве арбитров архимандрита Чудова монастыря Геннадия и ростовского архиепископа Вассиана, поддержавших его точку зрения. По словам летописца, они «свидетельство никоего не приношаху». Их аргументом было подлинное движение Солнца, трактуемое в духе христианской теологии. Налицо попытка активного вмешательства в церковную обрядность, исходящая от великого князя, нашедшего поддержку у видных представителей церковной иерархии. Это само по себе — важный симптом усиливающегося влияния со стороны государственной власти на церковную организацию, консервативную в своей основе и по своим традициям. Не менее характерен и идеологический, культурно-исторический аспект проблемы. В весьма важном для средневекового сознания вопросе сталкиваются две точки зрения — традиционная, основанная на обычае, и своего рода новаторская, находящая опору в натурфилософских представлениях о законах Вселенной (хотя и воспринимаемых, разумеется, через призму того же церковного миропонимания) и не придающая существенного значения ни традиции, ни авторитету греческих монастырей. В известном смысле рационалистический подход к вопросу о порядке освящения собора, проявленный великим князем и его сторонниками, — свидетельство нарастающих изменений в психологии передовой части русского общества, той части правительственных верхов, которая проводила и активно поддерживала централизаторскую политику, политику обновления Русской земли.

С точки зрения столкновения двух церковно-идеологических (а следовательно, и политических) тенденций — консервативной и новаторской — представляет интерес известие Московской летописи о строительстве каменной церкви Иоанна Златоуста на посаде. Эта церковь была заложена 11 июля 1479 г. великим князем на месте старой, деревянной, построенной в свое время московскими гостями и пришедшей в упадок. По распоряжению великого князя игумен новой церкви был поставлен выше всех «соборных попов и игуменов града Москвы и загородцких попов». Летопись рассказывает, что церковь была построена великим князем по обету: «. . .понеже бо имя его наречено бысть, егда бывает праздник Принесение Иоана Златоуста, генваря 27». В «застенке» новой церкви по распоряжению великого князя построили другую — в память

апостола Тимофея, «в той бо день родися». Разобранная старая церковь Иоанна Златоуста была поставлена в великокняжеском монастыре Покрова «в Садех», т. е. тоже на посаде.[30]

Это известие официозной летописи весьма примечательно. Каменное великокняжеское строительство на посаде не может не служить указанием на интерес к посадским делам, на стремление укрепить свое влияние на посадское население, на развитие контактов с ним. Из актового материала известно, что примерно в это время впервые проявляются черты новой великокняжеской политики по отношению к городу и посаду. В первые годы своего княжения Иван III подтвердил жалованную грамоту своего отца архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Исаакию (до 1464 г.) на традиционное право беспошлинной торговли «по городом» «житом каким ни буди».[31] Но уже из жалованной грамоты 1472—1479 гг. архимандриту того же монастыря Иоакиму мы узнаем, что к этому времени великий князь «пожаловал суздалцов городских людей, не велел. . . в городе селским торговцем стояти».[32] Следовательно, в Суздале была проведена важная реформа: городской торг становился монополией горожан и закрывался для сельских торговцев, что в первую очередь ударяло по интересам привилегированных феодалов — землевладельцев, пользовавшихся прежде особыми льготами в торговле.

Церковь, построенная великим князем на столичном посаде, посвящена его патрону и имеет в его глазах особое значение: она официально поставлена выше всех других храмов Москвы. Это первый подобный случай в истории столицы. Это — и своего рода реформа столичной церковной организации: во главе московского духовенства оказался не один из кремлевских игуменов и протопопов, а настоятель нового посадского храма.[33]

Реформа, связанная с церковью Иоанна Златоуста, не может быть оценена вне контекста политических отношений, сложившихся между главой Русского государства и руководством русской церкви к концу 70-х гг. Об этих отношениях источники рассказывают отрывочно и глухо, но и те сведения, которые проникают на страницы летописей, рисуют довольно выразительную картину. Суть ее заключается в активном вмешательстве правительственной власти нового централизованного государства в церковную жизнь и противодействии, оказываемом этому вмешательству со стороны верхов церковной иерархии, возглавляемых митрополитом. Перед нами один из моментов борьбы великокняжеского правительства с удельно-клерикальной оппозицией, ставшей к концу 70-х гг. одним из существенных факторов русской общественно-политической и идеологической жизни.

Заговор Феофила

Как сообщает официозная Московская летопись, 26 октября 1479 г., во вторник, «князь великий Иван Васильевич всея Руси пошел в отчину свою в Великий Новгород миром». О цели и подробностях «похода» официозный летописец не говорит ни слова, сообщая только, что на Москве, как обыкновенно, был оставлен сын великого князя Иван.[34]

По данным Пространной редакции Разрядной книги, великого князя в «походе» 1479 г. сопровождали «бояре князь Данило Дмитриевич Холмской, Петр Федорович, Яков Захарьич, Василий да Иван Борисовичи, окольничей Иван Васильевич Ощера, дворецкой Михайло Яковлевич Русалка, дети боярские Юрьи Захарьич, Семен Борисович Брухо, Иван Товарков».[35] По-видимому, эти десять человек составляли своего рода штаб великого князя во время его ответственной и весьма важной в политическом отношении первой поездки в «замиренный» Новгород.

Кто же такие эти лица? Князь Холмский из рода тверских удельных князей, потомок Александра Михайловича, врага Ивана Калиты, и дальний родственник Михаила Борисовича, тверского великого князя с 1461 г.[36] Однако не эти генеалогические связи определяют политическое лицо и характер деятельности князя Данилы. В отличие от своего старшего брата Михаила, водившего в походы тверские полки[37] и верно служившего Михаилу Тверскому до последнего дня его княжения,[38] Данило уже с конца 60-х гг. связал свою судьбу с Москвой. Летом 1468 г. во время первой казанской войны он защищает Муром и отражает набег казанцев.[39] В июне 1471 г. Данило стоит во главе авангарда войск, идущих на Новгород через Руссу,[40] он берет Руссу и одерживает важную победу на Коростыни, а затем по приказу великого князя двигается на соединение с псковичами на Шелонь, где 14 июля под его руководством происходит знаменитая битва, решившая судьбу феодальной республики.[41] Летом следующего года Данило назначен первым воеводой в походе против Ахмата,[42] угрожавшего вторжением через Оку. В ноябре 1473 г. князь Данило возглавляет войска, посланные Иваном III на защиту Пскова от угрожавшей ему очередной орденской агрессии. Прибыв в Псков во главе невиданно большой для псковичей рати, князь Данило сумел пресечь грабежи ратников и вместе с тем недовольство местных жителей. Одного присутствия русских войск оказалось достаточно для заключения выгодного для Пскова мира, подписанного 7 января 1474 г. и получившего у псковичей название «Данильев мир».[43] Обласканный псковичами, получив в дар от них 200 руб., князь Данило 20 января выезжает в Москву.[44] Но здесь его сразу же постигает опала. Взятый под стражу, но выкупленный на поруки (за огромную сумму в 2 тыс. руб.) группой московских бояр, из которых персонально известен только Иван Никитич Воронцов, служивший прежде Юрию Дмитровскому, князь Данило был вынужден дать на себя укрепленную крестоцеловальную грамоту вели-

кому князю перед лицом митрополита, трех епископов и трех столичных архимандритов. В этой грамоте, датированной 8 марта 1474 г., князь Данило обязался служить великому князю «до живота» без отъезда и принял особую феодальную присягу.[45] В чем заключалась провинность князя Холмского, остается неясным. Но важно в данном случае другое — великий князь его действительно «пожаловал, нелюбье свое отдал», и в последующие годы князь Данило сохраняет свое положение первого воеводы страны. В походе 1477 г. на Новгород он возглавляет колонну войск, идущих от Торжка левее Мсты, а 24 ноября во главе Передового полка совершает по распоряжению великого князя переход по льду через Ильмень на левый берег Волхова, чем достигается полная блокада города.[46]

Петр Федорович, второй из бояр, сопровождавших великого князя, — это Челяднин, выходец из старого московского служилого рода потомков Гаврилы Алексича, героя Невской битвы 1240 г.[47] Его отец Федор Михайлович был активным сторонником Василия Темного в феодальной войне,[48] выполнял важные дипломатические[49] и административные[50] поручения, а в духовной Василия Темного фигурирует как один из бояр-свидетелей.[51] Сам Петр Федорович упоминается в источниках с конца 60-х—начала 70-х гг.[52] В июле 1472 г. он отличился в боях с Ордой Ахмата, пытавшейся форсировать Оку после гибели Алексина.[53] В конце 70-х гг. он был наместником на Устюге.[54]

Яков Захарьич — выходец из старомосковского боярского рода Кошкиных. В источниках он упоминается впервые в связи с походом 1479 г., что говорит о его сравнительной молодости. В последующие десятилетия он выдвинулся на одно из первых мест в правительственном аппарате как многолетний наместник новгородский и участник ряда походов.[55]

Василий и Иван Борисовичи — Тучки Морозовы, представители старого боярского рода потомков сподвижника Александра Невского.[56] Оба они участвовали в походе на Новгород 1477 г. и в переговорах с новгородской депутацией об условиях капитуляции города.[57] Иван Борисович ездил в Новгород еще раньше — в 1475 г. сопровождал Ивана III в первом «походе миром», а в апреле 1477 г. был в составе делегации для переговоров с новгородцами, «какого они хотят государства».[58]

Окольничий Иван Васильевич Ощера Сорокоумов-Глебов — старый слуга московских великих князей. Его брат Григорий — участник победоносного боя с татарами на р. Листани, где был тяжело ранен в челюсть и получил прозвище Криворот.[59] В годы феодальной войны Ощера и его брат Дмитрий Бобер принадлежали к числу наиболее деятельных сторонников Василия Темного,[60] в 1455 г. Иван Ощера во главе Коломенского полка тщетно оборонял Оку от татар Сеид-Ахмета.[61] Впоследствии Сорокоумовы-Глебовы были связаны с Дмитровским уделом князя Юрия Васильевича: они имели вотчины в Дмитровском уезде,[62] были кредиторами князя Юрия, а Иван Ощера послушествовал у духовной этого князя

в 1472 г.[63] В то же время Сорокоумовы-Глебовы сохраняли тесные связи с Москвой: Дмитрий Бобер был женат на дочери Василия Дмитриевича Ермолина, одного из наиболее видных представителей высшего слоя московского купечества.[64]

К числу старых испытанных вассалов относится и дворецкий Михаил Яковлевич Русалка Морозов. Как и братья Сорокоумовы, он в 1446 г. был участником заговора в пользу Василия Темного.[65] При Иване III он упоминается как участник «похода миром» 1475 г., когда он по распоряжению великого князя взял под стражу новгородского боярина Богдана Есипова, обвиненного в тяжелом уголовном преступлении.[66]

Дети боярские, названные в составе свиты великого князя, — выходцы из той же среды старых московских служилых феодалов. Впервые здесь упоминаются Юрий Захарьич, впоследствии известный воевода (участник победы на Ведроши в 1500 г.), младший брат боярина Якова, Семен Брюхо, младший брат Борисовичей Тучков, Иван Товарков — сын Федора Григорьевича Товарко Пушкина, видного лица эпохи Василия Темного.[67] В 1479 г. Иван Товарков был уже довольно опытным деятелем. В качестве сына боярского он участвовал в «походе миром» 1475 г. и после суда великого князя на Городище «поимал» посадника Василия Онаньина.[68] В январе 1478 г. Иван Товарков присутствует при крестоцеловании капитулировавших новгородских бояр и по личному поручению великого князя разъясняет им смысл новых требований к их феодальной службе.[69]

Итак, лица, составлявшие ближайшее окружение великого князя в походе 1479 г., — представители высшего слоя русского феодального вассалитета и связаны (за исключением князя Д. Дм. Холмского) с великокняжеской властью многими поколениями своих служилых предков. Именно этот слой поставляет и советников-думцев, и воевод, и наместников, и дипломатов, а в случае нужды и приставов-стражников при «поиманных» за всякие «вины». Тот факт, что в состав свиты входят известнейший на Руси военачальник, памятный новгородцам победитель на Шелони, и своего рода специалисты по новгородским делам Борисовичи Тучки и Иван Товарков, свидетельствует о важном значении и военно-политическом характере похода.

По сведениям официозной Московской летописи, во время пребывания в Новгороде великий князь жил на «Ефимьеве дворе Медведнова» и «повеле изымати. . . владыку новгородского Феофила».[70] Симеоновская летопись приводит точную дату этого «поимания» (19 января 1480 г.) и дату отправки архиепископа в Москву (24 января).[71] Новгородский владыка был заточен «в монастыри у Чуда», где он сидел «полтретья лета, ту и преставися».[72] Московская летопись и близкие к ней летописи ничего не сообщают ни о причинах «поимания» Феофила, ни о других событиях, связанных с длительным пребыванием великого князя в своей северной «отчине».

Львовская летопись знает о поездке и пребывании великого князя в Новгороде, но не приводит никаких дат и деталей.[73] Псков-

ские летописи дают точную дату прибытия великого князя в Новгород (2 декабря) [74] и говорят о псковских посольствах к нему, но сообщают об аресте Феофила без всяких комментариев.[75]

Источником, дающим более подробную информацию об этих событиях, является Типографская летопись. По ее данным, великий князь «стоял в Новгороде в Словиньском конце с всеми людьми».[76] Думается, что избрание для резиденции великого князя именно Словенского конца не случайно — жители этого конца были сравнительно лояльны по отношению к Москве.[77] Боярство Софийской стороны, Неревского конца и Прусской улицы стояло, напротив, на традиционных антимосковских позициях. Далее летописец приводит не совсем понятное сообщение, что «половину города испрята (?) [78] ему сее стороны». Зато об аресте Феофила Типографская летопись говорит четко и ясно, хотя по своему обыкновению не называет дат. Великий князь «изыма архиепископа. . . в коромоле и посла его на Москву, и казну его взя, множество злата и сребра и судов его». Особый интерес представляет причина «коромолы»: «не хотеша бо той владыка, чтобы Новгород был за великим князем, но за королем или за иным государем». Причина этого в свою очередь в том, что «князь. . . великий, коли первые взял Новгород, тогда изыма в новгородского владыки половину волостей и сел и у всех монастырей», именно «про то владыка нелюбие держаше».

Итак, по объяснению летописца, причина «коромолы», имевшей целью отторжение Новгорода от Русского государства и передачу его под власть иноземцев, — политика великого князя по отношению к новгородскому церковному (владычному и монастырскому) землевладению. Не подтверждаемое прямо никакими другими источниками, это объяснение по существу своему достаточно правдоподобно. Архиепископ Феофил в 1470—1477 гг. был, по-видимому, представителем сравнительно умеренной партии, не желавшей полного разрыва с Москвой и стоявшей на позициях компромисса с великокняжеской властью. Именно в таких тонах рисует Феофила московский полуофициоз, «Словеса избранные», описывая события зимы 1470/71 г. и противопоставляя архиепископа князю Михаилу Олельковичу и партии Пимена—Борецких. Однако полная ликвидация политической независимости Великого Новгорода в результате похода 1477 г. и Троицкого стояния, а главное решительные меры, принятые московским правительством в январе 1478 г. и направленные своим острием против экономического и политического могущества дома св. Софии и монастырей, могли привести к переориентации Феофила и стоявших за его спиной феодальных кругов Новгорода, к переоценке ими политических ценностей.

Политика московского правительства в новгородской «отчине», по-видимому, отнюдь не оправдала ожиданий той умеренной группы новгородского боярства, ставленником которой был Феофил и которая надеялась на мирное «сосуществование» с великокняжеской властью, рассчитывая сохранить свой политический вес и экономическое процветание в условиях включения Новгорода в состав

Русского государства. Конфискация части владычных вотчин и ликвидация политической власти архиепископа в январе 1478 г. — только первые шаги московского правительства в Новгороде, достаточно ясно показывающие общее направление московской политики. Эта политика была направлена отнюдь не на умиротворение новгородской олигархии, не на компромисс с нею, а на полное и безусловное подчинение ее, на реальное (а не номинальное) включение Новгородской земли в состав Русского государства, на коренную перестройку (а не частичное изменение) всей системы политических и экономических отношений в этой земле. Думается поэтому, что заговор Феофила следует рассматривать не как изолированный феномен, а как проявление общего негативного отношения новгородской олигархии к политике московского правительства.[79] По-видимому, интересы этой олигархии оказались несовместимыми с интересами Русского государства, с задачами его дальнейшего укрепления и консолидации. Борьба новгородского сепаратизма против централизованного государства не прекратилась с ликвидацией феодальной республики. Реальные, объективные противоречия боярской олигархии с московским правительством сохранились, изменились только форма и характер этой борьбы. Не имея возможности использовать в новых условиях в своих целях городскую общину и, опираясь на вече, открыто выступить против великокняжеской власти и ее политики, сепаратистская боярская оппозиция ищет и находит иные пути — пути тайных заговоров, «коромол». В свете этого, может быть, и следует понимать вышеприведенное плохо читаемое место Типографской летописи как указание на репрессии, произведенные московскими властями в Новгороде в связи с раскрытием «коромолы» Феофила. Репрессии, по-видимому, обрушились на Софийскую «половину» города, теснее всего связанную с владыкой и боярством Неревского конца и Прусской улицы.[80] Арест главы Софийского дома и наиболее авторитетного представителя боярской олигархии — беспрецедентное событие, едва ли прошедшее гладко и не вызвавшее никаких осложнений в городе, еще только вчера бывшем столицей могущественной феодальной республики.

Раскрытие «коромолы» Феофила — важное событие в истории борьбы с новгородским сепаратизмом, имевшее далеко идущие политические и социальные последствия и знаменовавшее определенный этап в наступлении Москвы на позиции боярской олигархии. Борьба за Новгород, за его прочное включение в состав Русского государства отнюдь не кончилась событиями января 1478 г., не кончилась поражением и формальной капитуляцией боярской олигархии, вынужденной целовать крест великому князю и согласиться на политическое переустройство Новгорода. И после января 1478 г., после ликвидации вечевых институтов, должностей посадника и тысяцкого и введения в Новгороде управления по общерусскому образцу, новгородская олигархия, светская и духовная, продолжала оставаться грозной враждебной силой, борьба с которой была насущной необходимостью для Русского государства. Сохранившее

свои огромные материальные ресурсы, свое традиционное влияние на новгородские концы и улицы, новгородское боярство, группируясь вокруг Софийского дома, представляло собой потенциально враждебную среду, в которой возникали заговоры и к которой тянулись все противники централизаторской политики Москвы.

«Поимание» Феофила сопровождалось, по словам Типографской летописи, конфискацией его «казны».[81] Речь идет, таким образом, не только и не столько о наказании самого архиепископа, обвиненного в измене, но и о ликвидации огромных богатств Софийского дома, перешедших теперь в руки Русского государства. В связи с этим возникает вопрос о судьбах владычных вотчин — основы материального могущества архиепископской кафедры, крупнейшего землевладельца Новгорода. Источники не содержат прямых указаний на конфискацию этих вотчин в связи с событиями января 1480 г. Однако нет оснований отрицать вероятность такой конфискации. Она соответствовала методам и традициям московской политики — опалы, как правило, сопровождались конфискациями вотчин. Так именно было сделано в отношении новгородских бояр, обвиненных в измене во время Троицкого стояния. Во всяком случае политическому и экономическому могуществу Софийского дома, ставшего после ликвидации вечевых институтов идейным оплотом новгородского сепаратизма, в январе 1480 г. был нанесен сильнейший удар, от которого он уже не смог оправиться. Но разгром Софийского дома ставил на повестку дня новые вопросы — о позиции новгородского боярства, непосредственно не затронутого репрессиями, о социально-политической опоре московской власти в Новгороде.[82] Борьба с политическим могуществом новгородской боярской олигархии не могла остановиться на полпути, она все в большей степени перерастала в борьбу против экономического могущества этой олигархии, против ее социальных корней.

Двухмесячное пребывание великого князя в Новгороде (Славенское стояние) ознаменовалось и другими событиями большого политического значения. Узнав о прибытии великого князя в Новгород, к нему 6 декабря поехал с поклоном псковский князь-наместник Василий Васильевич Шуйский, а псковские власти отправили на следующий день посольство в составе пяти посадников и по боярину с каждого конца с «поминками» и с даром в 65 руб.[83] Посольство с дарами и поминками — свидетельство тщательного соблюдения псковичами ритуала, принятого в обращении с московским правительством и подчеркивающего лояльность Пскова по отношению к Москве. 25 декабря псковские послы вернулись и доложили о своем посольстве на вече, 30 декабря в Псков приехали послы великого князя — Дмитрий Давыдович и Семион.[84] Во время пребывания этих послов, 1 января 1480 г., «пригони изгоном немцы на хрестном целовании местеровы люди да арцбыскупли, да Вышегородок взяли».[85]

Нападение Ордена явилось, по-видимому, для псковичей в значительной мере неожиданным. Правда, в последние два года отношения с Орденом были достаточно плохими. Весной 1478 г. магистр

захватил псковского гостя в Риге и отнял его товар, хотя самого гостя отпустил по просьбе псковского посольства. 27 сентября того же года псковичи ходили «мстити в Немецкую землю» и добыли много полона, а немцы захватили в Юрьеве 45 псковских гостей и посадили их в погреб. Последовали псковское посольство в Юрьев и репрессии в отношении немецких гостей в Пскове (их тоже «всадили в погреб в охабни»[86]). Но все это была своего рода «малая война» — инциденты, не приводившие к полному разрыву и сопровождавшиеся попытками мирного урегулирования. Теперь же перед нами факт серьезного нападения орденских войск со взятием города и значительными жертвами.[87] О масштабах нападения можно судить по словам псковского летописца: немцы сожгли городскую стену и церковь Бориса и Глеба, «а мужей и жен и деток малых мечи иссекли».[88] По сообщению Псковской II летописи немцы повели уцелевших жителей городка в плен, но часть городка сохранилась от пожара.[89] Сами немцы потеряли, по псковским данным, 50 человек в доспехах, не считая погибших при пожаре.[90] В ночь на 2 января по звону вечевого колокола в Пскове началась мобилизация. «Поехаша посадники и мужи псковичи той ночи, и назавтрея много поехали; срубишися с 4 сох конь».[91] Немцы быстро отступили от сожженного ими города. Однако это было только началом военных действий со стороны Ордена. 20 января ночью орденские войска появились под стенами Гдова. Они осадили город, открыли по нему артиллерийский огонь («почаша пушками шибать»), сожгли посад и стали опустошать окрестности («почаша воевать»).[92] «Бяше велми притужно граду»: хотя немцам его взять не удалось, они разорили все волости.[93]

Нападение орденского отряда, вооруженного артиллерией, на один из псковских пригородов свидетельствовало о том, что «малая война» перерастала в большую.

Последний вооруженный конфликт на западной границе происходил весной 1463 г. 21 марта немцы напали на псковский Новый Городок «со многим замышлением» и подвергли его артиллерийскому обстрелу. Военные действия продолжались несколько месяцев. Великий князь тогда послал на помощь псковичам свои войска под начальством князя Федора Юрьевича Шуйского, и орденские власти вынуждены были пойти на перемирие.[94] Когда 10 лет спустя между Псковом и Орденом опять резко обострились отношения, московское правительство снова сыграло решающую роль в заключении мира, подписанного от имени великого князя воеводой князем Д. Дм. Холмским.[95]

Впервые за 17 лет Псковская земля стала объектом крупного нападения орденских войск.[96] Нападение на Гдов показало псковичам всю серьезность положения и вызвало их обращение к великому князю в Новгород: «силы просити на немцы». 11 февраля в Псков прибыли посланные великим князем московские войска во главе с воеводой князем Андреем Никитичем Оболенским.[97] В Пскове и его пригородах и волостях в это время шли мобилизация и сосредоточение войск в районе Изборска для ответного удара по

орденским владениям. Пробыв три дня в Пскове, московские войска вместе с псковичами выступили в поход. Уничтожив после трехдневной осады немецкое укрепление («костер») Омовжу на берегу Чудского озера, русские войска подошли к Юрьеву и, простояв под ним один день, повернули обратно с полоном, «добытком» и трофеями.[98] 20 февраля войска уже вернулись в Псков.[99]

Короткий удар русских войск по орденским землям носил характер успешной карательной экспедиции и сам по себе не мог привести к каким-либо крупным военно-политическим результатам. Как показывал опыт последних десятилетий, только пребывание в Пскове достаточно крупных сил русских войск, готовых к выступлению, могло служить надежной гарантией миролюбия со стороны орденских властей. Именно так было во время конфликтов 1460, 1463 и 1473 гг. Однако на этот раз московский воевода не только прервал успешный поход и вернулся в Псков, но и оттуда, «три ночи ночовав, да прочь поехал и своим войском на Москву». Напрасно псковичи слали ему вдогонку своих посадников «бити челом. . . чтобы воротился взад к Пскову». Послы «надгнали» его уже под Порховом, но он «не приаша псковского челобитья». Впервые за 20 лет своего союза с Москвой Псков оказался предоставленным собственным силам, лицом к лицу с нарастающей орденской агрессией. Уже 25 февраля нападению крупных сил немцев подвергся Изборск. Война с Орденом разгоралась.

Пытаясь объяснить этот неприятный и неожиданный для псковичей оборот дела, автор Псковской III летописи выдвигает версию, что воевода «на псковичи разгневался».[100] Но это, по-видимому, не более чем домысел, причем неудачный. Причину быстрого ухода московских войск из города, который находился под угрозой вражеского нашествия и который они должны были оборонять, и их форсированного марша по Псковской земле в сторону Москвы следует, очевидно, искать в другом крупном событии, происшедшем в те же январско-февральские недели и резко изменившем всю внутри- и внешнеполитическую ситуацию. Об этом событии московский официоз сообщает в лаконичной форме: «Тое же зимы братия князя великого, князь Андрей Большой да князь Борис, отступиша от великого князя, а княгини свои отпустиша в Ржеву».[101] Начался феодальный мятеж.[102]

Итак, к февралю 1480 г. политическое положение Русского государства рисуется следующим образом. В Новгороде вскрыта «коромола» в верхах, имеющая достаточно глубокие корни и серьезное внутри- и внешнеполитическое значение. На северо-западном рубеже развертывается большая война с Орденом, носящая характер отражения нарастающей немецкой агрессии. В центре страны впервые за 30 лет начинается феодальный мятеж удельных князей Московского дома. Активизация внутренней реакции, всех сил, прямо или косвенно направленных против политики централизации, впервые совпадает по времени с резким обострением внешней опасности. Каждое из этих явлений само по себе представляло серьезную угрозу Русскому государству, а в совокупности они

ставили Русскую землю перед лицом наиболее опасной ситуации со времен феодальной войны 30—40-х гг. XV в.

В этой критической ситуации от политического руководства Русского государства зависело весьма многое. Необходимы были верная и быстрая оценка обстановки, своевременное принятие целесообразных решений и твердая воля в их осуществлении. Решающее значение имели, как и во всех подобных ситуациях, когда на карту поставлено будущее целого народа, степень общественной поддержки, наличие определенной морально-политической базы, которая одна и могла обеспечить успешность проведения тех или иных правительственных мер.

Как видим, первый шаг московского правительства в разрешении кризисной ситуации увенчался успехом. Заговор Феофила удалось раскрыть до того, как поднялись мятежные князья, и до того, как война с Орденом достигла большой степени обострения. Тем не менее в первые дни февраля 1480 г. общее политическое положение не только оставалось крайне напряженным, но и продолжало ухудшаться в связи с началом феодального мятежа и развертыванием орденской агрессии. В эти дни московское правительство стояло перед лицом важнейших проблем, требовавших своего разрешения.

Если агрессия со стороны Ордена угрожала северо-западным рубежам страны, то феодальный мятеж грозил охватить центральные районы государства и ставил под удар всю политическую систему Руси. Это делает понятным и оправданным решение московского правительства отозвать войска с театра ливонской войны и сосредоточить все внимание на локализации мятежа удельных князей, предоставив на время оборону Псковской земли ее собственным силам. С февраля 1480 г. начинается новый, второй, этап политического кризиса. Центральным событием этого этапа становится борьба с феодальным мятежом.

Феодальный мятеж

Первый акт конфронтации между удельными князьями Московского дома и его главой, великим князем всея Руси, относится к началу 70-х гг., ко времени после первой победы над Новгородом. Именно в это время великокняжеская власть впервые предпринимает попытки фактической ревизии сложившейся системы отношений внутри Московского дома. Важнейший момент этой ревизии — безоговорочное присоединение к великокняжеским владениям выморочного Дмитровского удела. Конфликт с братьями Андреем, Борисом и Андреем Меньшим был на этом этапе ликвидирован путем незначительных территориальных уступок (с использованием земель, входивших во владения великой княгини Марии Ярославны), обусловленных важным политическим обязательством братьев — не вступаться в новые «примыслы» великого князя, в частности в Дмитровский удел.[103]

Компромисс 1472—1473 гг. (с явным перевесом в пользу великокняжеской власти) на протяжении нескольких последующих лет служил основой для взаимоотношений князей Московского дома. Удельные князья участвуют в крупнейшем военно-политическом предприятии этих лет — новгородском походе 1477 г., что свидетельствует о сохранении союза между московскими князьями и о признании младшими из них сюзеренитета старшего. В то же время следует отметить, что ни один из удельных князей не участвовал в «походе миром» 1475 г. — наиболее важной акции по осуществлению реального управления Новгородской землей. Думается, что это не случайность. Великокняжеская власть, призывая своих союзников-вассалов к участию в военных походах, отнюдь не стремилась делить с ними бразды правления Русской землей. Победа над Новгородом — дело всех князей во главе с великим князем, но управление Новгородской землей — монополия именно великого князя, государя всея Руси. Это противоречие — основа будущих конфликтов между князьями Московского дома.

Собственно говоря, противоречие это особого свойства. Выступая перед братьями в качестве главы Московского дома, великий князь в то же время объективно является главой нового политического организма, новой политической системы — Русского государства с его качественно новыми потребностями, закономерностями и развивающимися традициями. В облике великого князя именно это новое качество государя всея Руси (а не просто старшего из князей, обязанного «блюсти и не обидети» младших и «печаловаться» ими) выступает на первый план и определяет все в большей мере его политическую практику и идеологию. Фатальная неизбежность новой конфронтации, новых столкновений определяется именно тем, что глава Московского дома приобретает новое качество, а члены этого дома остаются по-прежнему не более чем удельными князьями с их политическим кругозором, традициями и интересами. Другими словами, факт создания новой политической реальности — Русского государства — вступает в противоречие со старыми, еще сохраняющимися удельно-княжескими традициями, с осколками старой политической системы.

О стремлении удельных князей сохранить владения и политический статус, передав то и другое своим наследникам, свидетельствует духовная грамота князя Бориса Волоцкого, датируемая октябрем 1477 г.[104] Отправляясь в последний новгородский поход, князь Борис дает «указ своей княгине и своему сыну Федору». Последнему он завещает весь удел: Волок, Ржеву и Вышгород и долю в управлении Москвой и в московских доходах. Княгине Ульяне завещается ряд волостей и сел и около 20 семей княжеских холопов. «Печаловаться» о своих наследниках князь Борис «приказывает» своему «господину и о с п о д а р ю (разрядка моя. — *Ю. А.*) и брату старейшему», а также «его сыну, своему господину».[105] Духовная князя Бориса представляет интерес в том отношении, что в ней впервые в документе такого рода великий князь — старший брат назван не только «господином», но и «осподарем». Эта титулатура

прежде применялась только к родителям[106] и служила термином семейного права. Распространение титула «осподарь» (=господарь) на старшего брата имеет политический оттенок.[107] В то же время духовная в целом носит консервативный характер — удел переходит к его сыну на таких же началах, на каких им владеет сам князь Борис.

Наступление великокняжеской власти на права удельных князей и их борьба за сохранение своего политического статуса и своих владений определяют политический климат Русского государства на исходе 70-х гг. XV в. Как мы имели возможность видеть на примере «брани» о Кирилловом монастыре, именно к этому времени впервые достаточно четко проявляется своего рода удельно-клерикальная консервативная оппозиция московскому правительству, намечается сближение удельных князей с верхами церковной иерархии. Но если конфликт по поводу Кириллова монастыря носил относительно мирный, локальный характер, не выходя формально за пределы церковно-административных вопросов, то зимой 1479/80 г. события с самого начала приняли совершенно иной оборот.

О непосредственном поводе для «отпадения» братьев от великого князя подробно рассказывает Софийско-Львовская летопись. В 1479 г. «сведе князь великий наместника с Лук с Великых из Новугородцкого с Литовского рубежа, и биша челом князю великому лучане на него о продаже и о обиде».[108] Великий князь устраивает суд лучан с их бывшим наместником, князем И. Вл. Лыко Оболенским. «Иное же на нем дотягалися, и он оборотню в продажах платил, и иное князь великый безсудно велѣл платити им». Летопись подчеркивает, что на суде лучане пользовались полной поддержкой великого князя и рассчитывали на нее, «надеючися на великого князя, что им потакивает».[109] В этом известии Софийско-Львовской летописи можно отметить по крайней мере два существенно важных момента. Первый из них — сам факт суда над наместником великого князя по жалобам местных жителей, второй — позиция, занятая на суде великим князем.

Автор соответствующего рассказа в Софийско-Львовской летописи, явно сочувствующий наместнику, считает само собой разумеющимся, что он «берет», и клевету на него со стороны лучан видит только в том, что он «где мало взял, а они о мнозе жалобу положили». Подобное отношение к методам наместничьего управления характерно. По своей тенденции оно перекликается с порядками неограниченного произвола княжих тиунов, запечатленными в русских статьях Мерила Праведного.[110] Летописец отражает точку зрения тех кругов феодалов, которым по душе старинные порядки бесконтрольного наместничьего управления.[111]

Не менее характерен и результат самого суда над наместником. В продажах, в которых «на нем дотягалися», он платит «оборотню», т. е., по-видимому, возвращает деньги потерпевшим. Но великий князь велит платить не только такие продажи, в которых лучане «дотягались», но и «бессудно». Тут-то и проявляется «потачка» лучанам. «Бессудные» платежи (незаконные с точки зрения лето-

писца) носят характер штрафа-наказания наместника, вызвавшего столь массовое недовольство, штрафа в пользу пострадавших от него лучан. Именно этот штраф, по словам летописца, и приводит к самовольному отъезду (фактически бегству) князя Лыка в Волоцкий удел.

Суд великого князя над наместником, штраф с него в пользу пострадавших лучан на фоне только что происходивших судов (в 1475—1477 гг.) над новгородскими посадниками и боярами по аналогичным жалобам горожан и сельчан — важное событие, отражающее определенный этап и в организации местного управления, и во всей внутренней политике великокняжеской власти. Эта власть, поддерживая лучан, т. е. рядовых горожан, сельчан и мелких феодалов Великих Лук, фактически выступает против представителя московского боярства, как она накануне выступила против новгородского боярства.

При этом необходимо, однако, иметь в виду одно весьма существенное обстоятельство. Новгородское боярство в целом, как феодальная корпорация, было враждебной силой по отношению к московскому правительству и его политике централизации. Борьба за установление великокняжеского суда в Новгородской земле с необходимостью включала как важнейшее условие борьбу против этой олигархии как таковой. Князь Лыко Оболенский независимо от своих личных качеств отнюдь не являлся представителем социального слоя, принципиально враждебного московской власти. Его ближайшие родственники, князья Оболенские, занимали видные военно-административные посты в Москве и входили в ближайшее окружение великого князя. Проводя свою политику централизации, московское правительство опирается в значительной мере на боярскую феодальную аристократию, в состав которой входят и Оболенские, и другие вчерашние удельные князья, превратившиеся в бояр великого князя. Сам Лыко управляет Луками отнюдь не от своего имени, а только в качестве наместника — доверенного лица московского правительства. Поэтому выступление этого правительства против Лыка имеет другую социально-политическую природу, чем суд в 1475 г. на Городище над новгородскими боярами. Если в суде на Городище декларированное великим князем стремление «обиденым управа дати» перекликалось и переплеталось (и не могло не переплетаться) со стремлением нанести удар враждебной местной олигархии, то в деле Лыка Оболенского мотив защиты «обидных», защиты интересов горожан выступает в наиболее чистом виде. Лыко Оболенский наказывается за свои злоупотребления, наказывается как нерадивый, недобросовестный представитель самого московского правительства. В суде над Лыком трудно, казалось бы, усмотреть моменты политической дискриминации — с точки зрения великого князя это не больше чем восстановление справедливости в рамках существующего порядка. Вчерашний владетельный удельный князь в глазах московского правительства — только подвластный великому князю исполнитель его поручений, подлежащий в данном случае наказанию. Однако

именно в этом взгляде и заключается фактическая дискриминация, если посмотреть на дело не с позиций великого князя, государя всея Руси, а с позиций тех, кто вырос в вековых традициях феодальной раздробленности и прочно усвоил их. С этих позиций, на которых стоит автор летописного рассказа, суд над наместником и потачка лучанам есть именно нарушение традиции, т. е. явно несправедливый акт великокняжеского произвола. На таких же позициях стоит несомненно и сам князь Лыко, воспринимающий великокняжеский суд и свое обвинение как оскорбление.

«Не мога того терпети», князь Лыко отъезжает в другой удел — на Волок к князю Борису Васильевичу. Этим он реализует феодальное право отъезда, зафиксированное во всех межкняжеских договорных грамотах («а боярам и слугам межи нас вольным воля»). Однако в то же время отъезд от суда великого князя — акт открытого неповиновения великокняжеской власти. Это формальная, хотя и важная сторона дела. Еще более важна, однако, сама причина неповиновения: великий князь решительно встал на сторону горожан в их конфликте с наместником. В этих условиях отъезд князя Лыка приобретает характер политического протеста, в основе которого лежат определенные социальные мотивы: стремление феодальной аристократии сохранить и в новых условиях на службе великого князя свое исключительное положение, особые права и привилегии.

Воспринимая, по-видимому, отъезд князя Лыка как бегство от суда по делам о злоупотреблениях властью и как акт неповиновения, великий князь велит схватить беглеца «серед двора» приютившего его удельного князя. Происходит открытая схватка — посланец великого князя Юрий Шестак отбит князем Борисом.[112] Миссия Шестака — явное нарушение и формальных суверенных прав удельного князя, и старой феодальной традиции.[113] Цель ее, по-видимому, не в том, чтобы вызвать конфликт с Борисом Волоцким, а в том, чтобы добиться торжества справедливости (в понимании великого князя) по отношению к беглецу. Поэтому посылается вторая миссия (А. М. Плещеева),[114] уже вполне корректная, с просьбой о выдаче князя Лыка. Однако Борис Волоцкий категорически отказывается сделать это, взяв на себя как суверенный владелец удела «суд и управу» по делу Лыка.

Великий князь предпринимает третью попытку добиться своего. Видимо, в его глазах дело Лыка — опасный прецедент. Зимой 1479 г. Лыко, наконец, был тайно схвачен в своем селе наместником Боровского уезда В. Ф. Образцом и привезен в оковах в Москву.[115]

Отъехав к удельному князю, Лыко сохраняет свои земли в Боровском уезде, тянущем к Москве. Феодальное право отъезда, зафиксированное в межкняжеских докончаниях XIV—XV вв., продолжает еще формально действовать: «А боярам, и детем боярским, и слугам промеж нас вольным воля. А хто моих бояр, и детей боярских, и слуг имет жити в твоей отчине, и тебе их блюсти, как и своих». Эта традиционная норма была вновь подтверждена в до-

кончании 1473 г. великого князя с Борисом Волоцким.[116] Отъезд к удельному князю еще не рассматривается как прямая измена и не влечет за собой немедленной конфискации вотчин.[117] Тем чувствительнее и опаснее с точки зрения удельного князя новое (и притом существенное) нарушение его прав. Именно эта акция дает сигнал к открытому выступлению удельных князей против великокняжеской власти.

«Слышав же се, князь Борис Васильевич посла ко князю Андрею Васильевичу углицкому, брату своему болшому, жалуяся на великого князя, что какову силу чинить над ними».[118]

В изложении летописца послание Бориса Волоцкого в форме упреков великому князю содержит три основных положения: 1) «князь Юрий умер. . . и князю великому вся отчина его досталося, а им подѣла не дал ис тое отчины; Новгород Великый взяли с ним. . . а им жеребья из него не дал»; 2) «кто отъѣдеть от него к ним, и тѣх безсудно емлеть; уже ни за бояре почел братью свою»; 3) «а духовные отца своего забыл, как ни писал, по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего».[119] Эти положения имеют принципиально важное значение. Первое из них — требование передела земель. Передел земель — традиционный институт межкняжеских отношений, восходящий ко времени Ивана Калиты, который в своей духовной писал: «А по моимъ грѣхомъ ци імуть искати татарове которых волостии, а отыимуться, вам, сыномъ моимъ и княгини моеи, подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто».[120]

То же положение содержится и в духовной великого князя Ивана Ивановича, но в более конкретной форме: «А ци по грѣхомъ имуть искати из Орды Коломны, или Лопастеньских мѣст, или отмѣньных мест Рязаньских, а по грѣхом ци отъимется которое место, дети мои. . . и княгини в то мѣсто подѣлятся безъпеньными мѣсты».[121]

Дмитрий Донской также предусматривает возможность переделов: «А у которого сына моего убудет отчины. . . и княгини моя подѣлит сыновъ моихъ из их удѣловъ». Передел предусматривается и в случае смерти старшего сына Василия: его удел переходит к следующему по старшинству Юрию, «а того удѣломъ подѣлит их моя княгини».[122]

Необходимость переделов фиксируется и в межкняжеских докончаниях. В первом договоре великого князя Василия Дмитриевича и князя Владимира Андреевича предусматривается конкретная ситуация: «А ци какимь дѣломь отоиметься от тобѣ Ржева, и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто Ярополчь да Медуши. А искати ны Ржевы, а тобѣ с нами, с одиного. А наидемъ Ржеву, и Ржева тобѣ, а волости наши намъ».[123] Аналогичное положение содержится и во втором договоре этих князей — на этот раз применительно к Городцу и Козельску.[124]

Духовная Василия Темного тоже включает традиционную формулу: «А по грехом у которого у моего сына вотчины отои-

мется, и княгини моя уимет у своих сыновъ изъ их удѣлов да тому вотчину исполнит. . .».[125]

В условиях XIV—первой половины XV в. переделы имели важное политическое значение: так же как и совместное управление Москвой, они были материальным выражением единства князей Московского дома, потомков Ивана Калиты. В переделах земли (и в самом принципе переделов) реализовывалось то «одиначество» московских князей («быти ны за один»), которое проходит красной нитью через их договоры, противопоставляя их как единое целое внешнему миру.[126]

Строго говоря, переделы предусматривались только в случае уменьшения удела. Приобретения («примыслы») новых земель под категорию переделов в докончаниях не подпадали. О возможности таких «примыслов» говорит договор 1428 г. Василия Темного и князя Юрия Дмитриевича: «. . .или что себѣ примыслили, или что собѣ примыслять. . . того ти всего под нами блюсти».[127] Эта же формула повторяется и в последующих договорах князей Московского дома, вплоть до докончаний Василия Темного с князем Василием Ярославичем. В последнем из этих докончаний перечисляются приобретения Василия Темного — уделы князя Юрия Дмитриевича и князя Ивана Андреевича.[128] Таким образом, формулы о переделах и «примыслах» в межкняжеском феодальном праве XV в. сосуществуют, отражая соответственно противоречивые черты этого права — тенденцию к сохранению «одиначества» князей и гарантию их совместного владения «отчиной» отца и тенденцию к усилению самостоятельности каждого данного княжества.

Второе положение, выдвинутое Борисом Волоцким, — гарантия неприкосновенности права феодального отъезда как важнейшего правового института удельной системы. Это право впервые сформулировано в договорной грамоте сыновей Ивана Калиты: «А бояромъ и слугамъ волнымъ воля, кто поѣдет от нас к тебѣ, к великому князю, или от тобе к намъ, нелюбья ны не держати».[129] Грамота поясняет, что вольные слуги — это те, «кто в кормленьи бывал и в доводѣ».[130] При этом, однако, право отъезда не распространяется на тех, кто с точки зрения князей является государственным преступником: «А что Олексѣ Петрович вшелѣ в коромолу к великому князю, нам. . . к собѣ его не приимати, ни его дѣтии. . . воленъ в нем князь великий, и в его женѣ, и въ его дѣтех».[131]

Гарантия права отъезда бояр и вольных слуг повторяется и во всех последующих межкняжеских докончаниях, вплоть до договоров 1473 г.: «А бояром, и дѣтем боярьским, и слугам промеж нас волным воля».[132] Материальным выражением права свободного отъезда феодалов является взаимная гарантия неприкосновенности их земель: «А хто. . . моих бояръ, и дѣтей боярьских, и слуг имет жити в твоей отчинѣ, и тебѣ их блюсти, как и своих. А хто твоих бояръ. . . имет жити в нашей отчинѣ. . . и нам их блюсти, как и своих».[133]

Села бояр и слуг тянут данью к владельцу удела: с них «дань взяти, как и на своихъ (боярах. — *Ю. А.*)».[134] В военно-служилом

отношении бояре и слуги независимо от места своего проживания тянут к своему князю. Этот общий принцип впервые четко сформулирован в договоре великого князя Василия Дмитриевича с братом Юрием около 1390 г.: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тѣм князем а и ѣхати, кому служит». Исключение из этого правила допускается для городной осады: в этом случае «гдѣ кто живет, тому туто и сѣсти, опроче путных боярѣ».[135]

Принцип экстерриториальности военной службы бояр и вольных слуг — основа организации войска в период существования удельных княжеств.[136] Вместе со свободным отъездом и неприкосновенностью вотчин он входит в единый комплекс прав высшего и среднего слоя класса феодалов — один из устоев удельной системы.

При наличии тесного союза, «одиначества» между князьями Московского дома, право отъезда, неприкосновенность вотчин и экстерриториальность службы сплачивали бояр и слуг московских князей в единый военно-служилый корпус и способствовали его эффективности и боеспособности.

Тесная, неразрывная связь права отъезда с основами существования удельной системы хорошо осознана в послании Бориса Волоцкого. Боярин, отъехавший к удельному князю и поступивший на его службу, тем самым подпадает под его юрисдикцию; всякие действия против этого боярина являются нарушением суверенных прав его князя.

«. . .Уже ни за бояре почел братью свою». Эта сентенция (близкая, по-видимому, к подлинным словам князя Бориса) открывает еще одну черту удельной системы. Боярская вотчина в представлении князя Бориса пользуется широким судебным иммунитетом; боярин может в своей вотчине творить суд и расправу, укрывая кого угодно от княжеских людей. В глазах обиженного Бориса он, князь, лишен даже этого права.

В представлении удельного князя его удел, с одной стороны, — неразрывная часть земель Московского дома, пределы которой должны расширяться по мере роста общих владений этого дома; с другой стороны, удел — территория, на которую распространяются все суверенные права его князя, куда нет доступа агентам великого князя.

Третье существенное положение послания Бориса Волоцкого касается общего стиля отношений между князьями Московского дома. Основные принципы этих отношений были сформулированы еще в середине XIV в. Сыновья Ивана Калиты целовали «межи собе крест у отня гроба» в том, чтобы «быти ны заодин до живота. А брата старѣйшего имѣти ны и чтити въ отцево мѣсто. А брату нашему нас имети. . .» (очевидно, «в братстве»).[137] Эта идея повторяется во всех последующих межкняжеских докончаниях.[138] В договорах 1473 г. она сформулирована следующим образом: «Имети ти мене, великого князя, собе братом старейшим во отца место. . . А нам, великим князем, тобя жаловати и держати в братьстве, и в любви, и во чти, без обиды. . .».[139] Высшая формальная

санкция таких отношений между князьями-братьями — воля отца, выраженная в его духовной. В духовной Василия Темного в полном соответствии с традицией определяется: «А вы, дети мои, чтите и слушайте своего брата старейшего Ивана в мое место, своего отца. А сын мои Иван держит своего брата Юрья и свою братью меньшую в братстве, без обиды».[140]

Именно к таким отношениям между князьями призывает послание Бориса Волоцкого: «А духовные отца своего забыл, как ны писал, почему им жити».[141] Итак, восстановление старых, традиционных отношений, основанных на относительном равноправии князей как суверенных владельцев уделов, договаривающихся между собой о своем «одиначестве» при старейшинстве старшего брата, — вот тот политический идеал, который рисуется волоцкому князю.

Все три требования Бориса Волоцкого тесно связаны между собой и в своей совокупности могут рассматриваться как цельная политическая программа удельно-княжеских кругов в период образования централизованного государства.

Требования князя Бориса несомненно справедливы с точки зрения удельной московской старины и отношений, отраженных в духовных и договорных грамотах московских князей со времен Ивана Калиты.[142] Политическая линия, взятая Борисом, теоретически оборонительная. Она формально не означает ни отрыва уделов от Москвы, ни ослабления Москвы как центра Русской земли. Она требует сохранения соучастия удельных князей в управлении государством, сохранения Московского дома как конфедерации князей-соправителей. Новое в программе — требование расширения сферы власти этой конфедерации практически на всю Русскую землю. В этом смысле особенно характерны притязания на жребий в Новгородской земле. Новое Русское государство мыслится удельным князем как расширенная «вотчина» Калитичей, как совокупность суверенных уделов Московского дома с их старыми, традиционными политическими институтами.

«Дело» князя Лыка Оболенского и политическая программа Бориса Волоцкого связаны между собой глубоким органическим единством. Крупный феодал, наместник-кормленщик великого князя, вассал, пользующийся правом свободного отъезда, не случайно находит убежище и полное понимание у удельного князя. Оба они — представители одного и того же строя удельно-вассальных отношений, составлявших политическую основу Руси еще в первой половине XV в. Боярский вассалитет, права «вольных слуг» — такая же необходимая составная часть этого строя, как суверенность уделов и права удельных князей на долевое владение Русью.

И то, и другое органически несовместимы с основами нового политического порядка — с судом и властью великого князя над всей Русской землей. Суд великого князя над его наместником может иметь реальное значение только в том случае, если последний является не добровольным вассалом старшего из князей Московского дома, а подданным великого князя-государя всея Руси. Только

тогда могут иметь реальные последствия жалобы лучан и новгородцев, горожан и сельчан на их наместников, посадников и бояр, а великокняжеская власть может осуществлять эффективную судебно-административную и социальную политику в интересах нового государственного порядка.

«Дело» Лыка и программа Бориса Волоцкого показывают четкий социально-политический водораздел: на одной стороне — «обиженные» лучане и вставший на их сторону великий князь, на другой — «обиженный» наместник и вставший на его сторону удельный князь. «Союз королевской власти с городом» (с массой непривилегированного населения города и села) в условиях Руси противостоит союзу феодальной аристократии — крупного вассала и удельного князя. Это противостояние, имевшее в данных условиях принципиальный характер, обнажает социально-политические корни и смысл последующих событий.

Послание Бориса Волоцкого само по себе уже означает нарушение докончания 1473 г. Это докончание обязывало Бориса (как и Андрея) «ни съсылатися ни с кѣмъ без нашего (великого князя. — *Ю. А.*) вѣданія».[143] Оно также запрещало братьям предъявлять какие-либо претензии на Дмитровский удел и другие «примыслы» великого князя. Отправляя послание Андрею Углицкому, князь Борис тем самым вступает на путь открытой борьбы с великим князем. Начинается феодальный мятеж.

«. . .на Масленой недѣли прииде на Углече Поле к князю Андрѣю Васильевичю братѣ его князь Борисѣ с Волока, а княгиню свою и дѣти своя въ Ржеву отпусти».[144] Масляная неделя в 1480 г. приходилась на 6 февраля; от Волока до Углича — примерно 200 км, 3—4 дня конного пути. Следовательно, Борис выехал из Волока не позднее 2—3 февраля. Ранее этого обоз с княгиней и детьми был отправлен в Ржеву.

«Прииде весть к великому князю в Новъгород от сына его, что братия его хотять отступити. Он же вборзѣ еха из Новагорода к Москвѣ и прииде на Москву перед великим заговѣньем»,[145] т. е. 13 февраля.[146] Учитывая расстояние от Москвы до Новгорода (5—6 дней пути), следует предположить, что гонец из Москвы к великому князю отправился никак не позднее 1 февраля. Следовательно, мятеж начался в самые последние дни января. Именно тогда, по-видимому, и был отправлен волоцкий обоз в Ржеву, о чем сразу стало известно в Москве. Видимо, поведение волоцкого и углицкого князей уже давно внушало подозрение московскому правительству, которое бдительно следило за всеми их движениями.

Основания для такого подозрения без сомнения были. Как мы видели, в августе 1479 г. на торжественном освящении Успенского собора в Кремле, которому был придан характер большого церковно-государственного праздника, присутствует только князь Андрей Меньшой, но нет ни Андрея Углицкого, ни Бориса.[147] Это может свидетельствовать о том, что уже к тому времени отношения между братьями были достаточно напряженными.

Поход волоцкого князя к Угличу, а его обоза к Ржеве означал фактически начало военных действий. «. . .Вси людие быша. . . в страсе велице. . . все городы быша во осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студени».[148] Эта картина достаточно выразительно рисует тревогу московских людей в первые дни февраля, когда по зимним дорогам двинулось войско волоцкого князя. Борис шел, разумеется, со своим двором, с многими сотнями (если не тысячами) вооруженных всадников, профессиональных воинов. Движение этой массы враждебно настроенных вооруженных людей не могло не вызвать чувства тревоги и страха у московских горожан и сельчан. Для этого были все основания. «Куде идоша, тыя волости вся положиша пусты», — так характеризует поход удельно-княжеского войска независимый от Москвы псковский летописец.[149] Подобного похода Московская земля не знала со времен Шемяки. Положение дел в начале февраля 1480 г. должно было живо напоминать современникам картины феодальной войны прошлого поколения.

Поход князя Бориса от Волока к Угличу — первый акт открытого мятежа. Отправка княгини и детей в Ржеву указывает на опасения и намерения мятежного князя: Волок слишком близок к Москве и не годится ни в качестве базы для дальнейших действий, ни в качестве убежища для семьи Бориса. Поход к Угличу может объясняться необходимостью личных переговоров с Андреем, а также стремлением соединить силы перед дальнейшим походом. Углич используется в качестве исходного пункта движения — это традиционно мятежный город Шемяки и его братьев, расположенный сравнительно далеко от Москвы, вне прямой досягаемости московских войск.

«Князь. . . Ондрѣй съ княгинею и з детми и князь Борисъ поидоста с Углеча къ Ржевѣ чрезъ Тверскую отчину».[150] Таким образом, к Ржеве стягиваются и силы углицкого князя и сюда же отправляется его семья. Ржева становится на какое-то время основной базой мятежников. Расположенная на кратчайших путях к Литве, Твери и Новгороду, она лучше всего отвечает условиям такой базы.

От Углича до Ржевы около 200 км. Такое расстояние могло быть пройдено войском и обозом за 5—10 дней. Следовательно, силы мятежных князей сосредоточиваются в Ржеве в начале 20-х чисел февраля.

Поднимая мятеж, князья, видимо, не рассчитывают на какую-либо поддержку со стороны населения Московской земли — они явно тянутся к окраинам государства, еще недостаточно крепко связанным с центром, ориентируются не на коренные русские земли, а на порубежные районы, откуда легче бежать за рубеж в случае неудачи мятежа. В этом существенное отличие стратегии Андрея и Бориса от образа действий галицко-звенигородских князей во время феодальной войны в 30—40-х гг. Не только Юрий Звенигородский, родной сын Дмитрия Донского, считавший себя законным претендентом на великокняжеский стол, но и его сыновья ведут активную борьбу за Москву, опираясь на свои уделы и не помышляя о бегстве за рубеж. Это объясняется не только личными ка-

чествами князей, но и политической ситуацией на Руси, дававшей им некоторые надежды на победу над Василием Темным. Хотя эти надежды в конечном счете не оправдались — основная масса феодалов, городского и сельского населения Московской земли пошла за великим князем, — тем не менее Москва трижды оказывалась в руках противников Василия Темного, и напряженная борьба с ними потребовала более двух десятков лет, причем положение Василия не раз бывало катастрофическим. Базой сопротивления галицко-звенигородских князей были их уделы, в которых они организовали упорную оборону при наступлении великокняжеских войск.[151] Это свидетельствует о том, что галицко-звенигородские князья пользовались известными симпатиями в некоторых кругах московского феодального общества, а в своих собственных землях располагали определенной социальной опорой.[152] Именно это позволяло им вести активные наступательные действия и в ряде случаев добиваться крупных, хотя и не прочных успехов.

В противоположность этому действия Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого с самого начала проникнуты пассивнооборонительными тенденциями. Они не только не помышляют об активных действиях против Москвы, но не думают даже об обороне собственных своих уделов: бросают эти уделы и отступают к рубежу.[153]

Стратегия князей отвечает их общей политической линии и объясняется в конечном счете социальным содержанием их программы. Эта программа, как мы видели, является программой удельной феодальной аристократии и как таковая не может рассчитывать на поддержку сколько-нибудь широких масс.

Выдвигая свою программу, консервативную по форме, реакционную по существу, князья могут надеяться только на определенные верхушечные слои московской феодальной аристократии, заинтересованные по тем или иным соображениям в сохранении удельной традиции. Неспособность удельных князей к постановке широких политических задач убедительно говорит об идейном вырождении удельного сепаратизма, об упадке самих основ удельной системы. В борьбе за сохранение остатков своих привилегий, за особность своих уделов князья не могут рассчитывать на сочувствие населения даже своих собственных уделов. Это показатель большого сдвига в социально-политических отношениях и в общественном сознании Русской земли по сравнению с временами Юрия Звенигородского и Дмитрия Шемяки, более четкой поляризации общественных сил в главном вопросе — борьбе за создание единого Русского государства.

Несмотря на отсутствие широкой социальной базы, мятеж Бориса и Андрея представляет собой существенную опасность для нового государства. Сам факт мятежа ослабляет Русскую землю перед лицом внешних врагов, отвлекая материальные и моральные силы от решения важнейших задач строительства и обороны нового государства. Движение мятежных князей от Углича к Ржеве «через Тверскую отчину» грозило осложнениями с тверским великим князем, ненадежным союзником Москвы.

Еще более опасным представляется движение мятежников в сторону Новгорода, Пскова и Литвы. Нельзя исключать возможность намерения мятежников вступить в непосредственный контакт с новгородской боярской оппозицией, связанной на данном этапе с архиепископом Феофилом. Андрей и Борис могли еще не знать о раскрытии «коромолы» Феофила и надеяться на поддержку со стороны новгородских сепаратистов. Как и во времена феодальной войны 30—50-х гг., Новгород служил центром притяжения антимосковских сил. При активной поддержке новгородских сепаратистов феодальный мятеж мог перерасти в феодальную войну с потенциальной угрозой литовской интервенции в условиях уже идущей войны с Орденом. В любом случае мятеж князей ослаблял внутренние и внешние силы Русской земли. Отсюда стремление московского правительства добиться мирного разрешения конфликта, склонить мятежников к переговорам и соглашению.

Именно этим объясняется посылка в Ржеву боярина А. М. Плещеева, о чем сообщает Типографская летопись.[154] А. М. Плещеев был отправлен, по-видимому, сразу после возвращения великого князя в Москву, т. е. после 13 февраля. Срочность миссии определялась характером обстановки — московское правительство стремилось к возможно скорейшему прекращению мятежа. Содержание посольства А. М. Плещеева неизвестно, но во всяком случае миссия потерпела неудачу. По словам той же летописи, князья «не взвратишяся и поидоша изо Ржевы и с княгинями, и с дѣтми». С ними же пошли «бояре их и дѣти боярскые лутчие с женами, и з дѣтми, и с людми вьверх по Волзѣ к Новгородскым волостем».[155] Это сообщение свидетельствует именно о новгородском направлении движения, о новгородской ориентации мятежных князей.

Несмотря на неудачу первой миссии, правительство великого князя продолжает переговоры. Вдогонку за мятежниками «князь великий посла. . . ростовского архиепископа Вассиана. Он же наѣха их в Молвятицѣх, а [о]ни идуть к Новугороду».[156] Двигаясь большой массой и с обозом, князья прошли уже больше половины пути, от Ржевы до Новгорода оставалось около 130 км. Их направление на Новгород проявилось к этому времени уже с полной отчетливостью.

Миссия архиепископа Вассиана должна была, по-видимому, иметь особое значение. Увещевать братьев посылается не боярин, а виднейший иерарх русской церкви, первое лицо после митрополита. Еще в 1455 г. Вассиан становится игуменом Троицкого Сергиева монастыря, т. е. уже тогда был, надо полагать, пожилым и опытным человеком. После 11 лет игуменства в крупнейшем русском монастыре Вассиан пробыл некоторое время архимандритом столичного Спасского монастыря, а в декабре 1467 г. получил архиепископство.[157] Вассиан — ближайший союзник великого князя в высших церковных сферах. Этот союз, как мы видели, проявлялся и во время «брани» о Кирилло-Белозерском монастыре в 1478 г., и в спорах по поводу освящения Успенского собора летом—осенью 1479 г. Близость архиепископа Вассиана к великому князю проявля-

ется и в том, что именно он 4 апреля 1479 г. вместе с троицким игуменом Паисием крестит старшего сына великого князя от Софьи Фоминишны, будущего Василия III.[158]

Посылка авторитетнейшего представителя церкви к мятежным князьям в феврале 1480 г. может свидетельствовать о том, сколь серьезно воспринимали в Москве сложившуюся ситуацию и какие большие усилия прилагали к достижению мирного соглашения. Миссия Вассиана должна была, по-видимому, максимально разрядить обстановку и создать благоприятные условия для мирного разрешения конфликта. Однако на деле этого не происходит. Братья на этот раз не отказываются от переговоров: «. . .съ архиепископлих речей и послаша со архиепископом к великому князю бояр своихъ, князя Василиа и Петра Микитича Оболенскых».[159] Однако мятеж отнюдь не прекращается, а, напротив, приобретает все более опасный оборот.

«А оттоле сами поидоша к литовскому рубежу и, пришедше, сташа в Луках, а х королю послали, чтобы их управил в их обидах с великим князем и помагал».[160]

Итак, убедившись, что путь на Новгород закрыт, мятежные князья круто меняют направление своего движения и выходят к литовскому рубежу у Великих Лук. Отсюда они вступают в переговоры со злейшим врагом великого князя — королем Казимиром. Захват Великих Лук и обращение к королю — высшая точка феодального мятежа 1480 г.

Идя по Русской земле, отряды князей Андрея и Бориса, по свидетельству псковского летописца, «грабиша и плениша, токмо мечи не секоша». Захват же ими Великих Лук был настоящим бедствием для населения: «. . .а Луки без останка опустѣша, и бѣ видети многым плач и рыдание».[161]

Лучанам, жалоба которых на наместника послужила поводом для феодального мятежа, несладко пришлось под копытами удельно-княжеской дружины. Они на своем опыте получили возможность сравнить суд и управу великого князя с порядками феодальной анархии. То противостояние социально-политических сил, которое обозначилось в суде над наместником, в ходе мятежа становится все более четким и материальным: удельные князья топчут города и уезды, из-за которых великий князь судит своих наместников, пустошат земли, за жителей которых великий князь вступает в конфликт со своим вассалом. Феодальная анархия дает бой порядкам централизованного государства.

Если захват Великих Лук и бесчинства над местным населением знаменуют собой крайнее, наиболее откровенное проявление внутриполитической ориентации мятежных князей, то их обращение к королю Казимиру не менее отчетливо рисует их внешнеполитическую ориентацию.

Обращение удельных князей к арбитражу польского короля формально оправдано соответствующей статьей духовной грамоты Василия Темного: «А приказываю свою княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меншиѣ дѣти брату своему королю польско-

му и великому князю литовъскому Казимиру, по докончалной нашеи грамоте. . .».[162] Василий Темный имеет в виду докончание 31 августа 1449 г., установившее общие принципы отношений между великим княжеством Московским и польским королем. В духе традиционных феодальных договоров в докончании имеется статья: «А учынить ли Богъ такъ, мене Богъ возметь з сего света наперед, а ты останешъ жыв, а тобе моимъ сыном, князем Иваном, печаловатисе, какъ и своими детьми. . .».[163] Этот договор, заключенный в период острого политического кризиса, охватившего Русскую землю, продолжал еще формально действовать, хотя уже отнюдь не соответствовал новому положению дел. В 70-х гг. король Казимир неизменно выступает в качестве противника великого князя, нарушая тем самым основное условие договора 1449 г.: «А быти нам с ним везде заодинъ. А добра намъ ему хотети и его земли везде, где бы не было».[164] Стремясь помешать процессу объединения русских земель и созданию единого Русского государства, король Казимир активно поддерживает новгородских сепаратистов, вступает с ними в переговоры, в результате которых появляется договор 1471 г., отдающий Новгород под власть польского короля. Это было прямым нарушением соответствующей статьи договора 1449 г.: «Таке жъ в Новгород Великий. . . и во вся Новгородская. . . места тобе, королю. . . не вступатисе. . . А имут ти се новгородцы. . . давати, и тобе ихъ не прыимати, королю».[165] Король вступает и в переговоры с Ордой, стремясь заключить союз против Руси: в 1470/71 г. он отправляет к Ахмату своего посла Кирея Кривого, призывая хана к нападению на Русь и обещая напасть со своей стороны.[166] Поход Ахмата на Русь летом 1472 г. был, по мнению русских летописцев, прямым результатом его переговоров с Казимиром.

В этих условиях обращение мятежных князей к королю, «чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал», было на грани прямой государственной измены и открытым призывом к польско-литовской интервенции. Пребывание мятежников в захваченных ими Великих Луках, на самом литовском рубеже, создавало реальную возможность соединения их отрядов с польско-литовскими войсками. В такой ситуации согласие мятежников на переговоры с великим князем могло вызываться их стремлением выиграть время и обеспечить себе помощь со стороны короля.

Архиепископ Вассиан и бояре мятежных князей прибыли в Москву на страстной неделе, т. е. между 26 марта и 1 апреля. Переговоры великого князя с послами мятежников не привели, по-видимому, к удовлетворительному результату — великий князь «отпусти бояр их». Тем не менее правительство не теряло надежды на мирный исход конфликта. По сообщению Типографской летописи великий князь «к ним опять посла ростовского же архиепископа и с ним бояр своих Василиа Федоровича Образца да Василья Борисовича Тучка».[167] Новое посольство отправляется из Москвы «в четверг 4 недели по Пасце, апреля в 27 день». Таким образом, между прибытием послов мятежных князей и отправкой нового посольства великого князя прошел почти месяц. Надо полагать, что

задержка с отправлением посольства не была случайной. Вероятно, в правительственных кругах уточнялась ситуация и вырабатывалась программа дальнейших переговоров.

В этой связи представляет интерес сообщение Вологодско-Пермской летописи, что из Лук мятежные князья «посылают к матери своей к великой княгине Марье и к митрополиту Геронтию, чтобы ся о них печаловали великому князю, чтобы князь великий братию свою в докончание принял и удѣл, братню отчину, дал».[168] Согласно этому сообщению, князья Андрей и Борис не ограничиваются официальными переговорами с великим князем, но и непосредственно обращаются к тем членам правящей верхушки, на чьи поддержку и сочувствие они могут рассчитывать. Не приходится удивляться, что к числу таковых относятся прежде всего митрополит и вдовая великая княгиня.

Независимый от Вологодско-Пермской летописи источник — Софийско-Львовская летопись — косвенно подтверждает версию об обращении князей Андрея и Бориса к матери и о каких-то шагах последней в пользу мятежных князей: «Князь великый. . . много нелюбие подрьжа на матерь, мнѣв, яко та здума братье его от него отступити, понеже князя Андрея вельми любяше».[169]

Таким образом, есть основания думать, что в конце марта—апреле 1480 г. в московских правящих сферах активно обсуждался вопрос о дальнейших действиях в отношении мятежных князей, причем митрополит и вдовая великая княгиня пытались выступить посредниками в конфликте.

Независимо от своих субъективных целей «печалование» митрополита и великой княгини объективно отражало позицию феодальных кругов, сочувствовавших мятежным князьям и их политическим идеалам. Тем самым оно шло вразрез с политической линией на централизацию государства. Однако в данных конкретных условиях московское правительство не могло полностью игнорировать позицию, занятую главой русской церкви и матерью великого князя.

Особенность феодального мятежа заключалась в том, что он развертывался на фоне войны, идущей на северо-западных рубежах страны, и поэтому не может рассматриваться изолированно от событий этой войны. При выработке новых мирных предложений в апреле 1480 г. московское правительство не могло не учитывать положения, сложившегося к этому времени на псковско-ливонском театре военных действий. Отход от Пскова войск князя Ногтя Оболенского привел к резкому ухудшению военно-политической ситуации на этом направлении. После нападения магистра 25 февраля на Изборск и сожжения изборских волостей (сам город устоял) орденские войска двинулись к самому Пскову, «жгучи и палячи Псковьскую волость, а в Псковѣ видѣти дым и огнь».[170] По словам Псковской II летописи, «не дошед за 10 верстъ, сташа станы вся сила немецкаа, и възъгнетуша в нощь многыя огни, хупущеся и скрѣжещюще зубы на дом святыа Троица и на град Псковъ».[171] Опасность, нависшая над городом и его округой, была, по-видимому, действительно серьезной — во главе вражеских войск стоял, по

псковским сведениям, сам магистр, что свидетельствует о значительности неприятельских сил. Положение усугублялось недостаточностью руководства со стороны князя-наместника, не пользовавшегося у псковичей авторитетом. По словам II летописи, В. В. Шуйский был «князь не войскыи, грубыи, токмо прилежаше многому питию и грабленню, а о граде не внимаше ни мала и много Пскову грубости учини».[172] Тем не менее при подходе немцев к Пскову князь выступил в поход во главе псковского ополчения: «. . .князь, и посадники, и все псковичи. . . всѣдше скоро на коня». О характере этого ополчения красноречиво пишет далее та же II летопись: «. . .ови в доспѣсѣх, а инии нази, токмо в кого что угодилося, или копие, или оружие, или щит, ови на конѣх, ови пѣши». Ополчение носило, видимо, тотальный характер — на защиту города встали все, кто только мог носить оружие. Выступив из Пскова, ополчение вышло к Устьям, где встретилось с войсками магистра. По словам II летописи, главные силы сторон стояли друг против друга целый день, не начиная сражения, однако сторожевой полк немцев изрубил псковскую пешую рать, убив 300 человек. «А доспѣшная рать на конех того не видеша», что, конечно, свидетельствует о плохой организации командования псковскими войсками и подтверждает нелестную характеристику князя.[173] Ночью магистр отступил, но «князь псковьскый Василей Шюйскый и посадники не вѣсхотѣша гнатися въслѣдъ, но възвратишася в домы своя».[174] В этой пассивности, бездеятельности опять можно видеть слабость командования, в первую очередь самого князя. По данным III летописи, этот бой произошел 1 марта на Пецкой губе.[175] Отказ псковской рати от решительного сражения с войсками магистра и от преследования их дал магистру возможность продолжать активные действия против псковских пригородов. Следующим объектом нападения стал новый городок Кобылий, в 50 км к северу от Пскова на берегу Чудского озера. По словам II летописи, немцы подошли к городу вечером 4 марта, а на рассвете 5 марта начали артиллерийский обстрел и подготовку к штурму. Город был взят и сожжен, жители истреблены и частично взяты в плен. В числе тех, которых немцы «живых поимавше, с собою сведоша, немилостивно извязавше», оказался и посадник Макарий.[176] По данным III летописи, общее число погибших доходило до 4 тыс. человек.[177] Хотя эти данные, вероятно, преувеличены (летописец не настаивает на них, приводя их как слух — «друзии сказуют»), взятие и разрушение города на Псковской земле свидетельствует о размахе орденской агрессии.[178] Итак, на северо-западном рубеже страны идет большая война, и это является одним из важных факторов, определяющих политическую линию московского правительства по отношению к мятежным князьям. Оно продолжает стремиться к мирному урегулированию конфликта.

Новое посольство везло братьям кроме общей декларации («поидите на своя отчины, а яз всем хощю вас жаловати») конкретные предложения великого князя: «. . .князю Андрею даючи к его отчине и к материну данию Колугу да Олексин, два города на Оке».

Эти предложения означают крупные территориальные уступки, на которые идет великий князь, стремясь добиться мирного исхода конфликта.[179] Видимо, основная причина этих уступок — сложное международное положение Русского государства. В Москве, вероятно, знали об обращении мятежных князей к королю и стремились противодействовать его вмешательству. Имелись, вероятно, сведения и о готовящемся нашествии Ахмата. Именно этим последним обстоятельством объясняется, по-видимому, обещание дать Андрею Калугу и Алексин — города в пограничной зоне, на возможном направлении татарского наступления. Принятие Андреем предложения великого князя делало бы его союзником последнего — он с необходимостью должен был бы защищать свои собственные города от татар так же, как Андрей Меньшой защищал свою Тарусу. Может быть, не случайно в предложениях великого князя ничего не говорится о Борисе — не исключено, что московская дипломатия хотела изолировать мятежных князей друг от друга, договорившись в первую очередь с одним из них.

Отправляя третье посольство с подобными предложениями, великий князь сделал все, что было возможно в данных условиях для мирного решения конфликта. Он дал действительно много с точки зрения территориальной, материальной, но не с точки зрения принципиальной. Это было «жалование» — дар великого князя, а не «восстановление права», не восстановление тех отношений суверенности уделов, о которых мечтал князь Борис. Правительство сделало все, что возможно, для предотвращения феодальной войны и литовской интервенции, но на капитуляцию, естественно, пойти не могло.

Вологодско-Пермская летопись в одном контексте с рассказом о посольстве архиепископа Вассиана и боярина Образца сообщает, что «княгини великая послала своего диака, чтобы князя великого слушали, а на вотчины б свои шли».[180] Аналогия этому известию есть в Устюжском летописном своде: «Княгиня же великая Марфа. . . начат детеи своих мирити, а ко княжю Андрею и Борису Васильевичам на Луки посылати грамоты с благословением, чтоб в Литву не ходили».[181]

Таким образом, «печалуясь» за сыновей, великая княгиня Марфа со своей стороны вынуждена была поддержать требования великого князя и обратиться с увещеваниями к Андрею и Борису. Это свидетельствует о том, что весной 1480 г. даже те члены правящей группировки, которые потенциально сочувствовали старым удельным порядкам, не находили для себя возможным открыто поддерживать мятежников и должны были пытаться найти путь компромиссного, мирного решения конфликта, поддерживая тем самым общую политическую линию великого князя.

Путешествие третьего посольства длилось более трех недель: «. . .бе бо весна и путь истомен вельми» (они прибыли на Луки только «в суботу пятьдесятную», т. е. 20 мая).[182] К этому времени, по-видимому, князья Андрей и Борис уже получили ответ от короля на свое «челобитье».

По словам летописи, Казимир «им отмолвил, а княгиням их дал на избылище город Витебск».[183] Казимир, таким образом, занял осторожную позицию. Он остался верен своей общей тактической линии: не воевать самому, не вступать до поры до времени в крупный, рискованный конфликт с сильным и опасным соседом, но всячески ослаблять его, поддерживать центробежные, антимосковские тенденции, помогать всем врагам великого князя, выжидая благоприятное время. И весной 1480 г. в ответ на соблазнительное, но слишком прямолинейное предложение начать интервенцию — войну против Русского государства король отвечает двойственно: войны не начинает, прямо в конфликт не ввязывается, но поддерживает мятежников морально и материально, обеспечивая их тылы.[184]

Третье посольство великого князя терпит неудачу. «Они же ни в чем не послуша великого князя и не поидоша (назад на свои уделы. — *Ю. А.*)». Пожалованье Калугой и Алексиным не удовлетворило братьев. По-видимому, им нужны были не только города, но и изменение статуса, общего стиля отношений. Возможно, они продолжали рассчитывать на помощь короля и «печалование» своих доброхотов в Москве. Во всяком случае «архиепископ. . . и бояре возвратишась и приидоша на Москву».[185] Неудача третьего посольства приводит к разрыву переговоров: «. . .князь же великий оправдася перед ними и положи на Бозе упование».[186]

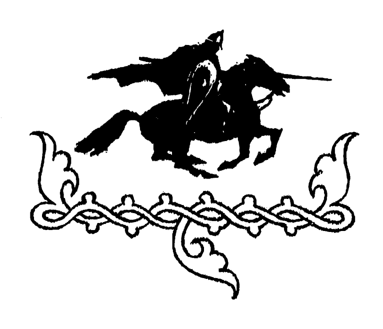
Можно считать, что к этому времени (конец мая) закончился первый этап мятежа. Князья собрали свои силы, покинули свои уделы, совершили вооруженный поход через ряд русских земель и захватили пограничный с Литвой город, превратив его в свою базу. Они вели переговоры с великим князем, предъявляя ему определенные требования и отвергая мирные предложения Москвы. Они вступили в переговоры и с королем, и со своими потенциальными доброжелателями в московских правящих сферах. Таким образом, в течение 3—4 месяцев мятежные князья проявляли большую военную и дипломатическую активность.

Каковы же результаты этой активности? По-видимому, очень небольшие. Мятежникам не удалось соединиться с новгородскими сепаратистами, добиться активной помощи короля. Самое главное — им не удалось создать себе сколько-нибудь широкой социально-политической базы внутри страны. Грабежи и насилия над местным населением косвенно свидетельствуют о недоброжелательном отношении этого населения к мятежным князьям. Это неудивительно: горожане и сельчане едва ли могли сочувствовать программе консервации и реставрации удельного сепаратизма и феодально-аристократических привилегий. Загнанные в Великие Луки, князья оказались в полной политической изоляции, в состоянии своего рода бойкота.

Итак, основной итог второго периода политического кризиса 1480 г. — с февраля по май — был в общем благоприятным для Русского государства. Феодальный мятеж не перерос в феодальную войну, не вызвал политического раскола Русской земли на два враждебных лагеря. Несмотря на то что мятеж продолжался, отчет-

ливо обозначилась ограниченность социально-политической базы мятежников, которым не удалось найти сколько-нибудь влиятельных и верных союзников. Кроме воздействия объективных факторов в этом нельзя не видеть успеха политической линии на локализацию мятежа, взятой московским правительством.

Тем не менее к началу лета общее политическое положение оставалось весьма напряженным. Феодальный мятеж продолжался, сохранялась опасность литовской интервенции. Орден не прекращал агрессии, накапливая силы для решительного наступления на русские земли. Но главный враг надвигался с юга. Весной 1480 г. над Русской землей нависла грозная тень нашествия орды Ахмата.

ПОБЕДА НА УГРЕ

События на Угре в исторической науке

Нашествие Ахмата в 1480 г., борьба с ним и его отражение — один из переломных моментов в истории Русской земли. Победа на Угре означала конец двухвекового ига и полное восстановление государственного суверенитета Руси. Тем не менее приходится констатировать, что эта проблема ни разу — ни в дореволюционной, ни в советской историографии — не была предметом специального монографического исследования.[1]

В. Н. Татищев в качестве повода к нашествию 1480 г. приводит апокрифический рассказ о посольстве Ахмата с требованием дани, о «плаче» великой княгини Софьи и о ее совете «не давати дани и выходов», о потоптании басмы и убиении ханских послов.[2] Он сообщает также о походе судовой рати Урдовлета (т. е. Нур-Даулета) и князя Василия Звенигородского с «низовым» воинством «на град Болгары». Критики источников, анализа и оценки событий рассказ В. Н. Татищева не содержит. По существу его повествование представляет собой компиляцию разных летописных известий.

Значительно полнее и содержательнее о событиях 1480 г. писал М. М. Щербатов.[3] Им были использованы три летописи — Ти-

пографская, Никоновская и Казанская история, а также архивные документы о крымских делах, на что даны соответствующие ссылки. Схема хода событий примерно такая же, как у В. Н. Татищева, но в отличие от последнего М. М. Щербатов пытается их анализировать. Следуя за своими летописными источниками, он впервые использует «Послание на Угру» (в кратком пересказе). М. М. Щербатов подвергает критике оборонительную стратегию русского руководства. Допуская, что, «конечно, была какая глубокая политика в поступке. . . токмо защищать брега реки Оки», он в то же время подчеркивает: «. . .является нам, что такой поступок умножал вкоренившийся страх россиян от татар и спомоществовал татарам к содержанию россиян под игом».[4] По утверждению М. М. Щербатова, на совещании у великого князя «бо́льшая часть советовала ему, оставя российские области на разграбление татарам, идти к Москве и покориться татарам», при этом, «конечно, и не заходя в стан великого князя, прямо к Москве побежали».[5] Подчеркивает он и «робость народа», которая «в крайнее огорчение» приводила великого князя.[6] Причиной отступления Ахмата от Угры он считает набег русской судовой рати на татарские улусы.[7]

Итак, изложение М. М. Щербатова носит в известной степени аналитический, критический характер. Наряду с этим заметны произвольные построения автора, либо не опирающиеся на источники («робость народа»), либо основанные на их вольной интерпретации по усмотрению автора (советы «большей части» начальников, их «бегство» к Москве).

Новым шагом в историографии событий 1480 г. была работа Н. М. Карамзина. Им были привлечены к исследованию около десятка летописных памятников, по большей части впервые введенных в научный оборот, а также посольские дела и записки иностранцев (Контарини). Развернутое, яркое и талантливое изложение Н. М. Карамзина оказало сильнейшее влияние на все последующие представления об обстоятельствах падения ордынского ига.

Н. М. Карамзин рассматривает события на Угре в контексте всей внешней и внутренней политики Русского государства. Следуя за Казанской историей, он приводит легенду о басме (хотя и не объясняет разрыв с ханом просьбами великой княгини Софьи). В отличие от В. Н. Татищева и М. М. Щербатова он подвергает это известие критике, опираясь на «других летописцев», которые «согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями приписывают ополчение ханское единственно наущениям Казимировым». Приводит он и известие об отправке судовой рати Нур-Даулета и князя Василия Ноздреватого вниз по Волге, «чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере устрашить хана». Использование Львовской летописи дало Н. М. Карамзину возможность обнаружить повод для мятежа удельных князей — «дело» Лыко Оболенского. «Несчастная распря Иоаннова с братьями» служила, по мнению автора, «к ободрению врагов наших».

Представляют большой интерес рассуждения Н. М. Карамзина о стратегии Ивана III. «Зрелостью лет, природным хладнокровием,

осторожностию» он был расположен «не верить слепому счастию» и «не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России, что все его великодушные замыслы... могут кончиться гибелью нашего войска... и единственно от нетерпения, ибо Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения... Иоанн имел славолюбие не воина, но государя, а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительной уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию».[8]

Итак, стратегия русских была продиктована как дальновидным расчетом, так и природными качествами великого князя, при этом впервые высказывалась мысль о «внутренних причинах разрушения» Орды. Следуя за Львовской летописью, Н. М. Карамзин красочно описывает приезд Ивана III в Москву и волнения московских горожан (не замечая, что это известие противоречит другим летописям), используя Синодальную летопись (т. е. Вологодско-Пермскую, по ее теперешнему названию) и Львовскую, подробно излагает события на самой Угре, рассказывает о переговорах с ханом и т. д. Он впервые в дословном пересказе приводит «Послание на Угру» («сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа») и приписывает ему решающее воздействие на великого князя, который, получив «Послание», «не мыслил более о средствах победы (? — *Ю. А.*) и готовился к битве».

Силой своего художественного таланта Н. М. Карамзин увековечил картину, нарисованную Типографской летописью: при отходе русских от Угры «воины оробели... Полки не отступали, но бежали от неприятеля... Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые!».После появления «Истории государства Российского» это поистине удивительное зрелище стало необходимым украшением всех рассказов об Угре в общих курсах истории, учебниках и хрестоматиях. Общий итог событий 1480 г. Н. М. Карамзин видит в том, что «Иоанн... не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства». Подобно М. М. Щербатову, непосредственной причиной отступления Ахмата Н. М. Карамзин считает (вслед за Казанской летописью) нападение русской судовой рати на ордынские улусы: «сведав» об этом, «хан... оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю».[9]

Следующим крупным этапом в изучении событий 1480 г. стал курс русской истории С. М. Соловьева. Его исходное положение: «Орда падала сама собою от разделения, усобиц, и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтобы так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы». В этом смысле падение «так называемого ига» ничуть не отличалось от других событий эпохи Ивана III (этого счастливого потомка «целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков»), которые все происходили легко и безболезненно, как бы сами

собой: «. . .старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был только последний, уже легкий удар, чтобы дорушить его».[10]

Как и его предшественники, С. М. Соловьев приводит легенду о потоптании басмы, хотя и признает, что это известие «сильно подозрительное». Зато, по его мнению, «гораздо вероятнее, что великую княгиню Софью оскорбляла зависимость ее мужа от степных варваров. . . и что племянница византийского императора. . . уговаривала Иоанна прервать эту зависимость».[11]

В соответствии со своей исходной установкой С. М. Соловьев рассказывает о событиях на Угре весьма кратко, используя летописи Софийскую II, Синодальную (Вологодско-Пермскую) и Архангелогородский летописец. Центральное место в его изложении занимает рассказ Софийской II летописи о «колебаниях» Ивана III, о большом влиянии на него «злых советников», о волнениях московских горожан, о доблести Ивана Молодого и т. п. Не проявляя ни малейшего сомнения в достоверности этого рассказа, С. М. Соловьев со своей стороны дополняет его и драматизирует: при виде великого князя, возвращающегося в Москву, «народ подумал, что все кончено, что татары идут по следам Иоанна». Иван Молодой не только «решился лучше навлечь на себя гнев отцовский, чем отъехать от берега», но еще и «устерег движение татар, хотевших тайком перебраться через Угру».

С. М. Соловьев приводит подробный пересказ послания архиепископа Вассиана (который «по талантам, грамотности и энергии» выдвигался «на первый план»). Это послание, по мнению Соловьева, побудило великого князя «прервать переговоры с Ахматом».

Вслед за Н. М. Карамзиным С. М. Соловьев подробно и красочно описывает «ужас», который вызвал приказ отступить к Кременцу («опасаясь исполнения. . . угрозы» Ахмата переправиться по льду): «. . .ратные люди. . . бросились бежать к Кременцу, думая, что татары уже перешли через реку и гонятся за ними». Однако в отличие от Н. М. Карамзина (и его источника — Типографской летописи) С. М. Соловьев ничего не пишет о параллельном событии — одновременном бегстве татар (что особенно умиляло летописцев и Н. М. Карамзина). После панического бегства русских Ахмат, «простоявши на Угре до 11 ноября. . . пошел (разрядка моя. — *Ю. А.*) назад через литовские волости». С. М. Соловьев впервые заподозрил известие Казанской истории о походе Нур-Даулета и князя В. Ноздреватого как о причине бегства («отступления», по С. М. Соловьеву) Ахмата: во-первых, это известие «находится в одном из самых мутных источников», во-вторых, «Ахмат вовсе не спешил домой», а «сначала остановился в Литве для грабежа».

Что же побудило Ахмата к этому «отступлению?» По С. М. Соловьеву, этих причин было пять: 1) «Казимир не приходил на помощь»; 2) «лютые морозы мешают даже смотреть»; 3) «надобно идти на север с нагим и босым войском»; 4) надо «прежде всего выдержать битву с многочисленным врагом, с которым после Мамая

татары не осмеливались вступать в открытые битвы»; 5) «обстоятельство, главным образом побудившее Ахмата напасть на Иоанна, именно усобица последнего с братьями, теперь более не существовало».

Таким образом, С. М. Соловьев не привлек новых источников и очень выборочно использовал старые. Как и его предшественники, С. М. Соловьев не интересовался вопросом о соотношении летописных известий, а использовал в первую очередь те из них, которые больше соответствовали его концепции. Для него характерно преимущественное внимание к Софийской II летописи, что придает всему его изложению довольно тенденциозный, скептический характер. Отвергнув легенду о басме и выразив сильное (и обоснованное) сомнение в достоверности известия о походе Нур-Даулета, С. М. Соловьев вместе с тем сконструировал новые легенды: о решающем влиянии гордой «племянницы византийского императора», о непрерывных «колебаниях» великого князя под воздействием «злых советников», о мудрости Вассиана и воинских талантах Ивана Молодого. Самое заметное в концепции С. М. Соловьева — сугубое подчеркивание «безгероичного» характера событий: во главе русских стоит вечно нерешительный, слабохарактерный вождь, русские в панике бегут (тогда как татары медленно и с достоинством «отступают»). Как и должно быть по концепции, все происходит само собой — «так называемое иго» падает из-за морозов, из-за нерешительности Казимира и т. п. Концепция и построения С. М. Соловьева оказали определяющее влияние на историографию второй половины XIX—начала XX в. Стояние на Угре надолго превратилось в один из второстепенных сюжетов, не вызывавших большого интереса у исследователей. Крупнейший представитель исторической науки того времени В. О. Ключевский даже не упоминает об этом событии в своем курсе русской истории.

Единственным заметным исключением был Г. Ф. Карпов, посвятивший событиям 1480 г. несколько страниц своей монографии.[12] Заслуга его прежде всего в том, что он первым из исследователей обратил внимание на противоречия в летописных известиях. В летописях он различил два рассказа: «один с официальным характером» (например, в Никоновской летописи), «другой же враждебный к Ивану III». Г. Ф. Карпов высказал предположение, что «рассказ враждебного летописца» «дошел до нас не в первоначальной чистоте», т. е. в разных редакциях: «в лучшей форме» он читается в Софийской летописи, а в других «тон и даже подробности его подверглись игре воображения составителей летописей». Другое предположение Г. Ф. Карпова: составители летописей с официальным рассказом «все-таки подверглись влиянию талантливого враждебного летописца», который, по его мнению, был человеком, хорошо знакомым с делом. Эти замечания Г. Ф. Карпова, несмотря на свой лапидарный характер, положили начало критике летописных источников о событиях на Угре.

Свое собственное изложение событий он строит на использовании обоих летописных рассказов. Он подчеркивает, что Иван Ощера

и Григорий Мамон, «злые советники» «враждебного рассказа», были «людьми довольно образованными» и «лучшими дипломатами по степным делам». Советы Ощеры и Мамона Г. Ф. Карпов понимает как предложение «отправить к Ахмату посла с поминками побольше тех, которые дал король, и тогда Ахмат наверно повернет восвояси». Он впервые подвергает критическому анализу рассказ «враждебного летописца» (т. е. Софийско-Львовской летописи) о долговременном пребывании великого князя в Москве, о ропоте горожан, о доблестях Ивана Молодого и т. п. Этот рассказ, который лег в основу концепции С. М. Соловьева, а впоследствии не раз охотно и без всяких сомнений широко использовался другими исследователями (вплоть до наших дней), Г. Ф. Карпов сопоставляет с официальными известиями и отдает предпочтение последним. Он высказывает предположение, что с происхождением «враждебного рассказа» связана «известная партия», сочувствовавшая князю Холмскому и Ивану Молодому; к этой «партии» он относит князей Патрикеевых и Ряполовского. В отличие от Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева Г. Ф. Карпов не склонен преувеличивать значение послания Вассиана: по его мнению, оно не повлияло на ход событий. Переговоры с Ахматом продолжались, и в бой с татарами Иван III не вступил.

Говоря далее о «враждебном рассказе», рисующем Ивана III слабовольным и трусливым, Г. Ф. Карпов подчеркивает его тенденциозность и психологическое неправдоподобие («странно. . . что можно было навести ужас рассказами на человека. . . который имел такие крепкие нервы, что в начале этого же года в Новгороде в течение одного месяца десятками казнил, сотнями пытал и десятками тысяч отправлял в ссылку»). Автором рассказа, по мнению Г. Ф. Карпова, был человек, не только образованный, но и приближенный к великому князю, по-видимому, один из тех князей или бояр, которые оказались позднее в оппозиции («когда государственный порядок коснулся и интересов князей»). «Они захотели взять себе всю славу знаменитых дел и указать потомству, что руководитель народа не так был велик, как можно судить по делам, случившимся при нем». Итак, «враждебный рассказ», оказавший сильнейшее влияние на все летописание, появился не сразу после событий, а спустя некоторое время и вышел из среды княжеской оппозиции.

Критическая оценка «враждебного рассказа» — наиболее сильная сторона исследования Г. Ф. Карпова. Изложение событий на Угре он дает по летописи, без анализа и выводов. Остается неясным, что же явилось причиной бегства Ахмата, кроме того что татары «были наги, босы и ободрались». В отличие от историков, писавших до С. М. Соловьева, Г. Ф. Карпов о походе Нур-Даулета и князя Ноздреватого даже не упоминает.

Источниковедческие взгляды Г. Ф. Карпова сказались на исследовании И. А. Тихомирова.[13] Вслед за Г. Ф. Карповым он отличает официальное известие в составе Воскресенской летописи от «враждебного рассказа», повлиявшего на летопись. И. А. Тихоми-

ров выделяет «вставки», попавшие в летопись из «враждебного рассказа», отмечает искусственный характер этих вставок и их несостоятельность по существу («все прибавки, рисующие Ивана III трусом, не выдерживают критики»). В отличие от С. М. Соловьева и Г. Ф. Карпова И. А. Тихомиров не считает возможным «делать какие-либо заключения об авторе рассказа о походе на Угру».

Исследование И. А. Тихомирова было подвергнуто основательной критике А. А. Шахматовым, создателем принципиально новой методики изучения летописных текстов.[14] Сам А. А. Шахматов в конечном счете пришел к выводу, что основными источниками летописных рассказов об Угре послужили, во-первых, Московский летописный свод 1479 г. с приписками, во-вторых, записи, сделанные архиепископом Вассианом (и отразившиеся в софийско-львовском рассказе).[15] Как и И. А. Тихомиров, А. А. Шахматов ограничился чисто источниковедческими изысканиями и не поставил перед собой задачу реконструкции хода событий 1480 г.

Единственное в дореволюционной историографии исследование, специально посвященное событиям на Угре, принадлежит перу А. Е. Преснякова.[16] Подвергнув внимательному анализу летописные источники (Софийскую II, Новгородскую IV, Никоновскую летописи), он, как и его предшественники, пришел к выводу, что «перед нами несомненные следы двух параллельных рассказов, резко различных по тону», причем во втором рассказе «бросается в глаза укоризненное отношение к Ивану III, выдвинутая на первый план роль Вассиана, противопоставление поведения великой княгини Марфы малодушию „римлянки" Софьи, сочувствие домогательствам братьев великого князя».[17] А. Е. Пресняков рассматривает и рассказ тогда еще не изданной Вологодско-Пермской летописи, который, по его мнению, тоже «плод литературной работы, лишь внешне соглашающей источники». Достоинство данной «редакции» — верное понимание и оценка общего хода событий.[18]

А. Е. Пресняков анализирует не только источники, но и ход самих событий. Вслед за польским историком Ф. Папэ он высоко оценивает стратегическое искусство русского руководства, в отличие от большинства своих предшественников (и также в согласии с Ф. Папэ) скептически относится к преувеличенной риторике и шумным укорам московских «политиков-иерархов», «придавших задним числом фальшивую окраску событиям». А. Е. Пресняков имеет в виду несомненно в первую очередь архиепископа Вассиана с его «Посланием» и воздействием на летописные тексты. Он решительно отвергает сообщение Казанского летописца как «резко противоречащее данным всех остальных источников». Сами события А. Е. Пресняков рассматривает в широком историческом контексте, отмечая интриги Казимира, враждебную позицию Ордена и Швеции и подчеркивая, что к 1480 г. «над Москвой собралась буря, казавшаяся очень грозной особенно потому, что разразилась она в связи с серьезной внутренней смутой»[19] — мятежом удельных князей. Он впервые отказался от предположения, что бездействие

Казимира осенью 1480 г. было вызвано набегом крымских татар, и вслед за Ф. Папэ видит причину этого бездействия во внутренних делах Литвы, в частности в «заговоре князей» в пользу Русского государства. Причиной победы Русского государства в трудном 1480 г. А. Е. Пресняков считает «слабость и разъединение враждебных сил». Хотя это заключение свидетельствует о недооценке реальной угрозы, нависавшей над Русской землей, и вся статья А. Е. Преснякова носит несколько конспективный характер, его работа является заметным шагом вперед в исследовании проблематики 1480 г. Вслед за Г. Ф. Карповым и в отличие от преобладавшего на протяжении многих десятилетий представления о случайном, стихийном ходе событий на Угре, о неспособности и бесцветности московского правительства А. Е. Пресняков подчеркнул высокие качества русского руководства, впервые увидел органическую связь между победой на Угре и последующим решительным наступлением на уделы.[20]

В советской историографии события 1480 г. наиболее обстоятельно были изучены К. В. Базилевичем, посвятившим им одну из глав своей фундаментальной монографии.[21] Он использовал почти все изданные летописи и неизданную Вологодско-Пермскую по Синодальному списку, крымские посольские дела, материалы Литовской метрики, итальянские, турецкие, прибалтийские, немецкие материалы, данные родословцев, хронику Длугоша и др. К. В. Базилевич изучает ближайшую предысторию похода Ахмата, уделяя особое внимание дипломатической деятельности обеих сторон, а также событиям в Новгороде, нападению Ордена на Псков, феодальному мятежу удельных князей.

Одной из задач, объективно стоявших перед первым советским исследователем событий на Угре, была критическая оценка предшествующей литературы. Рассмотрев стойкую историографическую легенду (основанную главным образом на позднем известии Герберштейна и принятую С. М. Соловьевым) о влиянии Софьи Палеолог на решение московского правительства порвать даннические отношения с Ордой, К. В. Базилевич приходит к обоснованному выводу, что «все сохранившиеся в источниках сведения о влиянии Софьи Палеолог. . . не могут быть признаны отражающими действительное развитие событий». Отвергается и другая легенда — о потоптании басмы и убиении ханских послов: эти действия не соответствовали стилю и контексту русско-ордынских отношений (что было отмечено еще Д. И. Иловайским).[22]

Важное место в труде К. В. Базилевича занимает анализ летописных источников. По его предположению, «основная летописная запись о приходе Ахмед-хана в 1480 г. была сделана в митрополичьей канцелярии вскоре после описываемых событий и отразилась в Московской летописи по Уваровскому списку и „Русском временнике"». К. В. Базилевич отметил, что «важной особенностью» этой первоначальной записи «является точная датировка событий, по-видимому, заимствованная из разрядных записей».

Рассказ Софийско-Львовской летописи подвергнут К. В. Базилевичем серьезной критике. Он видит в ней «повесть» нелетописного характера и подчеркивает, что «неприкрытая тенденциозность „повести" при отсутствии в ней хронологической точности и достоверности в сообщении важнейших фактов лишают ее ценности как исторический источник». Отвергая высказанные в литературе предположения об авторе этой «повести» (С. М. Соловьев называл Ф. Курицына, А. А. Шахматов — архиепископа Вассиана), К. В. Базилевич считает его выходцем из церковной или дьяческой среды, сочувствующим Ивану Молодому и его сыну. В соответствии с этим он (как и Г. Ф. Карпов) считает возможным отнести составление «повести» «к исходу 90-х гг. или к первым годам следующего столетия» и связывает ее с борьбой по вопросу о престолонаследии.

Развивая мысль А. Е. Преснякова (и Ф. Папэ) о причинах, по которым король Казимир не оказал эффективной помощи Ахмату, К. В. Базилевич видит эти причины в широком движении русского населения на захваченных Литвой землях в пользу воссоединения с Русским государством.[23]

Изложение хода событий осенью 1480 г. К. В. Базилевич впервые сопровождает анализом стратегии и тактики русских войск и приходит к выводу о продуманности и целесообразности действий русского руководства: «. . .в действиях Ивана III мы видим расчетливую и трезвую оценку обстановки, ничего общего не имеющую с приписанными ему мотивами нерешительности и трусости». В отличие от мнения С. М. Соловьева и последовавших за ним авторов он не отрицает возможной достоверности известия о посылке Нур-Даулета и князя Звенигородского вниз по Волге. Этот поход он считает одной из причин отступления Ахмата. Главная же причина этого отступления в том, что надежды Ахмата на помощь Казимира и на усобицу на Руси оказались тщетными.[24]

По мнению П. Н. Павлова, софийско-львовский рассказ, «откровенно враждебный по отношению к великокняжеской власти», был составлен в Ростове и излагал позицию реакционной церковной верхушки (к которой он относит и митрополита Геронтия, и архиепископа Вассиана). Эта враждебная версия отразилась во всех сохранившихся летописях, хотя и в менее отчетливой форме, и была использована позднейшими официальными летописцами. Что касается подлинного официального рассказа, то он, по предположению П. Н. Павлова, «мог быть уничтожен» в ходе политической борьбы последних десятилетий XV в.[25]

Вслед за А. Е. Пресняковым и К. В. Базилевичем П. Н. Павлов высоко оценивает уровень военно-политического руководства Ивана III. Одна из особенностей концепции П. Н. Павлова — его представление о московской церковно-боярской верхушке, находившейся в 1480 г. «в оппозиции к Ивану III. . . по вопросу об отношении к централизации государства». Членом этой группировки был, как считает П. Н. Павлов, и архиепископ Вассиан.[26] Однако П. Н. Павлов не уточняет состава этой группировки, ог-

раничиваясь противопоставлением ее Ивану Ощере и Григорию Мамону, в которых он видит верных слуг Ивана III, выходцев из незнатных служилых родов.[27]

Рациональное зерно рассуждений П. Н. Павлова заключается в признании (вслед за Г. Ф. Карповым, А. Е. Пресняковым и К. В. Базилевичем) враждебной тенденциозности софийско-львовского рассказа. Однако эта тенденциозность понимается автором несколько прямолинейно и упрощенно. Концепция П. Н. Павлова носит в сущности достаточно спекулятивный характер: он не приводит реальных аргументов в пользу своей гипотезы об уничтожении официального рассказа. Это и послужило причиной того, что его построение, далеко не лишенное интересных мыслей, но недостаточно обоснованное, не нашло поддержки в историографии.

В отличие от К. В. Базилевича и П. Н. Павлова М. Н. Тихомиров заинтересовался только одним аспектом событий 1480 г. — движением московских черных людей.[28] В противоположность К. В. Базилевичу он проявил полное доверие и симпатию к рассказу Софийско-Львовской летописи, находя в других летописях близкие к нему мотивы и не замечая существенных противоречий. Свою версию событий М. Н. Тихомиров рисует целиком по софийско-львовскому рассказу. Это дает ему возможность из собственного бесспорного тезиса, что «свержение татарского ига было достигнуто напряжением всех сил русского народа» и что «истинным героем был русский народ», делать вывод, что «одинаково тенденциозно говорить об Иване III или Иване Молодом как победителе, хвалить или порицать Вассиана и т. д.». Победа была, так сказать, анонимной, военно-политическое руководство не имело никакого значения («народная мудрость, как всегда, оказалась выше мудрости владыки»), а само руководство в лице Ивана III только и делало, что колебалось, находилось под влиянием то «злых советников», то прогрессивных горожан; именно эти последние заставили в конце концов «отказаться от пассивного сопротивления татарам».

Л. В. Черепнин посвятил событиям 1480 г. несколько страниц своей обширной монографии об образовании Русского централизованного государства.[29] Как и М. Н. Тихомиров, он сосредоточивает свое внимание «на роли народных масс», понимая эту роль как волнения московских горожан («по-видимому, назревало антифеодальное восстание), безоговорочно следуя рассказу Софийско-Львовской летописи. «Отступление Ахмед-хана» вызвано комплексом причин: 1) прекращением феодальной войны на Руси; 2) активным выступлением «московского посада, потребовавшего наступления на татар»; 3) отсутствием обещанной помощи со стороны Казимира; 4) как всегда на Руси, конечно, «наступившими морозами». Таким образом, Л. В. Черепнин оказался весьма близким к С. М. Соловьеву, но в отличие от него он вслед за К. В. Базилевичем не отрицает и возможности набега князя Звенигородского.

В связи с пятисотлетием падения ордынского ига были изданы работы В. В. Каргалова и В. Д. Назарова и источниковедческие статьи Я. С. Лурье, Б. М. Клосса и В. Д. Назарова.

Книга В. В. Каргалова[30] вызвала критические замечания Я. С. Лурье, а также Б. М. Клосса и В. Д. Назарова главным образом за недостаточно полное и основательное использование источников.[31] Действительно, работа В. В. Каргалова небезупречна в этом отношении. В вину ему можно поставить и некоторые произвольные допущения. Он говорит, например, о вооружении конницы «ручницами» — легким огнестрельным оружием, говорит и о пищальниках, которые «широко использовались для „бережения" бродов».[32] Ничего этого в известных источниках XV в. нет. Русская конница и через сотню лет после Угры была вооружена почти исключительно холодным оружием, о чем свидетельствуют десятни конца XVI в., а пищальники впервые упоминаются только в начале XVI в. в составе гарнизонов городов. Но следует иметь в виду научно-популярный жанр работы автора, стремившегося дать широкому читателю общий очерк событий и не претендовавшего ни на глубину и оригинальность летописеведческого анализа, ни на тонкую деталировку фактов. Поставив перед собой задачу «осмыслить личность Ивана III через призму исторических результатов его деятельности» — задачу вполне корректную по существу, — В. В. Каргалов ее успешно решил в рамках и на уровне научно-популярного издания. Едва ли не впервые в литературе ему удалось проследить основные черты военного искусства Ивана III и подчеркнуть принципиальное различие военной организации нового Русского государства и княжеств времен феодальной раздробленности. Он сумел также в общих чертах «правильно расставить акценты при описании событий 1480 г.», т. е. решить ту задачу, которую он считал для себя основной.[33]

В противоположность В. В. Каргалову В. Д. Назаров сосредоточил главное внимание именно на источниках.[34] По его наблюдениям, «три версии „Угорщины" возникли в ближайшее после нее время и исходят из разных, но хорошо информированных кругов».[35] Наиболее ранняя великокняжеская версия отразилась в неизданном Лихачевском летописце.[36] Другую версию содержит ростовский владычный свод (Типографская летопись); в его рассказе отразились «Послание на Угру» архиепископа Вассиана, какие-то записи, связанные с участием Вассиана в переговорах с мятежными князьями весной 1480 г., и «скорее всего ранний великокняжеский рассказ». Третья версия — оригинальный рассказ Софийской II и Львовской летописей. По мнению В. Д. Назарова, а также Б. М. Клосса, этот оригинальный рассказ — отрывок из особого летописца, автором которого был скорее всего один из клириков Успенского собора.[37] Московская летопись по Уваровскому списку и Сокращенные своды 90-х гг. берут за основу раннюю великокняжескую версию, расширяя ее заимствованиями из ростовского свода и подвергая редактированию. Наконец, сравнительно поздний рассказ Вологодско-Пермской летописи, содержащий ряд уникальных

фактов и дат, восходит (в оригинальных известиях), с одной стороны, к Успенскому летописцу, а с другой стороны, — к записям, сделанным в Москве, «скорее всего при митрополичьей кафедре».[38] На этой источниковой базе (с привлечением материалов Литовской метрики) В. Д. Назаров и строит свое исследование. Положительная сторона этого исследования — стремление автора к возможно более широкому охвату событий и к наиболее точной их интерпретации и датировке. В. Д. Назаров делает ряд интересных наблюдений. В то же время для его работы характерно чрезмерное доверие к третьей из установленных им версий — к версии Успенского летописца. Он следует за этой версией даже тогда, когда она противоречит другим источникам, что, разумеется, не может не отразиться на его построениях и выводах.

Приведем только один пример. В. Д. Назаров безоговорочно принимает рассказ Успенского летописца о долговременном (двухнедельном) пребывании Ивана III в Москве в начале октября 1480 г. Подтверждение этому он видит в Лихачевском летописце, где киноварная дата 3 октября соотнесена не с отъездом великого князя из Москвы (как во всех других летописях, включающих эту дату), а с приходом на Угру войск Ивана Молодого. Подтверждение он пытается найти и во Владимирском летописце, который говорит о прибытии Ивана III на Угру 11 октября: «. . .согласованность в целом трех независимых источников. . . говорит за достоверность известия Успенского летописца».[39] Оставляя здесь в стороне вопрос об аутентичности Лихачевского летописца и о возможности опоры на его палеографические особенности, посмотрим, что дает автору привлечение Владимирского летописца. От Москвы до Угры около 150 км, по осенней размытой дождями дороге войска во главе с великим князем могли пройти это расстояние не менее чем за 5—7 суток. Следовательно, чтобы оказаться на Угре 11 октября, они должны были выступить из Москвы не позднее чем 4—6 октября, а никак не 14-го, что следовало бы из рассказа Успенского летописца. Таким образом, материалы Владимирского летописца в противоположность мнению В. Д. Назарова свидетельствуют, что ближе всего к истине дата 3 октября, содержащаяся, например, в Московской летописи по Уваровскому списку,[40] а отнюдь не сведения Лихачевского и Успенского летописцев.

В статье Я. С. Лурье содержится критическая оценка предшествующих исследований А. Е. Преснякова, К. В. Базилевича и П. Н. Павлова (а также В. В. Каргалова). Он упрекает их в тенденциозности, в частности в том, что они отрицают колебания и нерешительность, проявленные Иваном III во время Стояния на Угре.[41] Сведения об этих колебаниях приводятся в Типографской летописи и в оригинальном рассказе Софийско-Львовской летописи; следовательно, вопрос сводится к оценке достоверности этих источников и их влияния на другие летописные памятники. Выяснению этого вопроса и посвящена основная часть исследования Я. С. Лурье. Он развивает и дополняет наблюдения, сделанные им ранее в монографии о русском летописании XV в.[42]

Согласно этим наблюдениям, рассказы об Угре в великокняжеском летописании носят вторичный характер по отношению к известиям в ростовском владычном своде (т. е. Типографской летописи). Я. С. Лурье различает две редакции великокняжеского рассказа: первоначальную и наиболее близкую к Типографской летописи в Московской летописи по Уваровскому списку и Сокращенном своде Погодинского вида (редакция 1493 г.) и вторичную в Симеоновской летописи и Сокращенном своде Мазуринского вида (редакция 1495 г.).[43]

Отвергая гипотезу П. Н. Павлова и В. В. Каргалова о возможном уничтожении первоначального официального рассказа как недоказуемую, Я. С. Лурье вместе с тем оспаривает тезис В. Д. Назарова о первичности Лихачевского летописца. Подвергнув анализу текст памятника, он приходит к выводу, что рассказ Лихачевского летописца — скорее всего «сокращение рассказа великокняжеского летописания второй половины 90-х гг. XV в.».[44] Итак, первый источниковедческий вывод Я. С. Лурье — отсутствие первоначального официального рассказа о событиях на Угре и зависимость позднейшего рассказа от известий ростовского владычного свода. Достаточно убедительный в текстологическом плане, этот вывод, однако, порождает вопрос: чем же объяснить такой пропуск в великокняжеском летописании конца 70-х—начала 80-х гг.? Или, другими словами, неужели не существовало никаких официальных записей о событиях 1480 г.? Отчасти предвидя неизбежность такого вопроса, Я. С. Лурье допускает, что «рассказ об Угре в том виде, в каком он сейчас читается в Типографской летописи, не был единственным и непосредственным источником великокняжеского летописания», и признает: «. . .какого происхождения. . . точные даты в великокняжеском летописании (кроме 11 ноября), сказать пока трудно».

Второй источниковедческий итог основан на посылке: «. . .хотя ни один из рассказов. . . не представляет собой прямой и непосредственной записи о событиях 1480 года. . . достоверность большинства из них едва ли следует ставить под сомнение».

В частности, «достоверность известий о колебаниях Ивана III в 1480 году подтверждается не только тем, что о них сообщают разные и частью независимые друг от друга источники — „Послание на Угру", ростовский рассказ, Вологодско-Пермская летопись», а также уникальный источник софийско-львовского рассказа (Успенский летописец, по терминологии В. Д. Назарова), но и тем, что сведения об этих колебаниях «вынуждены были сообщать (на основе ростовского рассказа) великокняжеские своды. . . не позднее 90-х годов». Это последнее, по мнению Я. С. Лурье, произошло, «вероятнее всего, по той простой причине, что о них (колебаниях. — *Ю. А.*) прекрасно знали современники: следовало поэтому не скрывать эти факты, а объяснить их, возложив ответственность на „злых человек" — советников, уже попавших к тому времени в опалу».[45]

Не оценивая здесь эти выводы по существу, отметим следующее. Как справедливо замечает Я. С. Лурье, о колебаниях Ивана III сообщают в первую очередь четыре источника: 1) «Послание на

Угру», 2) ростовский рассказ, 3) Вологодско-Пермская летопись и 4) уникальный рассказ Софийско-Львовской летописи. Естественно возникает вопрос: в какой мере независимы эти источники друг от друга? Без решения этого вопроса судить о достоверности их известий трудно. Хорошо известно, что «Послание на Угру» было тесно связано с ростовским рассказом и не могло не повлиять на те летописи, которые включили это «Послание» в свой текст, т. е. на Вологодско-Пермскую и Софийско-Львовскую.[46] Если эти данные не опровергнуть, то необходимо будет признать, что сведения о колебаниях восходят отнюдь не к независимым друг от друга, а к тесно связанным между собой (концептуально и текстологически) памятникам, т. е. имеют один общий источник.

Я. С. Лурье достаточно убедительно показал зависимость существующего официального (вернее, официозного) рассказа от рассказа ростовского владычного свода. Следует ли после этого удивляться, что сведения о колебаниях и «злых советниках», содержащиеся в этом своде, — по Я. С. Лурье, основном источнике рассказов великокняжеских летописей 90-х гг. — проникли и в них?

Одним из аргументов для этого построения служит опала, постигшая, как считает Я. С. Лурье (вслед за К. В. Базилевичем), бывших «злых советников» великого князя. Но если целью официозного летописца было представить великого князя в возможно более благоприятном свете, то как могло вести к этой цели изображение его в виде безвольного слушателя «злых советников»?

Признавая «достоверность большинства рассказов» о событиях 1480 г., Я. С. Лурье не отмечает фактических противоречий между ними. Так, сочувственно оценивая известие уникальной части Софийско-Львовской летописи о пребывании Ивана III в Москве, он не указывает, что это известие противоречит всем другим — и ростовскому рассказу, и Вологодско-Пермской летописи, и «Посланию на Угру».

Весьма интересное и квалифицированное исследование Я. С. Лурье значительно продвинуло вперед изучение проблемы. Однако и оно, несмотря на ряд ценных наблюдений, не решило всех вопросов, связанных с источниковедением событий 1480 г.

Вполне соглашаясь с Я. С. Лурье, что «осень 1480 года — один из. . . решающих моментов на весах русской истории» и что «историографическое и художественное осмысление» этого момента — «большая и достойная задача», следует отметить вместе с тем, что общая оценка роли Ивана III в событиях 1480 г. далеко не бесспорна. Вызывает сомнения попытка разделить исторические события как бы на два класса — такие, «в которых ярко проявилась роль отдельных личностей», и такие, которые совершаются «не в виде волевого акта отдельных лиц, а вследствие постепенных и глубоких изменений». Думается, что и те, и другие события совершаются отнюдь не иначе, как в соответствии с общими законами исторического развития, реализующимися в действиях живых людей — участников исторического процесса. При анализе исторических событий в равной мере нежелательны как преувеличение

«решающей роли каких-либо царей, героев или злодеев» (как это было у Н. М. Карамзина), так и недооценка реальной роли конкретных лиц, стоящих во главе государства, войска или другого общественного института в переломные моменты истории. Нельзя же, в самом деле, вслед за С. М. Соловьевым считать, что «так называемое иго пало само собой»! Или сочувственно повторять мысль Н. Г. Чернышевского (фактически опиравшегося на работы С. М. Соловьева), что татары «были побеждены. . . собственным одряхлением и размножением русского населения»!

Вызывают возражения и некоторые другие оценки. Едва ли допустимо упрекать советских историков (таких, как К. В. Базилевич) в тенденции «к безоговорочному восхвалению самодержавной власти Московской Руси».[47] Нельзя согласиться также с отождествлением понятий «самодержавие» и «централизация».[48] В советской исторической науке установлено, что централизованное Русское государство имело своей первой формой сословно-представительную монархию [49] (оформившуюся к середине XVI в.), тогда как абсолютизм («самодержавие») установился в нашей стране не ранее второй половины XVII в.

Психологическая характеристика персонажей далекого прошлого — дело сложное и тонкое, едва ли посильное историку-исследователю, если только он не обладает художественным талантом Н. М. Карамзина. Но в распоряжении исследователя есть другой, более доступный и надежный путь для оценки того или иного исторического лица — анализ объективных результатов его деятельности. Именно эти результаты составляют тот общественно-исторический критерий истины, который является венцом исторического познания.

В 1984 г. увидело свет совместное исследование Б. М. Клосса и В. Д. Назарова. В этой работе, носящей источниковедческий характер, обобщаются, расширяются и уточняются наблюдения, опубликованные ранее В. Д. Назаровым. Наиболее важные уточнения касаются Лихачевского летописца. Авторы оспаривают вывод Я. С. Лурье о вторичности и сравнительно позднем происхождении этого памятника и продолжают отстаивать тезис, что «краткая повесть об Угорщине в Лих., как и рассказ о предшествующих ей событиях, передает полный и ранний вариант великокняжеского летописания; все добавления к ней. . . имеют один и тот же источник, а именно ростовский владычный свод». В характеристику самого Лихачевского летописца авторы вносят существенную деталь: это памятник неофициального происхождения, который «был исполнен скорее всего по заказу частного лица», имевшего «доступ к летописным записям, ведшимся при дворе великого князя». С этим уточнением в принципе нельзя не согласиться. Однако оно по-прежнему оставляет без ответа основной вопрос: куда же девались сами эти «летописные записи, ведшиеся при дворе»? В то же время новый взгляд на Лихачевский летописец приводит к некоторым противоречиям. Признав неофициальное происхождение Лихачевского летописца, авторы тем

не менее настаивают, что это «очень ранний (современный событиям) памятник великокняжеского летописания, строго официальный по своему характеру». Вместе с тем Лихачевский летописец «несомненно сокращает в отдельных случаях свой источник». Это утверждение авторы подтверждают примерами. Что же перед нами — современный описываемым событиям, «строго официальный по своему характеру» памятник великокняжеского летописания или результат позднейшего частного редактирования (в частности, сокращения) летописных записей, ведшихся при дворе великого князя? Разумеется, это далеко не одно и то же: во втором случае едва ли может идти речь о «краткой великокняжеской повести об Угорщине».

Другие уточнения касаются ростовского свода. Путем тщательного анализа его известий Б. М. Клосс и В. Д. Назаров уточняют и убедительно обосновывают свой вывод «об авторстве Вассиана в значительных разделах повествования об Угорщине».[50]

Новейший общий очерк событий на Угре в 1480 г. принадлежит Р. Г. Скрынникову. Как и В. В. Каргалов, он подчеркивает высокие качества русского военно-политического руководства и его большую роль в отражении Ахмата. Хотя в силу популярного характера издания Р. Г. Скрынников не проводит специального источниковедческого исследования, его источниковедческие позиции выражены достаточно четко. В целом он следует традиции, идущей от Г. Ф. Карпова и развитой А. Е. Пресняковым, К. В. Базилевичем и П. Н. Павловым. Софийско-львовский рассказ Р. Г. Скрынников считает весьма тенденциозным в той его части, где автор пытается бросить тень на Ивана III, обвиняя его в трусости и т. д. Тенденциозный рассказ церковников (в Софийско-Львовской летописи) был, по мнению Р. Г. Скрынникова, составлен задним числом, в 90-х гг., когда «отношения между великим князем и высшим духовенством были близки к разрыву». При этом «в силу необъяснимого парадокса источники не сохранили ни официального летописного отчета. . . ни росписи полков».[51]

Итоги новейших источниковедческих исследований, посвященных событиям 1480 г., можно в сокращенном виде представить в виде схем (рис. 1—3).

Основное отличие двух приведенных схем (см. рис. 1 и 2) в том, что Б. М. Клосс и В. Д. Назаров признают существование первичного оригинального великокняжеского летописного рассказа, а Я. С. Лурье его существование отрицает. Разница, как видно, весьма чувствительна. Но она ослабляется, ввиду того что Б. М. Клосс и В. Д. Назаров не могут объяснить, почему великокняжеские летописные записи не попали непосредственно в официозную летопись, а оказались в ней только через довольно длительное время и в трансформированном виде, подвергшись воздействию ростовского владычного свода. Зачем великокняжескому сводчику конца 80-х гг. (по вполне правдоподобному предположению авторов, известному дьяку Василию Мамыреву) понадобилось

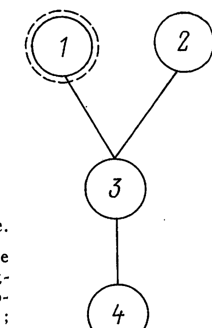

Рис. 1. Соотношение летописных известий по Я. С. Лурье.

1 — неясный источник, содержащий точные даты, отсутствующие в Типографской летописи (здесь и далее пунктиром обозначен предполагаемый источник); *2* — ростовский рассказ (Типографская летопись); *3* — рассказы великокняжеского свода 90-х гг. (два варианта); *4* — рассказ Лихачевского вида.

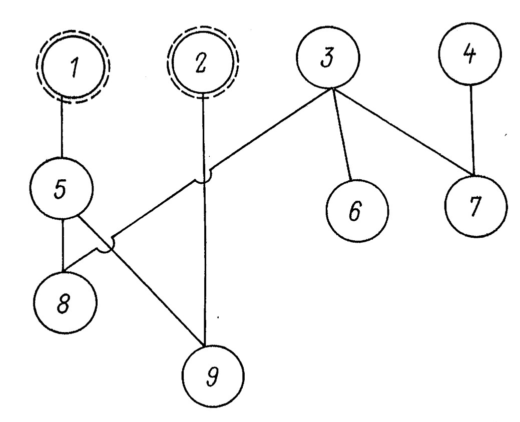

Рис. 2. Соотношение летописных известий по Б. М. Клоссу—В. Д. Назарову.

1 — великокняжеские летописные записи; *2* — записи при митрополичьей кафедре; *3* — рассказ Вассиана; *4* — Успенский летописец; *5* — Лихачевский летописец; *6* — Типографская летопись; *7* — Софийско-Львовская летопись; *8* — великокняжеские летописи 90-х гг.; *9* — Вологодско-Пермская летопись.

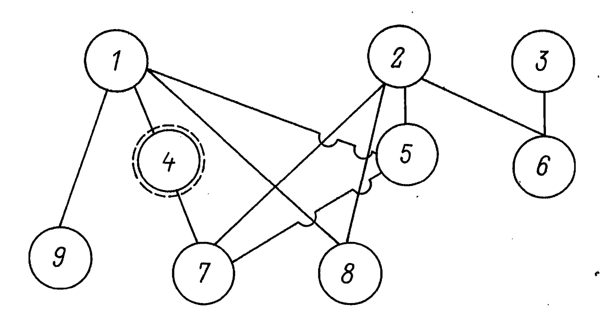

Рис. 3. Один из возможных вариантов соотношения летописных текстов.

1 — официальные записи типа разрядных; *2* — «Послание на Угру»; *3* — Успенский летописец; *4* — официальная летопись; *5* — Типографская летопись; *6* — Софийско-Львовская летопись; *7* — своды 90-х гг.; *8* — Вологодско-Пермская летопись; *9* — Владимирский летописец.

разбавлять официальный текст вставками из летописи ростовских владык?

Наряду с отмеченным отличием схемы имеют ряд общих черт. Обе концепции основаны на изучении одних и тех же основных летописных версий — в первую очередь ростовской, софийско-львовской и московских сводов 90-х гг. Авторы обеих концепций с большим доверием относятся к оригинальному рассказу Софийско-Львовской летописи. Обе концепции носят подчеркнуто летописеведческий характер: различия между летописями рассматриваются текстологически, путем сопоставления между собой летописных памятников. Этот весьма плодотворный и хорошо разработанный метод действительно дает возможность установить взаимоотношения летописных списков, обнаружить заимствования, «своды» и т. п. Однако за пределами этого метода могут остаться другие источники — нелетописные памятники, существование которых в рассматриваемое время не вызывает сомнений. Я имею в виду официальные записи документального характера, типа разрядных и походных дневников, о вероятном влиянии которых на летописи писал еще К. В. Базилевич. Влияние таких записей на летописные тексты можно проследить с конца 60-х гг. (записи о «первой Казани»). Записи о походах 1471, 1475/76 и 1477/78 гг. содержат большое количество точных дат: движение войск и распоряжения великого князя, другие события расписаны буквально по дням. Это, видимо, своего рода военно-походный дневник, ведущийся при главной квартире русских войск — дворе великого князя. Возникают вопросы: велись ли подобные записи в 1480 г.? Если велись, то в каких сохранившихся источниках они отразились? В поисках ответа на эти вопросы можно наряду с обычно используемыми летописями привлечь сравнительно малоисследованный памятник — Владимирский летописец.[52]

Первая часть этого памятника, кончающаяся 1391 г., была исследована М. Н. Тихомировым и Л. Л. Муравьевой.[53] Вторая часть пользовалась меньшим вниманием.[54] Большинство погодных заметок Владимирского летописца за 1460/61—1494/95 гг. представляет собой крайне сокращенное изложение известий, содержащихся в других летописях, прежде всего в великокняжеских сводах, а также в Типографской и некоторых других. Есть основание говорить об определенной провеликокняжеской направленности автора заметок — она связана, может быть, с его близостью к правительственному аппарату.

В ряде случаев автор заметок уточняет сведения, сохранившиеся в других летописях.[55] Наибольший интерес представляют уникальные известия, не встречающиеся в других летописных памятниках. Под 1461/62 г. в сообщении о кончине Василия Темного перечислены все его сыновья, как живые, так и умершие. В других летописях этого текста нет, за исключением Степенной книги.[56] Под 1494/95 г. приводится подробный состав свиты великой княжны Елены при ее поездке в Вильно на свадьбу с Александром Литовским. Такой перечень встречается только в Посольской книге[57]

и Разрядах.[58] По-видимому, автор заметок имел возможность пользоваться официальными документами такого рода. К уникальным относится и известие под 1480/81 г., посвященное событиям на Угре.[59] Оно характеризуется лаконичностью и полным отсутствием нарративного элемента, чем существенно отличается от других летописных рассказов об Угре. Однако основная особенность записи — наличие точных дат, отсутствующих в других источниках. Лаконичность известий и точная их датировка роднят запись Владимирского летописца с официальными документами типа походного дневника. Возможно, именно такие документы и были использованы при составлении записи.

Сопоставление Владимирского летописца с другими сохранившимися летописями, прежде всего с Московской по Уваровскому списку и Вологодско-Пермской, позволяет высказать гипотезу, что в указанных трех летописях, содержащих точную и непротиворечивую датировку событий, и отразились официальные записи документального характера типа походного дневника, аналогичные тем, которые велись в походах 1471, 1475/76 и 1477/78 гг. Почему эти записи сохранились только частично? Почему они не легли в основу официального (или официозного) летописного рассказа, а оказались разбросанными по разным непосредственно не связанным между собой памятникам? Это вопросы, на которые в настоящее время нет прямого, достаточно убедительного ответа. Но во всяком случае уже сейчас можно отметить три важных обстоятельства.

Во-первых, официальный великокняжеский летописный рассказ о событиях на Угре нам неизвестен: или его по каким-то причинам (каким?) не существовало, или он по каким-то причинам (каким?) до нас не дошел. В этом отношении Я. С. Лурье, вероятно, ближе к истине, чем его оппоненты: Лихачевский летописец не может претендовать на официальность уже по той причине, что в нем отсутствуют многие даты, содержащиеся в других летописях и имеющие, вероятно, официальное происхождение (впрочем, неофициальный характер Лихачевского летописца фактически признают, как мы видели, Б. М. Клосс и В. Д. Назаров).

Во-вторых, в составе летописных памятников более или менее отчетливо прослеживается тенденция, оппозиционная по отношению к Ивану III и его правительству. Наиболее резко эта тенденция выражена в софийско-львовском рассказе (Успенский летописец) и устюжских летописях. В оценке характера и причин этой тенденции мнения исследователей сильно расходятся. Если Я. С. Лурье, Б. М. Клосс и В. Д. Назаров (а также М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин) склонны смягчать или отрицать тенденциозную направленность софийско-львовского рассказа и других оппозиционных текстов, отмечая их объективность и достоверность, то К. В. Базилевич, П. Н. Павлов, В. В. Каргалов и Р. Г. Скрынников (а в прошлом Г. Ф. Карпов и А. Е. Пресняков), напротив, подчеркивают эту тенденциозность, видят в ней враждебное отношение к великому князю и ищут корни ее в социально-политической действительности

эпохи. Так источниковедческая проблема анализа летописных известий перерастает в проблему реально-историческую — в анализ характера политических отношений в верхних слоях русского общества при Иване III. Оппозицию, отразившуюся в тенденциозном изображении событий на Угре, исследователи видят то в консервативной удельно-княжеской среде (Г. Ф. Карпов), то в среде церковных иерархов (А. Е. Пресняков, Р. Г. Скрынников, отчасти П. Н. Павлов), то среди московского боярства (П. Н. Павлов). Но в любом случае вопрос выходит далеко за рамки событий, непосредственно связанных с борьбой на Угре, и ведет к исследованию более общих проблем истории конца XV в.

В-третьих, хотя официальный великокняжеский рассказ как таковой отсутствует, до нас дошли отдельные записи документального характера, отличающиеся по существу (и, вероятно, по происхождению) от нарративных летописных текстов. Эти записи, несмотря на свою неполноту и фрагментарность, представляют особую ценность — именно они дают наиболее надежную опору для попыток реконструкции реальной исторической действительности.

Первая победа над Ахматом

Стратегия Дмитрия Донского была основана на идее нанесения упреждающего удара по ордынцам до подхода их к русским пределам: оборона Руси выносилась далеко на юг, в Дикое поле. Эта идея нашла свое воплощение в великой битве на Куликовом поле, нанесшей первый мощный удар ордынскому игу. Однако в условиях политической раздробленности Руси стратегическая концепция Донского не могла быть реализована до конца: нашествие Тохтамыша показало непрочность княжеских союзов и заставило Русь надолго отказаться от смелых встречных ударов.

Постройка каменного московского Кремля в 1367—1368 гг. имела крупнейшее стратегическое значение. На столетие Кремль превратился в главную крепость Русской земли, основной элемент обороны от литовских и ордынских нашествий. За единственным исключением (в 1382 г. был взят обманом Тохтамышем), Кремль с честью выполнял свою роль главной цитадели страны, спасая основные государственные и национальные ценности и сохраняя жизнь и свободу тысячам людей, сбегавшихся со всех сторон под защиту его укреплений. Так было и в 1408 (поход Едигея), и в 1439 (поход Улу-Мухаммеда), и в 1451 (набег Мазовши) гг. Во всех этих случаях (как и при нашествии Тохтамыша в 1382 г.) русские не успевали или не имели возможности создать сколько-нибудь прочную оборону южного рубежа. Конные массы татар легко форсировали Оку и рассыпались по Русской земле, предавая все огню и мечу и уводя огромный полон.

Первый известный пример успешной обороны рубежа Оки относится к 1459 г. Узнав, что «татарове Седи-Ахметевы похвалився на Русь пошли», «князь велики Василеи отпустил противу их к Берегу

сына своего великого князя Ивана со многими силами». Судя по тому, что во главе русских войск стоял не воевода, а сын-соправитель великого князя, можно думать, что речь шла о борьбе с достаточно большим отрядом ордынцев. В то же время это были, очевидно, не основные силы Орды: во главе их летопись не называет хана. На переправах через Оку произошел бой: великий князь Иван «не перепусти» татар за реку, «отбися от них, они же побегоша».[60] Лаконичное известие летописца не содержит никаких подробностей. Однако о значении, которое придавалось этому событию, свидетельствует то, что в Кремле в честь него была воздвигнута новая каменная церковь Похвалы Богородицы.[61] На берегах Оки в 1459 г. произошло, по-видимому, действительно знаменательное событие. Была одержана важная победа по меньшей мере тактического масштаба: впервые за всю историю борьбы с Ордой удалось отстоять оборонительную линию Оки и предохранить Русскую землю от очередного опустошительного вторжения.

Победа русских на Оке в 1459 г. произвела, видимо, впечатление и на ордынцев. Когда летом следующего 1460 г. хан Ахмат, сменивший Сеид-Ахмета, предпринял очередной поход на Русь, он ограничился нападением на Переяславль-Рязанский на правом берегу Оки. Наиболее подробный рассказ об этом событии содержится в Ермолинской летописи:[62] Ахмат стоял под городом три недели, «на всяк день приступая ко граду, бьющеся». Но рязанские «граждане» «одолеваху ему и много у него татар побиша», от чего Ахмат вынужден был пойти «прочь с великим срамом». По словам летописца, один из приближенных Ахмата, Казат-улан, «привел его, не чающе от Руси ничего сопротивления». Это объяснение кажется правдоподобным: после отпора в 1459 г. ордынцы не рассчитывали на успех на главном (московском) направлении, а попытались нанести удар по слабому (по их предположению) участку. Героическая оборона Рязани сорвала надежды Ахмата и его мурз поживиться легкой добычей. Не следует забывать и того, что после смерти рязанского великого князя Ивана Федоровича весной 1456 г. Рязанская земля по его завещанию попала под временный протекторат Москвы: великий князь Василий «на Рязань посла наместники своя и на прочая грады».[63] Рязань оказалась включенной в общерусскую систему обороны южного рубежа, участие московских войск в защите Рязани вполне вероятно.

60-е годы XV в. — время крупных перемен в русско-ордынских отношениях. С момента вокняжения Ивана III в 1462 г. начинается последний, решающий этап борьбы Русской земли против ордынского ига за полное восстановление национального суверенитета. Хан Ахмат, пришедший к власти около 1460 г.,[64] в свою очередь ставит перед собой широкие задачи, стремясь к возрождению былого могущества империи Чингизидов. Одно из основных звеньев в политической программе Ахмата — восстановление полного политического господства Орды над Русью.

Политический кругозор Ахмата был достаточно широк. Известно о его переговорах с Венецией в самом начале 70-х гг. По венецианским источникам хан был готов заключить союз с республикой и выставить 200 тыс. конницы[65] против Османской империи, но требовал больших денежных субсидий (по 10 тыс. дукатов в месяц).[66] Для установления контактов 2 апреля 1471 г. венецианский сенат постановил отправить к Ахмату своего секретаря Дж. Баттиста Тревизана.[67] Задержанный в Москве по небезосновательному подозрению в шпионаже, Тревизан добрался до Орды только в 1474 г.[68] Хотя переговоры Ахмата с Венецией и не привели к заключению союза, они красноречиво свидетельствуют о международных притязаниях и амбициях хана.

Проводя широкомасштабную политику, Ахмат рассчитывал на создание мощной антирусской коалиции, основой которой должен был быть союз с Литвой. Казимир Литовский со своей стороны стремился к такому союзу в интересах дальнейшей экспансии против Руси и сохранения власти над русскими землями, захваченными в прежние времена.

Первые сведения о литовско-ордынских переговорах помещены в летописи под 1470/71 г. По-видимому, в конце 1470 г. к хану прибыл королевский посол Кирей с предложением союза против Русского государства.[69] 1470 год — время значительного обострения положения в Восточной Европе. Военное столкновение Москвы с Новгородом и литовская интервенция на стороне последнего становились реальной перспективой. От исхода этого столкновения зависело будущее Русской земли и всей Восточной Европы. Неудивительно, что именно в этот момент Казимир предложил союз Ахмату, стремясь заручиться помощью могущественного ордынского хана.

Предложение Казимира было сочувственно встречено ближайшим окружением хана — князем Темирем и другими его советниками.[70] Однако заключение союза натолкнулось на объективные трудности: по словам летописца, хан «год весь держал Кирея у себя, не бе бо ему с чем отпустити к королю его иных ради зацепок своих».[71] В конце 1470 г. Ахмат был еще не готов к крупномасштабному выступлению против Руси. Только осенью 1471 г. королевский посол вернулся к Казимиру вместе с ответным посольством хана: Орда, видимо, была готова заключить союз с королем.

Однако к осени 1471 г. политическая обстановка в Восточной Европе изменилась в пользу Русского государства. В июне—июле московские войска под главным командованием великого князя совершили стремительный поход на Новгород. Ополчение новгородцев было наголову разбито на Шелони; феодальная республика была вынуждена заключить Коростынский мир, признав над собой власть великого князя московского. Сохранив еще на несколько лет свою внутреннюю автономию, Новгород стал частью единого Русского государства.

Летом 1471 г. произошло еще одно важное событие, непосредственно связанное с русско-ордынскими отношениями: отряд вят-

чан, «шед суды Волгою на низ», захватил и разграбил Сарай.[72] По рассказу московского летописца, татары Большой Орды в это время кочевали на расстоянии одного дня пути от Сарая, т. е. в 50—100 км. Узнав о разгроме своей столицы, они сделали попытку перехватить вятских удальцов: «. . .поимавше суды и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити». Но вятчане прорвались и ушли, казанцы «такоже хотяша переняти их», но не сумели. По данным Устюжской летописи, во главе вятчан стоял «воевода» Костя Юрьев.[73] Типографская летопись приводит рассказ, близкий к московскому, и добавляет, что «пришедше из Сараю» вятчане пошли с воеводами великого князя в поход против новгородцев.[74] Если так, то рейд на Сарай должен был состояться в начале лета: уже 27 июля вятчане сражались с новгородцами на Шиленге.[75] Этот неслыханный по дерзости и удаче рейд должен быть по справедливости оценен как выдающееся военное предприятие. Впервые за всю историю русско-ордынских отношений нападению подвергается не Русская земля, а сама Орда; не Москва или Рязань, а надменная столица ордынских ханов взята на щит; не ордынцы, а русские «много товара взяша и плен мног поимаша». По своей форме поход Кости Юрьева был, по-видимому, типичным набегом ушкуйников, лихих корсаров русских рек. Основное его значение в том, что он показал сравнительно легкую уязвимость «сердца» огромной кочевой империи, что не могло не сказаться в дальнейшем на поведении ордынского хана.

Независимо от степени участия московского правительства в подготовке похода результат его был именно такой, о каком в Москве могли только мечтать. В том, что летом 1471 г. Ахмат не двинулся на русские пределы, нападение на Сарай играло, вероятно, далеко не последнюю роль. Однако, с другой стороны, именно это нападение должно было с необходимостью способствовать дальнейшему обострению русско-ордынских отношений и ускорить неминуемый разрыв. Осеннее посольство 1471 г. к Казимиру — ответ Ахмата не только на инициативу короля, но и прежде всего на растущую угрозу ордынской империи со стороны Русского государства.

Трудно сказать, был ли заключен формальный договор в результате обмена посольствами. Во всяком случае принципиальное соглашение о совместной борьбе против Русского государства было, по-видимому, достигнуто. Летом 1472 г. Ахмат, «подговорен королем»,[76] двинулся в свой первый большой поход на Русскую землю.

За 12 лет, отделяющих поход 1472 г. от первого нападения Ахмата на Русь под стенами Переяславля-Рязанского, в истории Русской земли произошли фундаментально важные события.

Военные действия летом 1472 г. развернулись в принципиально иной военно-политической обстановке, чем набеги ордынцев (татарских «царевичей») в 40—50-х гг. и походы прежних ордынских ханов. Ордынскому нашествию впервые противостояли не разрозненные княжества, раздираемые междоусобной борьбой, а единое Русское государство, под знаменем которого объединились основные силы русского народа.

С другой стороны, и Ахмат, по-видимому, собрал силы, превосходившие все, чем располагали его предшественники.[77]

Рассказ о походе Ахмата летом 1472 г. сохранился в трех основных вариантах. Официозная версия читалась, видимо, в великокняжеском своде 1472 г. и отразилась в Симеоновской, Московской, Прилуцкой и Вологодско-Пермской летописях. Эта версия содержит наиболее полное и фактологичное описание кампании. Основные черты этого описания — точная датировка событий, большое внимание к действиям и распоряжениям великого князя и его воевод. Другой рассказ читается (с вариантами) в летописях Софийско-Львовской, Ермолинской, Сокращенных сводах и Устюжских. Рассказ Софийско-Львовской летописи содержит отрицательную оценку поведения великокняжеского воеводы Семена Васильевича Беклемишева, подчеркивает роль полков удельных князей, опускает большинство дат, содержащихся в официальной версии.[78] Рассказ Типографской летописи включает некоторые подробности и имена, отсутствующие как в московской, так и в софийско-львовской версиях. Поход Ахмата упоминается и в Псковской летописи: в разгар событий в Москву прибыли псковские послы, чьи сведения, очевидно, и приводит летописец.[79]

Согласно Московской летописи, известия о походе Ахмата были получены в Москве не позднее начала июля. Великий князь «прежде всех. . . отпусти» на Берег Федора Давыдовича Хромого «с коломничи». Московское верховное командование стремилось прежде всего прикрыть кратчайшее — коломенское — направление на столицу, путь вторжений 1439, 1451, 1455 гг. Во главе Коломенского полка ставится один из лучших воевод, имевший боевой опыт и пользовавшийся полным доверием правительства.[80] Известие свидетельствует о том, что к этому времени в Москве еще не знали о маршруте движения Ахмата. Затем, 2 июля («на Ризположение»), были посланы воеводы князья Д. Дм. Холмский и Стрига Оболенский,[81] и, наконец, «потом же», очевидно после 2 июля, были «отпущены» к Берегу братья великого князя «со многими людьми».[82] Типографская летопись отмечает, что великий князь отпустил на Берег сначала князя Юрия, а потом «дву Андреев и Бориса, и своих воевод, и всю силу русскую». Князь Юрий, в частности, «ста выше Серпухова на Оце».[83]

Софийско-Львовская летопись подчеркивает, что Ахмат совершал свое движение скрытно и не по обычному для ордынцев маршруту: он шел «с проводники не путьма».[84] Более подробно об этом говорит известие Типографской летописи: хан шел «вверх по Дону, чая от короля себе помочи, свещався с королем. . . на великого князя». Однако Казимир, занятый своими «усобицами», «не посла царю помочи».[85]

С верховьев Дона хан двинулся не на север или северо-восток, по кратчайшему направлению к Москве через Коломну или Каширу, а на северо-запад, к Алексину. Львовская летопись сообщает, что Ахмат подошел к Алексину «с литовского рубежа»,[86] т. е. с неожиданного для русских западного направления. Хан, очевидно, обошел

линию сторожевых постов, обманув их бдительность. Автор Типографской летописи подчеркивает, что Ахмат, «не дошед Алексина, сторожев великого князя разогнаша и иных поимаша».[87] Та же летопись указывает, что с Ахматом шел Темирь, «князь его больший». (Согласно Московской летописи, как мы видели, Темирь был одним из главных сторонников союза с Казимиром).

Таким образом, выход татар к Алексину был в известной мере неожиданным для русских, и в этом заключался тактический успех Ахмата. Однако степень этой неожиданности преувеличивать не следует. Львовская летопись сообщает, что великий князь велел своему воеводе Семену Беклемишеву, стоявшему в Алексине, «осаду распустити, понеже не успеша запастися, чем битися с татары». Распоряжение об эвакуации города было дано скорее всего заблаговременно, до подхода татар и начала боев за город. В Москве знали о неготовности города к обороне и не исключали возможности нападения татар. Неподготовленность Алексина к обороне подчеркивает и рассказ Московской летописи: «. . .в нем людей мало бяше, ни пристроя городного не было, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов».[88] Движение Ахмата к Алексину давало возможность ударить с неожиданного для русских направления, значительно западнее обычных ордынских маршрутов (хотя и увеличивало расстояние: до Москвы от Коломны — 100 км, от Алексина — 150 км). Приближаясь к литовскому рубежу, Ахмат мог надеяться на организацию взаимодействия с литовскими войсками.

По словам Типографской летописи, ордынцы подошли к Алексину «в среду по рану, июля 29».[89] Воевода Семен Беклемишев не организовал обороны города.[90] Оборону взяли на себя сами горожане: «они затворишася во граде», и, когда ордынцы «начаша к граду приступати крепко, гражане же из града крепко с ними бьяхуся».[91] Таким образом, отсутствие «пристроя городнего», артиллерии и припасов не помешало алексинцам оказать мужественное сопротивление врагу.

В Москве весть о приближении татар к Алексину пришла на рассвете в четверг, 30 июля (150 км гонец покрыл за сутки). Эта весть была воспринята как начало большого нашествия. Рано утром, «не вкусив ничто же», великий князь «поиде вборзе к Коломне». Молодой великий князь Иван одновременно был отправлен в Ростов.[92] Московское правительство, по-видимому, считало, что на Алексин наносится вспомогательный, отвлекающий удар; главные силы русских войск по-прежнему прикрывали кратчайшее направление на Москву.[93]

Атаки на Алексин продолжались. По-видимому, Ахмат не хотел оставлять у себя в тылу русский город, кроме того, ордынцы надеялись на легкую добычу. 30 июля татары «примет приметавше и зажгоша град».[94] По единодушному свидетельству летописей, жители Алексина проявили подлинный героизм. Они продолжали сражаться, защищая свой пылающий город до последнего. «Не предашася в руце иноплеменник, но изгореша вси с женами и с детми в гра-

де», — сообщает Типографская летопись. «Гражене изволиша згорети, неже предатися татаром», — вторит ей Львовская. «Что в нем людей было, всем изгореша, а которым выбегоша от огня, тех изнимаша», — отмечает официозный рассказ. Все летописи подчеркивают, что ордынцы понесли под Алексиным значительные потери: «много татар побили под Олексином», «множество татар избиша из града того», «под ним (Алексином. — *Ю. А.*) много татар избиша».[95]

Гибель Алексина произошла, по данным Московской летописи, в пятницу, 31 июля.[96] Разрушив город, ордынцы «начаша перевозити ся на сю сторону реки Окы».[97] Московская летопись подчеркивает, что «в том месте рати не было, приведены же быша нашими же (т. е. изменниками. — *Ю. А.*) на безлюдное место». Однако «безлюдность» эта была относительной. По сведениям той же летописи, левый берег против Алексина охраняли (хотя и «с малыми зело людми») П. Ф. Челяднин и С. В. Беклемишев. Это известие косвенно совпадает с приведенным выше сообщением Львовской летописи о том, что Беклемишев был воеводой в Алексине и поспешно отошел за Оку при приближении ордынцев.

Именно войска Челяднина и Беклемишева дали первый отпор попыткам ордынцев форсировать Оку. Когда татары «вринушася в реку вси, хотяще и переити на нашу сторону», наша войска «начаша стрелятися с ними и много бишася с ними». Малочисленные русские стали изнемогать в неравном бою, «уже и стрел мало бяше у них, и бежати помышляху». Но в это время подошли подкрепления: верейский князь Василий Михайлович и дмитровский князь Юрий Васильевич со своими полками. «И тако начаша одолети. . . татаром, татарове же. . . побегоша за реку».[98]

По сообщению Львовской летописи ордынцы пытались форсировать реку еще до падения Алексина. Их первый удар принял князь Василий Верейский «со многими людьми», к которому подоспели вскоре на помощь князья Юрий из Серпухова, Борис с Козлова Брода и воевода великого князя П. Ф. Челяднин. Эти войска и отразили татар. Пожар и гибель города произошли на глазах у воевод: «. . .не бе им куды пособити, реки великие Оки [ради]». Летопись отмечает особую роль князя Юрия Васильевича: якобы именно его татары «наипаче бояхуся. . . понеже бо имени его трепетаху страны». Эти слова отражают, возможно, не только свойственную Софийско-Львовской летописи тенденцию всюду и везде преувеличивать и подчеркивать достоинства удельных князей. Князь Юрий, старший из братьев великого князя, в 1469 г. действительно сыграл крупную роль в Казанской кампании, добившись капитуляции хана Ибрагима.

Типографская летопись сообщает некоторые подробности боя на берегу: «. . .которые татарове перевезоша ся реку, и тех пребиша на ону сторону, иных ту убиша. И суды у них поотнимаша».[99] Таким образом, татары пытались форсировать Оку не только вброд, но и в лодках («судах»), и на левом берегу Оки дело дошло до рукопашной.

Однако главные силы Ахмата в сражении не участвовали. По словам Московской летописи, Ахмат был поражен, увидев на левом берегу Оки «многые полки великого князя, аки море колеблющеся, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистающи, и въоружени зело».[100] По объяснению летописца, именно эта грозная картина заставила Ахмата отказаться от дальнейших попыток форсирования и отступить: «...начат отступати от брега помалу; в нощи той страх и трепет нападе на нь и побеже...».

По сообщению Софийско-Львовской летописи хан решил отступить после того, как узнал от татар, состоящих на русской службе, о сосредоточении на Оке главных сил русских войск: «...князь же великий под Ростиславлем стоит, а царевич Даньяр Каисимович на Коломне стоит с татары, а князь Андрей Большой в Серпухове, а с ним Муртаза царевич Мустафин, сын царя Казанского». То же сообщение приводит и Ермолинская летопись, добавляя, что вместе с Данияром на Коломне «множество воев великого князя», и уточняя, что оба Андрея стоят в Тарусе. Услышав это, Ахмат «часа того побеже прочь». Типографская летопись не объясняет причину отступления хана, сообщая зато точную дату отхода ордынцев: «...противу же субботы нощи той, противу Спасова дни», т. е. в ночь на 1 августа.[101]

Эти данные подтверждает и Псковская летопись. 1 августа в Москву прибыли послы Трофим Кипрешев и Юрий Сестников, отправленные с просьбой о назначении князя-наместника в Псков и с сообщением о предстоящих переговорах с ливонским магистром. В Москве послы узнали, что великий князь «со всею силою стоит у Коломны», куда они и отправились для переговоров с ним. По словам летописца, «царь ордынский... прочь поиде, убегом побеже», узнав, что «с князем великым прямо его стояху противу на полутораста верстах 100 000 и 80 000 князя великого силы русскыа».[102]

Итак, наши основные источники сходятся в том, что причина отступления Ахмата — нежелание вступать с большое сражение с главными силами русских войск.[103] Возможно, отступление ордынцев было ускорено появлением в их войске «смертоносной язвы», о чем пишет московский летописец: «...начаша бо напрасно умирати мнози в полце их».[104] Эта же «язва», видимо, послужила одной из причин того, что русские отказались от дальнего стратегического преследования отступающего врага.

По данным Софийско-Львовской летописи, хан, отступая, увез с собой посла великого князя, киличея Григория Волнина, «блюдучися того, егда князя великого царевичи шед возьмут Орду и царицу его».[105] Это сообщение весьма интересно. Во-первых, из него вытекает, что между русскими и ордынцами шли какие-то переговоры, в Орде был русский посол, хотя и неизвестно, когда он туда прибыл — до похода или уже во время военных действий.[106] Во-вторых, известие свидетельствует об особой роли конницы татарских «царевичей» на русской службе. Эта стратегическая конница, организованная по типу ордынской, могла покрывать огромные

расстояния и справедливо вызывала наибольшие опасения у Ахмата — именно войска «царевичей» могли быстрее и вернее всего достигнуть ордынского «юрта». Косвенно отсюда вытекает, что собственно русская стратегическая конница еще не играла большой роли — огромная рать на берегах Оки состояла, вероятно, главным образом из пешего ополчения. Несмотря на блестящий опыт Новгородской кампании, в которой конное московское войско сыграло решающую роль, русская конница еще не рассматривалась Ахматом как главный враг на степных просторах. С другой стороны, прошлогоднее успешное нападение на Сарай должно было обострить беспокойство хана за свою столицу.

Типографская летопись со свойственным ей провиденциализмом подчеркивает, что татары «побегоша. . . никим же гонимы», кроме гнева небесных сил. По более реалистичным данным Московской летописи, великий князь, узнав об отступлении Ахмата, «начат многие люди свои отпущати за татары по дорозе их, остальцев деля и полону ради христианского».[107] Но это были отдельные отряды. Главные же силы русских войск не переходили Оку. Стратегического преследования не было, хотя дальняя разведка, по-видимому, велась. Получив «весть», что хан «пришед до катун и ко зимовищу пошел», великий князь распустил русские полки и вернулся через Коломну в Москву, куда прибыл 23 августа.[108] Летняя кампания 1472 г. окончилась.

Итак, последовательность событий летней кампании 1472 г. выглядит по летописным данным следующим образом.

До 2 июля. В Москву поступают первые известия о походе Ахмата. Отправка войска воеводы Ф. Д. Хромого (Коломенский полк). (Московская летопись).

2 июля. Отправка на линию Оки великокняжеских войск князя Д. Дм. Холмского и князя И. В. Стриги Оболенского. (Московская летопись).

После 2 июля. Отправка полков удельных князей. (Московская летопись). Развертывание войск Юрия Дмитровского выше Серпухова. (Типографская летопись).

Конец июля. Ахмат приближается к Алексину; верховное командование дает указание об эвакуации города. (Софийско-Львовский рассказ).

29 июля, среда, раннее утро. Начало боев за Алексин. (Типографская летопись; другие рассказы, без даты). Первая попытка форсировать Оку. (Софийско-львовский рассказ).

30 июля, четверг, на рассвете. Великий князь получает известие о выходе ордынцев к Алексину и отправляется к войскам в Коломну. Великий князь Иван Молодой посылается в Ростов (частичная эвакуация Москвы?). (Московская летопись).

31 июля, пятница. Гибель Алексина и его жителей. (Типографская летопись; другие летописи, без даты). Попытки форсирования Оки ордынцами. Бои отрядов П. Ф. Челяднина и С. В. Беклемишева. (Московская летопись, без даты). Подход

отрядов удельных князей (все летописи, кроме Типографской, без даты).

1 августа, суббота, ночь. Отступление Ахмата от Оки. (Типографская летопись; остальные летописи, без даты).

Около 1 августа. Диспозиция русских войск на Оке: великий князь у Ростиславля (район Каширы), вассальная татарская конница у Коломны, Андрей Большой у Серпухова, казанский «царевич» там же, Андрей Меньшой в Тарусе. (Софийско-львовский рассказ и Ермолинская летопись, без даты).

После 1 августа. Отправка отдельных русских отрядов за Оку для захвата отставших ордынцев (?) и освобождение русских пленных. (Московская летопись, без даты).

Первая половина августа. Поспешное отступление Ахмата через степи. (Все летописи, без даты).

23 августа. Возвращение великого князя в Москву. (Московская летопись).

Летом 1472 г. впервые была успешно решена задача создания прочной обороны водного рубежа на широком фронте против главных сил Орды. Умелой обороной Оки русским удалось предотвратить вторжение Ахмата: ни один русский город на левом берегу не пострадал от ордынцев.

Какими силами располагали противоборствующие стороны? В нашем распоряжении только две цифры, содержащиеся в источниках. Относительно Орды — это свидетельство Ахмата о 200 тыс. конницы, которые он обещал выставить против Порты. Эта цифра не может считаться вполне точной: желая получить венецианские субсидии, Ахмат имел основание преувеличивать свои силы. С другой стороны, имея дело с ловкой, хитрой и хорошо информированной венецианской дипломатией, Ахмат не мог себя компрометировать явной ложью. 200 тысяч могут быть приняты как ориентировочная максимальная численность ордынской конницы. В походе 1472 г. участвовали если не все (на чем настаивают русские летописи), то во всяком случае главные силы Ахмата. Можно думать, что цифра 150 тыс. не будет большим преувеличением численности войск, которые он привел на Русь.

Итак, основной ударной силой Ахмата была многочисленная конница. Как показывает ход событий, Ахмат использует способность своей конницы к быстрому стратегическому маневру, стремясь обойти с фланга главные силы русских войск. Задумав большой поход на Русь, собрав под своим началом основные силы Орды, хан вместе с тем стремится избежать генерального сражения, в котором на карту поставлено все. Он рассчитывает, во-первых, на союз с Литвой (помощь Казимира), во-вторых, на внезапность своего нападения, на неготовность русских к отражению нашествия. В этих расчетах Ахмат выступает не как авантюрист, а как реалистично мыслящий политик и стратег. Страшный разгром на Куликовом поле еще жив в памяти ордынцев. Еще более важно, что Ахмат трезво представляет себе огромные силы, которые русские развернули на Оке.

О численности русских войск говорит оценка Псковской летописи (вероятно, со слов псковских послов, бывших во время событий в Москве и Коломне). Эта цифра — 180 тыс. человек, развернутых на фронте в 150 верст. Цифру, приведенную псковским летописцем, разумеется, нельзя считать вполне точной. Вероятно, как часто бывает в подобных случаях, перед нами преувеличение. Но нет оснований сомневаться, что летом 1472 г. для защиты от ордынского нашествия на Оку были двинуты громадные силы — основная часть того, чем могла располагать Русская земля.

Об организации службы на Берегу есть прямое указание источника. Между 1455 и 1462 гг. игумен Троицкого Сергиева монастыря Вассиан получил от великого князя Василия Темного жалованную грамоту с разрешением «вывести опять назад» из великокняжеских и боярских сел тех крестьян, которые «вышли. . . сего лета» из троицких вотчин в Углицком уезде, «не хотя ехати на мою службу, великого князя, к Берегу».[109] Эта грамота (обычно используемая при попытках доказать раннюю отмену права крестьянского выхода) [110] позволяет сделать ряд выводов. Несение службы на Берегу есть обязанность крестьян, живущих даже в привилегированных иммунитетных вотчинах крупнейшего русского монастыря. Эту службу несут крестьяне и такого сравнительно отдаленного от Оки уезда, как Углицкий. На службу, по-видимому, отправляются по очереди крестьяне из разных сел, отсюда попытки уклониться от этой повинности путем перехода в те села, с которых «сего лета» служба не несется. Без участия широких слоев непривилегированного городского и сельского населения, горожан и крестьян Русского государства, организация обороны страны, особенно на южном, самом опасном направлении, была бы невозможной. Эти-то люди и составляли, надо полагать, основную массу тех многих десятков тысяч воинов, которые летом 1472 г. остановили нашествие Ахмата у самого порога Русской земли. Другую часть войска составляло конное феодальное ополчение бояр и детей боярских. Учитывая, что к 70-м гг. XV в. поместная система еще не сложилась и что в большинстве уездов Русского государства было развито черное крестьянское землевладение, можно полагать, что феодальная конница уступала по численности пехоте, набираемой из непривилегированных горожан и крестьян. Если так, то огромное русское войско, стоявшее на Оке и по численности, возможно, не уступавшее ордынцам, должно было сильно отличаться от них по составу: основу русского войска составляла пехота. Видимо, именно этим объясняется отказ русских от дальнего стратегического преследования отступающих ордынцев: в Диком поле превосходство татарской конницы должно было проявиться особенно сильно и русские войска, менее подвижные, могли оказаться в тяжелом положении.

Показания Московской летописи о подтягивании войск к Алексину заслуживают большого внимания. Они вскрывают характерную черту развертывания русских войск по левому берегу Оки: основу оперативного построения составляли войска великого князя

с его воеводами, на отдельных участках стояли полки удельных князей с их конными дворами.[111]

Состав русских войск и характер стоявших перед ними задач определили стратегию и тактику русского командования. Основным видом боевых действий была стратегическая оборона с задачей не допустить прорыва конных масс противника через Оку во внутренние русские уезды. Наличие многочисленной пехоты, растянутой вдоль берега, и подвижных конных отрядов феодального ополчения, которые можно было рокировать по фронту, отвечало решению этой задачи. Отдельные, наиболее важные пункты на Оке были, вероятно, укреплены. Судя по оценке Московской летописью состояния Алексина, город, не имевший особого «городнего пристроя», не снабженный пушками, пищалями и самострелами, рассматривался как необороноспособный. Отсюда вытекает, что в других обороноспособных городах все это было: они заблаговременно укреплялись, снабжались артиллерией и припасами.

Готовясь к отражению Ахмата, русское командование расположило, по-видимому, свои главные силы на левом фланге, в районе Коломны, туда и прибыл великий князь при известии о начале вторжения. Для такого распределения сил были веские основания. Во-первых, Коломна прикрывает кратчайший путь на Москву. Именно поэтому в прошлом через нее чаще всего происходили ордынские набеги (последний раз набег Мазовши в 1451 г. с выходом к Москве и набег в 1455 г., когда перешедшие Оку ниже Коломны ордынцы были отогнаны кн. И. Ю. Патрикеевым).[112] Отборная русская конница (двор великого князя), будучи сосредоточенной у Коломны, может достичь Москвы раньше, чем ордынцы из любого другого пункта на Оке. Она сохраняет фланговое положение по отношению к любым ордынским силам, двигающимся к Москве по другим дорогам. Надо полагать, что как место сбора русских войск Коломна была хорошо укреплена и снабжена необходимыми припасами. Все это вместе превращало Коломну в важнейший для русских стратегический пункт на Оке.

Сведения Псковской летописи подтверждают, что русские войска были развернуты на фронте от Коломны до Алексина — это как раз 150 верст. По словам софийско-львовского рассказа, великий князь находился под Ростиславлем, в районе Каширы, примерно в 60 км выше Коломны по Оке. По данным Московской летописи, великий князь вернулся в Коломну, узнав о приходе ордынцев на их зимовища. Следовательно, до этого он был в другом месте, что косвенно подтверждает сообщение софийско-львовского рассказа. Очевидно, переход ставки в район Каширы был вызван необходимостью быть ближе к атакованному участку для улучшения условий связи и управления войсками: Ростиславль — почти посередине фронта русских войск, гонец от Алексина мог достигнуть Ростиславля менее чем за сутки. Необходимо вспомнить, что и в походе 1471 г. на Новгород великий князь со своей ставкой находился в средней из трех колонн, идущих на Новгород, что также облегчало управление войсками. В этом можно видеть стремление к централи-

зации руководства, к реальному осуществлению функций главного командования.

Необходимо подчеркнуть значение героической обороны Алексина. Три дня, потраченные Ахматом на борьбу с беззащитным городом, дали возможность подтянуть силы русских к месту вероятного форсирования Оки. Подвиг Алексина может быть сравнен с прославленной обороной Козельска, задержавшего когда-то орду Батыя. Но если оборона Козельска была страницей трагической борьбы с победоносными завоевателями, то горожане Алексина совершили свой подвиг на заре освобождения Русской земли.

Непосредственная причина победы русских в бою на Оке — быстрое подтягивание (рокировка) сил с других участков. Это было бы невозможным без предварительного развертывания русских войск на Оке. Заблаговременное и целесообразное развертывание сил — большая заслуга верховного командования. В результате тактический выигрыш Ахмата не перерос в оперативный успех. В конце июля—начале августа 1472 г. русские войска одержали несомненную и крупную стратегическую победу, не допустив вторжения Орды в пределы Русской земли. Характерные черты этой победы в том, что она достигнута малой кровью, без генерального сражения и с полным сохранением боеспособности русских войск. Отказываясь от преследования Ахмата, ограничиваясь обороной водного рубежа, русское командование ставило свои войска в наиболее выгодное положение и сохраняло их живую силу. В этом смысле кампания в 1472 г. заслуживает особого внимания. Имея дело с очень сильным и опасным противником в сложной внешнеполитической ситуации (в Москве знали об ордынско-литовских переговорах и не могли не считаться с возможностью выступления Казимира), русское командование действует осторожно и осмотрительно, реально оценивая свои возможности и стремясь сохранить войска как важнейший военно-политический фактор.

Основная причина победы на Оке в 1472 г. — создание на Руси сильного централизованного государства, располагающего гораздо большими материальными и моральными возможностями, чем прежние союзы князей. Необходимо подчеркнуть, что летом 1472 г. русское правительство и командование проявили большое дипломатическое и стратегическое искусство, полностью реализовав свои объективные преимущества.

Особого рассмотрения заслуживают непосредственные политические результаты летней кампании 1472 г. В исторической литературе они расцениваются по-разному и обычно увязываются с вопросом о выплате дани («выхода»). М. Г. Сафаргалиев рассматривает поход 1472 г. как успех Ахмата (взятие и сожжение Алексина) и считает, что зависимость Руси от Орды в результате этого похода усилилась.[113] Большинство других исследователей не придают походу 1472 г. существенного значения в развитии русско-ордынских отношений. В. Д. Назаров подчеркивает, что Русь продолжала регулярно выплачивать ордынский «выход» и после Алексинского похода. К. В. Базилевич также считает, что выплата «выхода»

продолжалась и после 1472 г.[114] П. Н. Павлов, расценивая события лета 1472 г. как безусловный успех русских, отмечает, что хотя выплата «выхода» и продолжалась, но размер его был снижен с 7 тыс. до 4 тыс. 200 руб.[115] Следует отметить, однако, что все вышеприведенные мнения носят в существе своем несколько спекулятивный характер, так как не опираются на прямые указания источников: источники не содержат никаких сведений о выплате «выхода» в 70-е гг. Единственное прямое указание о времени прекращения выплаты «выхода» имеется только в Вологодско-Пермской летописи: Ахмат в качестве одной из причин (хотя и не главной) своего похода 1480 г. называет невыплату дани в течение 8 лет («выхода не дает девятый год»).[116] Если исходить из этого, то дань перестали платить именно в 1472 г., возможно, после похода Ахмата на Алексин. Правда, известия об обмене послами с Ахматом прослеживаются до 1476 г. (последний известный русский посол Матвей Бестужев выехал в Орду 6 сентября 1476 г.),[117] что может быть использовано как косвенное свидетельство о продолжении даннических отношений.[118] Мирные отношения с Ордой действительно продолжались, но были ли они связаны с регулярной выплатой «выхода», остается неясным. Во всяком случае прямое свидетельство Вологодско-Пермской летописи не может быть сброшено со счетов. Неудача похода Ахмата в 1472 г. не могла не отразиться на русско-ордынских отношениях. В вековом споре Руси и Орды назревал кризис.

Русь и Орда накануне решительного столкновения

Отношения Руси с Ордой в 70-х гг. носили неопределенный и в достаточной мере двусмысленный характер: отказавшись фактически от признания ханского сюзеренитета, Русское государство формально не порывало отношений с ханом, давая этим повод ордынским властям рассматривать Русь как часть их «улуса». И в отношениях с Ордой, как и во многих других сферах жизни Русского государства, молодое вино до поры до времени лилось в старые меха, новое тесно переплеталось со старым, которое не уступало своего места без боя.

Источники свидетельствуют, что после Алексинского похода вопросы отношений с Ордой и другими ханствами на восточном, юго-восточном и южном рубежах Русского государства были в центре внимания московского правительства. Так, в конце 1472 г. оно проявило крайнюю обеспокоенность в связи с попытками Венеции вступить в прямые дипломатические контакты с Ахматом, использовав для этого миссию Тревизана.[119] 31 декабря 1472 г. великий князь принял на службу «царевича» Муртазу, сына казанского хана Мустафы. Новый московский вассал получил «городок новый на Оке со многими волостями». Принимая на свою службу «царевичей»-эмигрантов, московское правительство не только укрепляло

свои силы на южном рубеже, но и создавало для себя возможность вмешательства при случае в династические споры в Казани путем выставления своих кандидатов на ханский престол. Это было продолжением политики, начавшейся еще в 40-х гг. принятием на русскую службу царевича Касыма, сына Улу-Мухаммеда.

К тому же времени относится и установление отношений между Москвой и Крымом — потенциальным противником Ахмата. Великий князь принимает Ази-Бабу, присланного крымским ханом Менгли-Гиреем, «с любовью» и «братством» и, «почтив того посла», отпускает с ним в Крым 31 марта 1474 г. своего посла Н. В. Беклемишева.[120]

Посольство Н. В. Беклемишева представляет особый интерес. Это первое посольство, отраженное в сохранившихся посольских книгах, что свидетельствует о весьма важном факте — функционировании в начале 70-х гг. особой службы иностранных дел. Не меньшее значение имеют и само содержание посольства, и характер инструкций, данных Беклемишеву.[121] Инструкции отличаются чрезвычайно тщательной, детальной разработкой — правительство стремится предусмотреть основные возможные варианты переговоров в Крыму и во что бы то ни стало настоять на проведении своей линии. Эта линия — заключение союза с Крымом: «. . . другу другом быти, а недругу недругом быти». Для нашей темы наибольший интерес представляет вопрос об отношениях с Ахматом, подробно разработанный в посольской инструкции. Московское правительство проявляет большую осторожность и осмотрительность. Принимая в принципе предложение о союзе против Ахмата, оно отнюдь не хочет на данном этапе идти на открытый разрыв с Ордой. В частности, оно поручает своему послу отвергнуть возможное предложение Менгли о прекращении обмена послами с Ахматом: «. . .осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочюет подле отчину осподаря моего еже лет, ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити».[122]

Московское правительство предложило Крыму три варианта договора. Первые два варианта («списка») носили общий характер, третий называл конкретных врагов — Ахмата и короля. Однако формулировка союзных обязательств в этих случаях была разной. Союз против короля носил наступательный и оборонительный характер и предусматривал одностороннюю помощь Русскому государству со стороны Крыма. Союз против Ахмата носил чисто оборонительный, но зато двухсторонний характер: Русь и Крым обязывались прийти на помощь друг другу в случае нападения Ахмата.[123]

Как видим, весной 1474 г. московское правительство, предусматривая реальную возможность нападения Ахмата на Русское государство, не хотело по своей инициативе порывать отношения с Ордой. Об этом же свидетельствуют и переговоры с Ахматом.

Несмотря на то что около этого времени внимание летописца к посольским делам значительно возрастает и приемы и отпуски послов начинают точно фиксироваться, все же летопись далеко не полностью отражает дипломатическую практику московского прави-

тельства. Так, о миссии в Орду Никифора Басенкова мы узнаем только, когда 7 июля 1474 г. он возвращается в Москву вместе с ордынским послом Кара-Кучюком. По словам Московской летописи, посольство Кара-Кучюка отличалось особенным размахом: «. . .с ним множество татар пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иными товаром было 3 тысячи и двести, а коней продажных с ними боле 40 тысяч, и иного товару много».[124] Подобное сообщение заслуживает внимания.

По-видимому, ордынское руководство предприняло в 1474 г. серьезную попытку переговоров с Москвой для налаживания не только политических, но и торговых отношений. Правительство хана Ахмата на этом этапе, видимо, не исключало возможности мирного урегулирования русско-ордынского конфликта на началах возобновления и сохранения традиционных связей, основанных на признании Русью верховной власти ордынского хана.[125]

К этому же времени относится урегулирование инцидента с Тревизаном. После разъяснений и просьб венецианского правительства Тревизан был выпущен из заключения. Интересам Русского государства, очевидно, отвечало вступление Орды в конфликт с могущественной Портой, к чему через своего эмиссара призывало Ахмата правительство Венеции. 19 августа в Орду вместе с Кара-Кучюком отправился русский посол Дмитрий Лазарев. С ними был отпущен и Тревизан, которому великий князь «подмогл. . . всем: и людьми, и коньми, и поминки».[126]

Таким образом, и летом 1474 г., через два года после Алексинского похода, дипломатические отношения между Москвой и Ордой продолжались. Хотя нам неизвестно конкретное содержание переговоров, сам факт их ведения свидетельствует о стремлении обеих сторон избежать открытого разрыва или по крайней мере оттянуть его на какое-то время. В середине 70-х гг. разрыв с Ордой никак не мог быть выгодным для Русского государства. Хотя события 1471 г. положили конец самостоятельности Новгородской феодальной республики, окончательное слияние ее с Русским государством требовало еще значительных усилий; сохранялось напряженное положение на ливонско-псковском рубеже; как всегда, были недружественны отношения с Казимиром; политический курс на ослабление отдельных княжеств и усиление их зависимости от Москвы способствовал укреплению Русского государства, однако вызывал растущее противодействие консервативных кругов. Во всяком случае открытый разрыв с Ордой мог только осложнить положение Русского государства, тем более что он не мог не привести к усилению опасности со стороны других врагов Руси. С другой стороны, едва ли в Москве могли рассчитывать на мирное урегулирование с Ахматом; слишком глубоки и принципиальны были коренные противоречия между Русью и Ордой.[127] Отсюда понятна тактика московского правительства, стремившегося путем переговоров оттянуть время окончательного разрыва с Ахматом и добиться создания благоприятной внешне- и внутриполитической конъюнктуры для решительной борьбы с ним.

Именно поэтому, не отказываясь от переговоров с Ахматом, Русское государство продолжает развивать дружественные отношения с потенциальным противником Орды — Менгли-Гиреем. 13 ноября 1474 г. из Крыма вернулся Никита Беклемишев в сопровождении ханского посла Довлетека-Мурзы. На приеме у великого князя 16 ноября крымский посол обратился с предложением о заключении союза («Кто будет тебе, князю великому, друг, тот и мне, царю, друг, а кто тебе недруг, тот и мне недруг»).[128] Миссия Довлетек-Мурзы в Москве затянулась на несколько месяцев. Только в конце марта 1475 г. он был отпущен домой в сопровождении московского посла Алексея Ивановича Старкова.[129] Длительность пребывания крымского посольства в Москве может косвенно свидетельствовать о серьезных, детальных переговорах его с московским правительством.

Содержание переговоров в Москве отразилось в посольском наказе А. И. Старкову. Московское правительство не пошло на заключение союза против Ахмата, так как Крым исключил из проекта договора упоминание о союзе против Казимира. Весьма интересна мотивировка позиции московского правительства, приведенная в наказе А. И. Старкову: «Осподари наши великие князи от отцов, и от дед, и от прадед слали своих послов к прежним царям к ордынским, а они своих послов посылали к великим князьям, и осподарь мой князь велики и нынеча потому ж своих послов шлет к Ахмату царю и к брату его к Махмуту, и они своих послов к моему государю посылают».[130] Это и есть «старина», на которую ссылается московское правительство в переговорах с Менгли и которую оно не хочет «порушити». Как видим, «старина» в отношениях с Ордой выглядит в московской интерпретации столь же определенно, сколь и тенденциозно: московское правительство рассматривает свои отношения с Ордой как вполне равноправные, не допуская и намека на какое-либо подчинение ордынскому хану. Однако наказ Старкову содержит и другое положение. Протестуя против исключения из текста договора Казимира как вероятного противника, посол должен говорить: «. . .лзя ли моему государю так делати с сторону недруг его король, а с другую сторону учинится ему недруг царь Ахмат, и осподарю моему к которому недругу лицом стати?».[131] Этот риторический вопрос свидетельствует, что московское правительство оценивало действительное положение вещей с достаточным реализмом. Русскому государству угрожает война на два фронта, вот почему нужен союз с Крымом против польского короля. Только нейтрализация одного из главных противников может дать возможность «лицом стати» против другого. В этом суть позиции московского правительства в его переговорах с Крымом.

Однако развитие русско-крымских переговоров осложнилось свержением Менгли и турецкой агрессией против Крыма. Весной 1475 г. Менгли заточен в Манкупскую крепость,[132] а в июне полуостров оккупируют войска Мохаммеда II. [133] Это было сильным ударом по политическому престижу Менгли и сделало на время дальнейшие переговоры беспредметными. Восстановленный формально в своих правах в июле 1475 г., Менгли был вынужден при-

знать себя вассалом султана.[134] Ослабление Крымского ханства и его новый политический статус отразились и на русско-ордынских отношениях.

21 октября 1475 г. в Москву «прибежал из Орды посол князя великого Дмитрий Лазарев».[135] Хотя никакие подробности этого события нам неизвестны, но очевидно, что в Орде произошел резкий конфликт и ханское правительство пыталось задержать Лазарева в качестве заложника. Русскому послу было нанесено явное оскорбление, и переговоры с Ордой на время прекратились. Еще важнее, что инцидент с Лазаревым свидетельствует о напряженных, враждебных отношениях к Руси в Орде летом—осенью 1475 г. Прошлогодняя миссия Кара-Кучюка, видимо, не оправдала надежд и ожиданий Ахмата: русское правительство, надо думать, не шло на уступки принципиального характера.

Дипломатические отношения с Ордой возобновились только летом следующего 1476 г. 11 июля в Москву явился посол Бочюка, «зовя великого князя ко царю в Орду». Как и посольство Кара-Кучюка, миссия Бочюки была многолюдной и пышно обставленной и носила не только дипломатический, но и торговый характер: с ним ехало «татаринов 50, а гостей с ним и с конми и товаром всяким с полшестасть».[136]

Летом 1476 г. Ахмат совершил успешное нападение на Крым: его войска нанесли поражение Менгли-Гирею, который был снова свергнут[137] и заменен ставленником Орды Джанибеком.[138] Это была вершина внешнеполитических успехов Ахмата. Победа в Крыму дала возможность хану предъявить Москве более определенные и, по-видимому, более жесткие требования.[139] Московский летописец впервые излагает содержание этих требований: суть их, как мы видели, — вызов великого князя на поклон к хану.

Для оценки значения этого вызова необходимо вспомнить, что Иван III был первым из русских великих князей, который никогда — ни до, ни после вокняжения — не приезжал к хану. Он был также первым, кто сел на великое княжение без прямой санкции ханской власти. Вызов его в Орду означал фактически требование восстановить традицию, восходившую к XIII в., — традицию периодических приездов великих князей в Орду в знак признания своей зависимости от верховной власти хана.[140] Таким образом, приглашение приехать в Орду имело существенное, принципиальное значение. Видимо, поэтому оно и было особо отмечено летописцем.

Итак, возобновление переговоров после разрыва в октябре 1475 г. произошло по инициативе ордынской стороны в благоприятной для нее обстановке и сопровождалось предъявлением требований, носивших принципиальный политический характер. В то же время посольство Бочюки, хотя и более скромное по составу, чем посольство Кара-Кучюка в 1474 г., было внешне облечено в обычную форму торгово-дипломатической миссии.

Посольство Бочюки провело в Москве около двух месяцев: московское правительство, видимо, в принципе не отказывалось от

переговоров с ханским послом. 6 сентября Бочюка выехал обратно в Орду в сопровождении русского посла Матвея Бестужева.[141] Содержание переговоров в Москве и миссии Бестужева неизвестно,[142] но важен основной факт — приглашение великому князю приехать в Орду было отклонено. Тем самым русская сторона отвергла основное, наиболее существенное требование Ахмата.

Не порывая дипломатических отношений с Ордой, русское правительство отнюдь не пошло на возобновление традиционных изъявлений покорности хану, что на дипломатическом языке эпохи означало отказ от признания ордынского сюзеренитета над Русью.[143] В этих условиях дальнейшие русско-ордынские переговоры могли носить в значительной степени только формальный характер, касаясь, может быть, и относительно важных, но по существу своему второстепенных предметов. Каждая из сторон, по-видимому, стремилась оттянуть время решительного столкновения до создания наиболее выгодной для себя военно-политической ситуации.

В этой связи для Русского государства первостепенное значение имели такие факторы, как окончательная ликвидация новгородского сепаратизма, укрепление положения на других внешних рубежах и попытки создания антиордынской коалиции; для Орды — укрепление ее положения в Крыму и в других частях улуса Чингизидов и попытки создания антирусской коалиции.

Решению задач, стоявших перед Русским государством, объективно способствовали такие акции, как поход на Новгород в 1477 г. и разгром заговора Феофила в январе 1480 г. Существенное значение имела также военная экспедиция на Казань весной 1478 г. в ответ на нападение казанцев на Вятскую и Устюжскую земли зимой этого же года.

Московская летопись кратко сообщает только о начале похода: 26 мая 1478 г. из Нижнего Новгорода под Казань была отправлена судовая рать во главе с В. Ф. Образцом.[144] Гораздо более подробные сведения содержит Типографская летопись. По ее данным, «множество воинства в судах к Казани» возглавляли князь Семен Иванович (Ряполовский) и В. Ф. Образец. Опустошив приволжские места, судовая рать подошла к Казани, однако из-за сильной бури и дождя не смогла пойти на приступ и, по-видимому, была вынуждена ограничиться блокадой города («вспятишеся и сташа на Волзе»). Одновременно, как и в 1469 г., по Казанскому ханству был нанесен удар с севера: вятчане и устюжане совершили успешный поход по Каме. В результате всего этого «царь послал с челобитьем к великому князю, и умиристася, яко же угодно бысть великому князю».[145]

Сведения Типографской летописи представляют большой интерес. Вторая Казанская война закончилась миром на условиях, предложенных русской стороной, и именно это обстоятельство имеет существенно важное значение. В период угрожающего обострения отношений с Ордой московскому правительству удалось нейтрали-

зовать Казань и этим самым в значительной мере обеспечить свой левый стратегический фланг и тыл на случай войны с Ахматом.

Несмотря на победу в 1476 г., овладение Крымом оказалось для Ахмата не простым и не легким делом. Прежде всего оно заставило поставить вопрос о взаимоотношениях с Портой. Согласно турецким источникам, в июне 1477 г. ордынский хан обратился к султану с посланием, в котором наряду с уверениями в дружбе и верности содержалось многозначительное напоминание о происхождении Ахмата от Чингисхана.[146] Стремление Ахмата укрепить свою власть в Крыму в сочетании с его великодержавными амбициями сделало невозможным соглашение с Портой.

Следует отметить, что русское правительство делало попытки заключить соглашение и с Джанибеком в период его пребывания у власти. Об этом свидетельствует не упоминающееся в летописи посольство, отправленное из Москвы в Крым 5 сентября 1477 г.[147] Посольство носило, видимо, полуофициальный характер — его возглавлял не ответственный и полномочный представитель великого князя, как было в 1474 и 1475 гг., а служилый татарин Темеша. Он должен был попытаться возобновить переговоры о союзе без каких-либо конкретных, определенных условий, а также удовлетворить просьбу Джанибека: обещать ему убежище («опочив») в Русской земле в случае «истомы». Непрочность положения Джанибека на ханском престоле делала его, разумеется, малоценным союзником для Москвы, но в то же время свидетельствовала о ненадежности позиций Ахмата в Крыму и открывала для московского правительства возможность более активного вмешательства в крымские дела.

Уже к весне 1479 г. Джанибек был действительно изгнан из Крыма и Менгли-Гирей в третий раз занял ханский престол.[148] Это было важным политическим поражением Орды и вместе с тем создавало возможность дальнейших русско-крымских переговоров.

30 апреля 1479 г. в Крым был отправлен толмач Иванча Белого.[149] Это не официальный посол, а, как и Темеша, скорее гонец — посольский наказ называет его «паробком» великого князя. Его задача — возобновить в общей форме предложение о дальнейших переговорах. Из наказа Белого узнаем, что бежавший из Крыма Джанибек («Зенебек») действительно нашел «опочив» в Русской земле — московское правительство дало ему приют, но в то же время, по-видимому, по просьбе Менгли ограничило его свободу («и вперед. . . его у собя држати твоего для дела»).

По просьбе того же Менгли московское правительство обещало и ему убежище и помощь, «коли по грехам придет каково. . . неверемя» для крымского хана. Менгли сидел на престоле еще очень непрочно, и инструкция Белого предусматривала возможность, что в Крыму уже «царь переменился», и, если «будет не Менгли-Гирей на царстве», русский гонец должен будет повернуть назад. Наказ Белого свидетельствовал также о напряженности русско-литовских

отношений: обеспокоенные русско-крымскими переговорами, литовские власти «по всем местам стерегут того», чтобы русский посол не мог проехать в Крым.

Официальное посольство во главе с князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским отправилось в Крым 16 апреля 1480 г.[150] Оно имело полномочия заключить двусторонний оборонительный договор против Ахмата и оборонительно-наступательный односторонний договор против Казимира. В общих чертах сохранялись те же начала, какие были предложены русской стороной еще шесть лет назад. Как и прежде, московское правительство отказывалось от инициативы в разрыве отношений с Ахматом. Вместе с тем в посольский наказ было включено новое положение.

«А учинится тамо весть князю Ивану Звенцу, что Ахмат царь на сей стороне Волги, а покочюет под Русь, и хотя ярлыка еще не даст Менгли-Гирей царь, ино князю Ивану о том говорити царю Менгли-Гирею, чтобы. . . на Ахмата царя пошол или брата своего отпустил с своими людми. . . а не пойдет Менгли-Гирей царь и брата с людми не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошол или брата отпустил с людми». Если же «будет Ахмат царь за Волгою», посол не должен делать такого заявления.[151]

Приведенное положение имеет принципиально важное значение для конкретной характеристики политической обстановки весной 1480 г. До Москвы дошли, видимо, слухи о готовящемся нападении Ахмата, но правительство еще не имело точных и надежных сведений о его местонахождении и намерениях. Тем не менее, исходя из конкретной ситуации, в Москве, видимо, считали вторжение Ахмата вполне реальной и близкой опасностью. Именно поэтому посол должен был потребовать от Менгли немедленной помощи против Ахмата в случае его приближения к русским границам, не дожидаясь формального заключения союзного договора. Как видим, помощь эта мыслилась в двух возможных вариантах — выступление Крыма против самой Орды или против Казимира. В апреле 1480 г. московское правительство отдавало себе полный отчет в серьезности сложившейся ситуации.

Возрастанию прямой угрозы ордынского нашествия способствовали крупные успехи Ахмата в Южном Поволжье и Средней Азии. В конце 70-х гг. Ахмат одерживает победу над узбекским ханом Шейх-Хайдером и устанавливает протекторат над Астраханским ханством.[152] Эти бесспорные успехи значительно укрепляют военно-политическое положение Большой Орды и ее хана и способствуют росту его великодержавных амбиций. Именно в этот период он официально именует себя в письме к султану единственным из «чингисхановых детей», заявляя тем самым претензии на все наследие этого завоевателя.[153] Итак, на рубеже 70—80-х гг. произошло существенное усиление военного могущества Большой Орды и тем самым возросла опасность агрессивной политики Ахмата, направленной на реставрацию мировой империи Чингизидов.

Другой существенно важный факт, способствующий нашествию Ахмата на Русь, — заключение союза с Казимиром.[154] Начало последнего тура переговоров относится, по-видимому, к 1479 г., ко времени пребывания в Литве ордынского посла Тагира. В ходе ответного посольства Стрета были обговорены сроки совместного нападения на Русь — весна 1480 г. В конце 1479—начале 1480 г. в Литве уже велись военные приготовления: в частности, шел набор наемной тяжеловооруженной конницы в Польше (предполагалось набрать от 6 до 8 тыс. человек во главе с опытными ротмистрами).[155] Союз с Ахматом был к этому времени, по-видимому, официально оформлен.

Союз Казимира с Ахматом способствовал успеху русско-крымских переговоров. Несмотря на известные колебания Менгли между русской и польско-литовской ориентацией, весной 1480 г. военно-политический союз между Крымом и Москвой был заключен,[156] что являлось без сомнения крупным успехом русской дипломатии. Однако реальное значение союза с Крымом отнюдь не следует переоценивать. Во-первых, Менгли, только что вернувшийся к власти, еще не прочно сидел на своем престоле. Во-вторых, как вассал султана он должен был сообразовывать свои действия с политическими видами Порты. В-третьих, заинтересованный в поражении своего врага Ахмата, он не имел оснований желать чрезмерного усиления Русского государства. В-четвертых, он сохранял достаточно тесные связи с Польшей и Литвой — своими ближайшими соседями.[157] В силу всех этих факторов союз с Менгли сам по себе не может рассматриваться как достаточная гарантия его активного выступления против врагов Русского государства. Союз с Менгли не мог быть (и не был) решающим фактором в борьбе с Ахматом.

Укреплению влияния Москвы на крымские дела способствовало прибытие в Москву на службу великому князю братьев Менгли — Нур-Даулета (Мердулат русских летописей) и Айдара, находившихся до того в Киеве. Крымские царевичи приехали осенью 1479 г. Принятие всех возможных претендентов на крымский престол было обусловлено договоренностью с Менгли.[158] Но уже весной 1480 г. Айдар был «изыман» и послан в заточение в Вологду.[159] Возможно, и эта акция была согласована с крымским ханом.

Таким образом, к весне 1480 г. оформились обе коалиции: союз Москвы с Крымом и союз Орды с Казимиром Литовским. Дипломатическая подготовка к большой войне была в основных чертах завершена. Общая военно-политическая обстановка складывалась в это время невыгодно для Русского государства. По своим материальным и политическим возможностям союзник Ахмата Казимир Литовский намного превосходил крымского хана, союзника Москвы. Еще более неблагоприятными факторами были война с Орденом и феодальный мятеж удельных князей. Поэтому следует признать, что момент решительного выступления против Русского государства был выбран Ахматом весьма удачно. Его нашествие летом 1480 г. действительно ставило Русскую землю в чрезвычайно тяжелое, опасное положение.

Рассказ Московской летописи о переговорах с мятежными князьями прерывается тревожной фразой: «И в то же время слышашеся о нахожении на Русь безбожного царя Ахмута Болшие Орды».[160] Это известие помещено после сообщения о втором посольстве к братьям в Ржеву, имевшем место, как мы знаем, в конце февраля—начале марта.

Правда, Московская летопись ничего не говорит о третьем посольстве (в конце апреля), а сам рассказ о втором посольстве создает впечатление, что летописец объединил в нем сведения о втором и третьем посольствах, приводимые в Типографской летописи.

После известия о слухах о готовящемся нашествии Ахмата летописец перечисляет события марта 1480 г.: убийство царевича Бердулата, выехавшего служить в Москву («марта 20 в среду на 5 неделе поста», на самом деле 15 марта, как верно указывает Симеоновская летопись:[161] 20 марта — понедельник 6-й недели поста), и рождение второго сына великого князя и Софьи Фоминишны (23 марта). Этим как будто косвенно подтверждается, что первые слухи о готовящемся походе Ахмата достигли Москвы именно в марте. Однако, как видно из посольского наказа князю Звенцу, еще в апреле московское правительство не имело точных данных о местонахождении и намерениях Ахмата.[162]

Известие о начале самого похода отнесено Московской и Симеоновской летописями к началу лета 1480 г. и помещено после сообщения о смерти коломенского епископа Никиты, последовавшей в мае. Само известие состоит из двух частей. В первой части в обобщенно-публицистической форме сообщается о самом нашествии: «Того же лѣта злоименитыи царь Ахмат Болшие Орды поиде на православное христианство, на Русь, святые церкви и на великого князя». Московская летопись добавляет к этому слова: «. . .по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса».[163] Дальнейшее содержание этой части известия сводится к четырем основным положениям. Во-первых, излагаются цели похода Ахмата: он «похвалялся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же и при Батыи бѣше».[164] В отличие от Симеоновской летописи Московская летопись снова подчеркивает роль мятежных князей: «. . .а слышав, что братия отступиша от великого князя».[165] Во-вторых, констатируется факт союза Ахмата с Казимиром: «А король с царем съединачилися, и послы королевы тогда у царя беша».[166] Это общее положение конкретизируется: «. . .и совет учиниша приити на великого князя царю от себе Полем, а королю от себе». В-третьих, говорится о составе сил Ахмата: «А с царем вся орда, и братаничь его царь Касым, да шесть сыновей царевых и бещисленные множество татар с ними». В-четвертых, оценивается характер действий Ахмата: «И поиде. . . тихо велми, ожидая короля с собою». Далее следует конкретизация: «. . .уже бо пошед, и послов его отпусти к нему, да и своего посла с ними».[167]

Московская и Симеоновская летописи, очевидно, приводят две редакции одного и того же известия, носящего официозный характер. Главное отличие редакции Московской летописи — настойчивое подчеркивание роли мятежа удельных князей в связи с походом Ахмата. Основное содержание известия — констатация серьезной угрозы, нависшей над Русской землей. Широковещательные цели похода Ахмата, подчеркиваемые летописным известием, не имеют аналогии в летописных сообщениях о предыдущих ордынских ратях.

За 100 лет, прошедших после Куликовской битвы, в летописях только один раз упоминается имя Батыя: по словам Софийско-Львовской летописи, Тимур Аксак в 1395 г. хотел, «аки второй Батый, разорити христианство».[168] В представлении автора летописного известия о походе Ахмата последний, таким образом, ставится на одну доску не только с Батыем, но и с Тимуром.

Вторая часть рассказа о начале нашествия раскрывает ответные меры московского правительства. «Слышав то», великий князь «нача отпускати к Оце на Брег своих воевод с силою». Князя Андрея Меньшого он «отпустил в его отчину в Тарусу противу же им». Далее рассказ приводит первую точную дату: «И потом сына своего великого князя Ивана Ивановича отпусти к Оце же на Брег в Серпухов месяца июня в 8 день». При этом подчеркивается большое количество сил, отправленных с молодым великим князем: «. . .многие воеводы и воинство бесчислено».

Таким образом, выдвижение русских войск на оборонительный рубеж Оки началось до 8 июня, в последних числах мая—первых числах июня. Именно к этому времени и относится реальное начало борьбы с нашествием Ахмата.

Типографская летопись после рассказа о неудаче третьего московского посольства к мятежным князьям сообщает: «В то бо время славяще царя нашествие иноплеменных». «То время» — конец мая, если известия летописи расположены (как обычно) в строго хронологическом порядке. Далее рассказывается в общей форме, что великий князь «отпусти воевод своих к Берегу противу татаром». В отличие от московско-симеоновского рассказа Типографская летопись сообщает конкретный факт, связанный с началом нашествия: «Татарове же пришедше плениша Беспуту и отидоша».[169]

Таким образом, первый удар был нанесен по одной из правобережных приокских русских волостей; судя по отходу татар, этот удар носил, видимо, разведывательный характер. По данным Типографской летописи, именно после этого началось выдвижение крупных сил на Оку. В отличие от московско-симеоновского рассказа во главе войск названы не только Иван Молодой и Андрей Меньшой, но и князь Василий Верейский.[170]

Софийско-Львовская летопись воспроизводит сначала текст Типографской летописи, а затем московско-симеоновский рассказ, так что известие о начале борьбы с Ахматом в ней содержится дважды.

Вологодско-Пермская летопись статью «О приходе безбожного

царя Ахмата на Угру» начинает с нравоучительной сентенции: «Наших ради грех казнит нас ово пожаром, ово гладом, ово мором и ратью».[171] Далее содержится оригинальное изложение предыстории похода. Основная ответственность за нашествие Ахмата возлагается на короля Казимира: именно ему «нача враг выкладати. . . как бы привести на Русскую землю царя Ахмата». Тот же король, узнав о мятеже братьев и «слышав гнев великий Ахматов царев на великого же князя», «порадовался тому».[172] Затем излагается содержание «речи» короля к Ахмату через посла Кирея Амуратовича. В этой «речи» король сообщил Ахмату о феодальном мятеже на Руси (удельные князья «из земли вышли со всеми семьями, ино земля ныне Московская пуста»), о том, что-де с ним, с королем, великий князь «ныне не мирен же», и обратился к Ахмату с призывом начать нашествие («время твое»), обещав свою помощь («А яз нынече за свою обиду с тобою же иду на него»). По словам летописца, Ахмат в ответ на это «совет чинит на осень на усть Угры с королем». Далее рассказывается о посылке к Берегу русских войск, причем Ивану Молодому велено «стояти усть Угры».[173]

Рассказ Вологодско-Пермской летописи в этой своей части производит впечатление сложной контаминации подлинных известий и позднейших домыслов летописца. Явно позднейшего происхождения сообщение об отправке Ивана Молодого с самого начала на устье Угры. Сведения об имевшейся якобы точной договоренности о встрече на Угре литовских и ордынских сил также вызывают сомнение: по существу своему такая договоренность возможна, но русским она в то время не могла быть известна.

Итак, события начала нашествия Ахмата можно реконструировать, опираясь на два основных относительно самостоятельных и не противоречащих друг другу источника — московско-симеоновский и типографский рассказы.

Следует отметить сравнительную бедность фактических сведений, содержащихся в обоих рассказах. Они носят в известной мере публицистический характер. Это не столько регистрация конкретных событий, сколько обобщенные декларации о намерениях Ахмата и о действиях русского руководства, совсем не похожие на точный, лаконичный, документальный стиль, принятый при изложении походов 1471 и 1477 гг.

Единственная точная дата, приводимая в Московской и Симеоновской летописях, свидетельствует о частичном использовании летописцем документального материала, однако в отличие от событий 1471 и 1477 гг. это использование было гораздо более ограниченным и носило не систематический, а эпизодический характер. Наличие этой даты в московско-симеоновском рассказе и отсутствие ее в типографском говорят о том, что в первом рассказе в большей мере, чем во втором, использовались документальные материалы. С другой стороны, сообщение Типографской летописи о нападении ордынцев на Беспуту (отсутствующее в московско-симеоновском рассказе) позволяет считать, что составитель типографского расска-

за имел достаточно хороший источник информации, возможно также официального характера.

Таким образом, к началу июня нашествие стало фактом, и все события последующих месяцев должны рассматриваться под углом зрения этого основного факта.

Нападение ордынцев на Беспуту (очевидно, авангардов или отдельных высланных вперед отрядов) заставило русское командование обратить внимание в первую очередь на западный участок оборонительной линии по Оке. Об этом свидетельствует выдвижение Андрея Меньшого к Тарусе, а главных сил, собранных к тому времени, — к Серпухову. Напомним, что и в 1472 г. Ахмат избрал для своего нападения западный участок — район Алексина.

В 1382 г. Тохтамыш также, по-видимому, перешел через Оку в районе Серпухова. По летописным данным, именно этот город был взят им в первую очередь.[174] Итак, удар ордынских войск через Оку на западном ее участке был вполне вероятной возможностью, отразившейся на первоначальном развертывании русских войск.

Однако, по рассказу Московской и Симеоновской летописей, главные силы Ахмата двигались весьма медленно и скрытно.[175] Выход передовых отрядов к Беспуте еще не определял направления главного удара,[176] русское командование, видимо, длительное время не имело сведений о подлинных намерениях Ахмата. Медленность движения Орды давала русским возможность накапливать новые силы и держать их в резерве до выяснения направления главного удара противника. «Потом же приближающуся ему к Дону, и князь великий Иван Васильевич, слышев то, поиде сам противу ему к Коломне, месяца июля в 23 в неделю. . .».[177]

23 июля — вторая точная дата нашего основного источника и второй след влияния на него документальных материалов. Как и в первом случае, это влияние отразилось на московско-симеоновском, а не типографском рассказе. По-видимому, именно к этому времени русские окончательно определили, что во главе ордынских войск стал сам Ахмат и что дело идет не об очередном набеге, а о военной акции стратегического масштаба.

Выдвижение главных сил Ахмата к Дону (очевидно, к его верховьям), о чем к этому времени стало известно русским, указывало на возможность нанесения удара по среднему (между Серпуховым и Коломной) или восточному (ниже Коломны) участкам оборонительной линии.[178] Этим, по-видимому, и определилось решение русского командования двинуть новые силы во главе с самим великим князем к Коломне — важнейшему стратегическому пункту на Оке, откуда войска могут быть легко направлены и во фланг противнику, переправляющемуся выше по реке, и на восточный участок оборонительной линии, в сторону Рязани.[179]

Избрание Коломны в качестве места расположения великокняжеского полка не представляется случайным. Это традиционное место сбора войск, обороняющих Берег. Стратегическое значение этого пункта, по-видимому, вполне осознавалось русскими. От Коломны к Москве ведет если не кратчайший, то, вероятно, наиболее

удобный путь вторжения вдоль течения Москвы-реки (1—2 конных или 4—5 пеших переходов). Именно к Коломне спешил в июне 1451 г. великий князь Василий Васильевич, стремясь преградить дорогу к Москве орде Сеид-Ахмета во главе с Мазовшей.[180] В дальнейшем Коломна (по-видимому, сильная крепость) постоянно находилась в центре внимания великого князя, неоднократно посещавшего ее.[181]

Выдвижение великокняжеского полка к Коломне в конце июля 1480 г. завершило развертывание основных сил русского войска по оборонительному рубежу Оки. Весь левый берег, от Коломны до Тарусы (около 200 км), оказался занятым русскими войсками. Если в 1472 г., во время Алексинского похода, Ахмат, по-видимому, рассчитывал на стратегическую внезапность (и в известной мере достиг ее), то в летней кампании 1480 г. он исходил из других предпосылок, ставя (по данным русских летописей) свои действия в зависимость от выступления Казимира, т. е. от общей военно-политической ситуации. Этим, надо думать, и объясняется крайне медленное, осторожное движение Орды к русским рубежам.[182] Наученный опытом неудачных боев на Оке в конце июля—начале августа 1472 г., Ахмат, видимо, не рассчитывал на возможность в одиночку, только своими силами, нанести поражение русским войскам. Однако это ни в коей мере не означает отказа от решительных действий в благоприятной обстановке — в соответствии с политическими целями кампании.

На решительность целей Ахмата, на размах его приготовлений и масштаб сил, двинутых им против Русского государства, указывают кроме общей сентенции летописца конкретные факты, приводимые в летописи. С Ахматом шли его племянник Касим и шесть царевичей, по-видимому, вся Большая Орда, все силы, находившиеся в распоряжении хана. Для сравнения можно указать, что осенью 1408 г. с Едигеем шли четыре царевича, а состав его войска исчислялся, по-видимому, несколькими десятками тысяч человек: только в погоню за великим князем Василием Дмитриевичем было выделено, по данным русской летописи, 30 тыс. отборной конницы.[183] Разумеется, эта цифра не является точной, но она дает общее представление о масштабе вторжения Едигея. Нет основания сомневаться, что хан Ахмат, распоряжавшийся всеми силами Орды, располагал значительно большим войском, чем удачливый воевода хана Булата.[184]

На огромный масштаб нашествия Ахмата косвенно указывает и сама длительность кампании. Длительность ордынских «ратей» измерялась, как правило, неделями, самое большое 1—2 месяцами. Рассчитывая на нанесение стремительного удара своей конницей, ханы и «царевичи» проводили скоротечные кампании. В случае успеха (Тохтамыш в 1382 г., Едигей в 1408 г., Улу-Мухаммед в 1439 г., Мазовша в 1451 г.) они форсировали Оку, выходили к Москве, рассыпались отрядами по Русской земле, предавая города и волости огню, мечу и разорению. В случае неудачи боев за переправы (как в 1459 г., когда впервые ордынцы были отбиты от Оки

русскими войсками во главе с будущим Иваном III, и в 1472 г. под Алексином) они быстро уходили в степи. На длительную кампанию у Орды не хватало сил и средств — во всяком случае такие кампании никогда не проводились прежними ханами и их военачальниками даже при наличии первоначального успеха. Тохтамыш простоял под Москвой всего несколько дней, а затем, взяв ее, быстро отступил за Оку,[185] Едигей стоял под Москвой три недели, Улу-Мухаммед — десять дней, Мазовша — два дня. Исходя из этого, русские могли рассчитывать, что кампания 1480 г. тоже не будет длительной. Однако ход событий этой кампании существенно отличал ее от всех предыдущих и имел особые, специфические черты.

Орда Ахмата не спешила вступить в сражение. Она, как туча, нависла над южным рубежом Русской земли, сковывая русские силы на огромном протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы,[186] выбирая время и место для нанесения решительного удара.

Впервые за всю историю русско-ордынских войн хан Ахмат проводил длительную кампанию, не надеясь на внезапность, а рассчитывая нанести удар наверняка и с решительным политическим результатом.

Этим основным фактором определялся общий характер военно-политической обстановки для Русской земли в летние месяцы 1480 г. Политический кризис, начавшийся зимой этого года, вступил к августу в свою новую, наиболее серьезную фазу. Феодальный мятеж продолжался, удельные князья по-прежнему стояли со своими полками у литовского рубежа. Орденская агрессия расширялась, приобретая все больший размах. Нападение со стороны Казимира являлось вполне реальной возможностью. Главное же — к этому времени выяснились в общих чертах масштаб и характер нашествия Ахмата, приковывавшего к себе основное внимание русского правительства и главные силы русских. Стало, по-видимому, ясным, что речь идет не об очередном походе Орды, а о нашествии такого масштаба и с такими целями, которые заставляли вспомнить времена Батыевой рати. Именно на южных рубежах Русского государства решалась летом—осенью 1480 г. судьба Русской земли и ее народа.

Во второй половине августа агрессия Ордена против Пскова достигла своей высшей стадии.[187] 18 агуста немцы подошли к Изборску. По словам Псковской III летописи, магистр подошел к городу со своими главными силами («с всею землею»). Город был подвергнут артиллерийскому обстрелу, противник готовился к штурму («примет к стенам приношаху с огнем»).[188] Однако главным объектом действий магистра Бернда фон дер Борха был отнюдь не Изборск. Поэтому, отказавшись от штурма этой крепости и оставив ее в тылу, он двинулся прямо к Пскову. 20 августа магистр подошел ко Пскову «и сташа по всему Завелицному полю шатрами».[189] Впервые за много десятков лет непосредственно под стенами Пскова появилось большое вражеское войско.[190] Псковичи подгото-

вились к обороне. По словам Псковской II летописи, они «Завеличье сами зажгоша и по Великой реке на Выбуте и в Устьях заставы поставиша». Как свидетельствует III летопись, силы, собранные со псковских пригородов, стали на Выбуте у брода; броды через р. Великую псковичи «затворивше», т. е. заняли своими войсками.[191] Таким образом, псковичи до какой-то степени обеспечили свои фланги (Устья — при впадении р. Великой в Псковское озеро, Выбут — в 12 км выше Пскова по той же реке), исключив возможность обхода города с тыла.[192]

Подойдя к Пскову, магистр не стал сразу штурмовать город, а ожидал подхода войск своего союзника и вассала — дерптского епископа Иоганна. По данным II летописи, эти войска подошли в судах (шнеках) на 4-й день (т. е. 23 августа),[193] а по сведениям III летописи, 13 шнек пришли уже на следующий день (т. е. 21 августа) и также стали станом на Завеличье.[194] Застава, поставленная псковичами в Устьях, не смогла предотвратить прорыв дерптской флотилии в р. Великую. Значение этой заставы, видимо, в том, что она воспрепятствовала высадке немцев на правом берегу Великой и окружению Пскова. Люди дерптского епископа на своих шнеках «привезли множество ратного запаса, и хлебов, и пива, и вологи»,[195] обеспечивая тем самым снабжение войска магистра.

После соединения всех своих сил магистр стал готовиться к штурму. Начался сильный артиллерийский обстрел города из тяжелых и легких орудий («начаша множеством пушек шибати и пищалий»). Немцы, по-видимому, рассчитывали разрушить городские укрепления. Многодневный артиллерийский обстрел, которому Псков подвергся впервые за свою историю, вызвал панику в неустойчивых слоях населения столицы феодальной республики. По словам II летописи, «мнози безумнии от гражан побегоша из града за рубеж», «мняхуть бо тогда уже граду взяту быти». В числе этих «безумных» летописец называет посадника Филиппа Пукышова, убежавшего вместе с женой и пойманного уже «вне града». Бегство посадника симптоматично. Как и в 1241 г., отдельные представители псковского боярства проявляли малодушие и готовность в трудную минуту предать интересы своего города. По словам II летописи, позорное малодушие проявил и наместник князь В. В. Шуйский. Он «повеле своимь и кони седлати, и хоте бежати, и посадники с псковичами едва добиша ему чолом». Однако, по-видимому, в городе в целом сохранялся порядок и основная масса псковичей мужественно и стойко готовилась к отражению штурма.

Пользуясь благоприятным ветром «от Завеличья на град», немцы попытались применить брандеры. Собрав «по Завеличью оставшаяся древеса и жердье и солому», они сложили горючий материал в два учана, полили смолой, зажгли и пустили по ветру на псковскую сторону. Под прикрытием артиллерийского огня и пылающих брандеров началось форсирование р. Великой. Нагрузив в каждую шнеку по сотне и более воинов, немцы переплыли реку ниже крепости, в Запсковье, на участке между церквами святого Лазаря и Спаса в Логу (Надолбине), и попытались выйти на берег.

Однако псковичи не допустили этого. Бросая с крепостных стен камни, они секирами и мечами отбили немцев, захватили одну шнеку и заставили остальные повернуть обратно. Штурм был отбит.

По словам II летописи, немцы «начаша скоро скручатися, и дождавше нощи побегоша. . . а шнеки своя пометавше». Все три псковские летописи сообщают, что магистр стоял под городом пять дней. Штурм, таким образом, состоялся 24 или 25 августа, и в ночь после него магистр отошел от города.

Неудача штурма Пскова фон дер Борхом определяется в конечном счете двумя обстоятельствами. Собрав крупные силы с достаточными припасами и артиллерией, магистр (в отличие от русских под Новгородом в 1477 г.) не располагал специальными средствами для постройки моста или переправы через широкую и многоводную реку. В этих условиях он мог взять город только в том случае, если бы артиллерийский обстрел вызвал в крепостной стене большие разрушения и подавил волю к сопротивлению у обороняющихся. Однако этого не случилось. Псковичи сумели организовать оборону, пресечь панику и проявили большую моральную стойкость. Попытка форсировать Великую в шнеках была явной авантюрой, рассчитанной на то, чтобы захватить русских врасплох. Успешное отражение русскими немецкого штурма и понесенные при этом потери должны были убедить магистра в бесперспективности дальнейших попыток овладеть сильной русской крепостью, организовавшей искусную и стойкую оборону.

Несмотря на поражение, понесенное магистром под стенами Пскова, положение города и его земли продолжало оставаться критическим. Основное преимущество Ордена — сильное полевое войско (подобного которому в Пскове не было) — давало магистру возможность сохранять инициативу в своих руках и фактически беспрепятственно и безнаказанно опустошать псковские волости, нападать на маленькие города и разрушать их (как показала весенняя кампания). Агрессия Ордена продолжалась, и у Пскова не было эффективных средств для успешной борьбы с нею.

Именно этим объясняются неоднократные обращения псковичей за помощью к великому князю и его наместникам в Новгород («мнози гонци слаша к великому князю и к Новугороду»).[196] Но, разумеется, в августе—сентябре 1480 г. великий князь не мог оказать Пскову, «своей отчине», никакой реальной помощи. Он стоял со своими войсками в Коломне, ожидая со дня на день решительного сражения с ордой Ахмата. В Новгороде тоже, по-видимому, не было крупных сил — все боеспособные русские войска были стянуты, надо думать, к южному рубежу. Не приходится удивляться, что Пскову «не бе помощи ни от кого же», как горестно замечает псковский летописец.[197]

В этих условиях руководители Псковской республики сочли возможным обратиться за помощью к братьям великого князя, стоявшим со своими войсками в Великих Луках, в 4—5 конных переходах от Пскова (около 220 км).

По сообщению Псковской II летописи, князья прибыли в Псков 3 сентября «по челобитью псковскому». Псковичи обратились к ним с просьбой, «абы мстили поганым немцам крови христианские». Речь шла, очевидно, о карательном походе в Ливонию как средстве заставить магистра прекратить свои нападения на Псковскую землю. Князья поставили условия: «Егда убо зде изволите быти женам нашим, тогда ради есмо вас боронити». Таким образом, мятежные князья фактически потребовали политического убежища в Пскове для своих семей. Реально это означало ни больше ни меньше как превращение Пскова в политическую базу феодального мятежа, подобно тому как это случилось с Новгородом, принявшим зимой 1450 г. беглого Шемяку, разбитого под Галичем и жившего после этого в Новгороде более трех лет. Псковичи оказались в тяжелом положении. С одной стороны, они несомненно нуждались в эффективной помощи княжеской конницы, а с другой — отдавали себе отчет в том, что «врага царского аще кто хранит, супостат ему есть» и что по отношению к великому князю Андрей и Борис «аще и братия ему, но супостаты ему беша». Понятно поэтому, что в течение нескольких дней псковичи, по словам летописи, «беху. . . в мнози сетовании и в тузе, не домышляющеся о семь что створити». Однако, «много думавше», они все же отказались от условий, предложенных князьями: «. . .не хощем двема работати, но хощем единого осподаря держатися, великого князя». Десятидневные переговоры с князьями закончились разрывом: 13 сентября князья «разгневавшеся поехаша из града. . . а помощи Пскову не учиниша ничто же». Князья, однако, не только отказали в помощи русскому городу против ливонцев. «Всташа на Мелетове»,[198] они распустили по всем волостям своих людей, которых, по мнению летописца, насчитывалось до 10 тыс.[199] Цифра, вероятно, преувеличенная, хотя несколько тысяч вооруженных людей у князей быть могло. Княжеские люди повели себя «аки невернии». Они грабили церкви, бесчинствовали над населением, захватывали пленных, «а от скота не оставиша ни куряти». Псковская земля подверглась настоящему разорению в стиле феодальной анархии, той самой «старины», под знаменем которой князья подняли свой мятеж. Только получив выкуп (псковичи «даша 200 рублев, а околицы 5 рублев»), они покинули псковские пределы и «отъидоша в Новгородскую с многим вредом».[200] Разорение Псковской земли — последний акт феодального мятежа князей Андрея и Бориса.

„Совет и дума" в Москве

В августе—сентябре 1480 г. основное внимание русского правительства было по-прежнему приковано к южному стратегическому направлению. Своевременное развертывание главных сил русских войск на оборонительном рубеже Оки было важнейшим стратегическим фактором, оказавшим решающее влияние на всю последующую обстановку. «Слышав же царь Ахмат, что на тех местах на всех, где

прити ему, стоят противу ему с великими князи многие люди, и царь поиде в Литовскую землю, хотя обойти же Угру».[201] Ахмат был вынужден отказаться от попыток форсирования Оки на центральном участке, что в 2—3 перехода вывело бы его к Москве (от Коломны до Москвы — около 100 км, от Серпухова — около 80 км), и предпринять обходное движение. На характер маневра Ахмата, стремившегося скрытно обойти русские войска, указывает и Вологодско-Пермская летопись: «. . .царь же поиде скрытно незнаемыми пути на Литовскую землю, хотя искрасти берег».[202] Это вызвало соответствующую рокировку русских войск. «И князь великий. . . повеле тако ити сыну своему и брату своему князю Андрею Васильевичю Меньшому в Калузе и Угре на берег».[203] Обходное движение Ахмата было, таким образом, своевременно обнаружено русским командованием. В конце сентября борьба с нашествием вступает в новую фазу.

Движение Ахмата к Угре, в обход главной оборонительной линии русских, таило в себе большую опасность. Во-первых, Угра как естественная преграда значительно уступает Оке. Река сравнительно неширокая, изобилует узкими местами и бродами.[204] Защита ее на широком фронте — задача значительно более сложная, чем оборона широкой, полноводной Оки. Во-вторых, выходя к Угре, Ахмат оставался в опасной близости от русской столицы (150—180 км), т. е. не более чем в 3—4 конных переходах, и сохранял возможность стремительного удара на нее, притом с неожиданного, необычного направления. В-третьих, его вступление в Литовскую землю (точнее — на территорию русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя литовского) усиливало вероятность соединения с войсками Казимира и угрозу эвентуального выступления последнего: оно могло побудить короля принять активное участие в войне.[205] Само движение Ахмата в литовские пределы может рассматриваться как средство политического давления на своего осторожного союзника. Во всяком случае опасность, нависшая над Русской землей, в конце сентября становится наиболее реальной.[206]

Это заставляет московское правительство принять чрезвычайные меры по отражению нашествия. Одной из этих мер является созыв правительственного совещания в Москве с участием высших руководителей государства. По данным Московской летописи, после более чем двухмесячного пребывания с войсками в Коломне 30 сентября «прииде князь великий. . . на Москву на совет и думу». В «совете и думе» приняли участие, по словам летописи, митрополит Геронтий, мать великого князя, дядя его князь Михаил Андреевич Верейский, а также все бояре, «все бо тогда бяше в осаде на Москве».[207] Типографская летопись называет в числе участников совещания также архиепископа Вассиана.[208] Московская и Типографская летописи подчеркивают, что участники совещания «молиша его (великого князя. — *Ю. А.*) великим молением, чтобы крепко стоял за православное хрестьянство, против бесерменству».[209]

Необходимо подчеркнуть, что эта формулировка, чрезвычайно расплывчатая и неопределенная, весьма близка к соответствующему тексту «Послания на Угру» («доброго ради совета и думы, еже како крѣпко стояти за православное крестьянство... противу безбожному бесерменству»)[210] и, вероятно, заимствована летописцем из «Послания». Так или иначе, проблема борьбы с нашествием Ахмата была несомненно главным вопросом, обсуждавшимся на «совете и думе». Типографская летопись и далее следует за «Посланием»; по ее словам, «князь же великий послуша моления их».[211] (В «Послании» — «повинувшуся их молению и доброй думе и обещавшюся крепко стояти»). Если подходить к этому тексту буквально, то может создаться впечатление, что инициатива «крепкого стояния» против Ахмата исходила от «совета и думы» митрополита, членов княжеского дома и бояр и что глава государства только «повиновался» и «обещал» им. Этот мотив проходит красной нитью через все «Послание» и зависящие от него тексты. Едва ли, однако, нужно подчеркивать, что подобная трактовка совещания в Москве столь же мало реалистична, сколь и тенденциозна. Действия русского правительства в летние и осенние месяцы 1480 г., насколько они нам известны, не дают повода подозревать его в нерешительности и неэффективности. Тем не менее в сообщении «Послания» (и следующих за ним Типографской и отчасти Московской летописей) содержится, по-видимому, реальное, рациональное зерно: «совет и дума» в Москве более или менее единодушно выступили в поддержку политической линии на борьбу с Ахматом (линии, уже фактически проводившейся, как мы видели, на протяжении ряда месяцев). Более того, эта линия была торжественно санкционирована церковью. По словам «Послания», «митрополиту убо со всем боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословившю». Этому соответствуют и более краткие известия летописей, сообщающих о молебнах в Москве и о благословении митрополита.

Однако совещание в Москве не ограничивалось только декларациями общего принципиального характера. Одной из конкретных проблем, обсуждавшихся на «совете и думе», был вопрос о политике по отношению к мятежным князьям.

Разрыв отношений с Псковом и бесчинства на Псковской земле означают полное моральное и политическое банкротство феодальных мятежников. К середине сентября их политическая изоляция на Русской земле достигла такой степени, что они не могли больше питать каких-либо надежд на ее преодоление. Это заставило их попытаться возобновить переговоры с московским правительством. По данным Московской летописи, во время пребывания великого князя в Москве «приидоша на Москву послы... княж Андреевы и княж Борисовы о миру». Таким образом, инициатива в новых переговорах исходит именно от князей. Летописец отмечает, что за князей «печаловались» митрополит и великая княгиня Мария Ярославна и что именно по их «печалованию» великий князь «жаловал братью свою», «велел поити к себе вборзе».[212]

По словам Типографской летописи, великая княгиня «с митрополитом Геронтием и архиепископ Вассиан и троицкий игумен Паисий молиша великого князя о братии его». В ответ на это великий князь «повеле матери своей великой княгине послати по них, рекше их жаловати», что и было исполнено великой княгиней.[213] Расходясь в деталях, обе летописи отмечают основной факт — согласие великого князя «пожаловать» мятежных братьев по настойчивым просьбам матери и высших представителей церкви.

Софийско-Львовская летопись в своей оригинальной части, напротив, подчеркивает гордый и независимый тон, якобы принятый мятежниками при возобновлении переговоров («уже ли исправишься к нам, а силы над нами не почнешь чинити и держати нас, как братью свою, и мы ти приидем на помощь»), и капитуляцию великого князя перед их ультиматумом («князь же великий во всю волю их дался»).[214] Тенденциозность Софийско-Львовской летописи заставляет отнестись к этому известию с должным скептицизмом. Действительно, в конце сентября, накануне решающих боев с Ахматом, русское правительство не могло не быть заинтересовано в усилении своих войск на оборонительном рубеже и в не меньшей степени в прекращении феодального мятежа, ослаблявшего тыл Русского государства. Именно поэтому, надо полагать, великий князь дал согласие «пожаловать» братьев. Однако положение мятежников было таково, что едва ли они могли предъявлять ультиматумы. Мятеж явно не удался, и князья могли рассчитывать только на некоторые уступки, на которые московское правительство захотело бы пойти в интересах скорейшего прекращения конфликта.

Так или иначе, решение о мире с братьями — важное событие, происшедшее в дни совещания в Москве. Прекращение феодального мятежа способствовало укреплению военно-политического положения Русского государства, усиливало его позиции в борьбе с ордынским нашествием и возможным нападением Литвы.

Третье важное решение, принятое, по-видимому, в эти дни в Москве, — приведение столицы в осадное положение. По словам Московской летописи, «в осаде в граде Москве сел митрополит Геронтий, да великая княгиня инока Марфа, да князь Михаил Андреевич, да наместник московский князь Иван Юрьевич, и многое множество народа от многих градов».[215] Из этого сообщения, носящего независимый от «Послания на Угру» официальный характер, вытекает, что ряд городов был уже эвакуирован, их население стекалось в Москву, под защиту ее крепостных стен.

События, связанные с приведением Москвы и других городов в осадное положение, наиболее подробно отразились в Вологодско-Пермской и Софийско-Львовской летописях (в оригинальной части последней). Вологодско-Пермская летопись сообщает, что «великий князь осадив грады свои воеводами крепкими».[216] Софийско-львовский рассказ упоминает о таких распоряжениях великого князя, как сожжение Каширы — городка на правом берегу Оки (которому угрожала участь Алексина), эвакуация Дмитрова (население которого великий князь велел «в осаду в Переяславль. . . перевести

Полуехту Бутурлину да Ивану Кике») и перевод из Москвы в Дмитров «строев».[217] Оборонительные меры на случай возможного вторжения противника проводились, таким образом, на широком фронте и на большую глубину, охватывая и тыловые районы страны на вероятных путях вторжения. Эти меры, к которым автор рассказа Софийско-Львовской летописи относится явно отрицательно, видя в них проявление «трусости» («городок Каширу сам велел зжечи, побежа на Москву»), заслуживают серьезного внимания. Московское правительство готовило страну к упорной обороне, не исключая возможности глубокого вторжения противника. Оно исходило, очевидно, из опыта предшествующих войн с Ордой. Так, в августе 1382 г. орда Тохтамыша взяла Владимир, «а люди изсекоша, а иные в полон поведоша». Та же орда разорила Звенигород, Можайск и Юрьев, взяла и сожгла Переяславль (горожане «бегоша на озеро и тамо избыша от нахождения») и «иные мнози грады, и власти, и села».[218] Аналогичное положение сложилось зимой 1408 г. при нашествии Едигея. Его войска «разсыпашася по всей земле, аки злии волци, по всем градам, и по странам, и по волостям, и селам, и не остася такого место, иде же не были татарове». Они взяли и сожгли Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец.[219] В июле 1439 г. Улу-Мухаммед, отступая от Москвы, разорил и выжег землю «доссталь Коломны».[220] Оборонительные меры в тылу, проводимые по распоряжению великого князя, были далеко не лишними. Они свидетельствовали о намерении оказать решительное сопротивление с реальным учетом тактики противника.

В случае прорыва через оборонительную линию русских войск ордынцы даже при конечном своем поражении могли, используя маневренность своей конницы, разорить обширные районы в глубоком тылу, сжечь города и принести неисчислимые бедствия населению. Вот почему еще в 1467 г., во время первой войны с Казанью, великий князь прежде всего привел в оборонительное состояние Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич; им велено было «сидети в осаде, стеречись от Казани».[221] И в 1480 г., в гораздо более опасной обстановке, московское правительство проявляло должную предусмотрительность, обеспечивая по мере возможности безопасность жителей и лишая противника одного из его главных козырей.

В этой же связи, очевидно, необходимо рассматривать и приведение в оборонительное состояние самой столицы, находившейся в непосредственной близости от линии фронта. Даже с учетом осенней распутицы ордынская конница с берегов Угры могла достичь Москвы за 6—7 переходов. Организация обороны Москвы имела важнейшее стратегическое и политическое значение. В случае прорыва ордынцев за Угру и выступления Казимира удержание русскими в своих руках Московской крепости могло бы стать фактором, определяющим судьбу всей войны. Именно опираясь на эту крепость, русские войска имели шанс в конечном счете нанести поражение противнику даже при его первоначальных успехах. Од-

нако приведение в оборонительное состояние огромного города, в который стекались и жители обширной округи, было достаточно трудным делом, сопряженным с большими материальными жертвами. Главная из них — необходимость сожжения посада, т. е. ликвидации дворов, жилищ и хозяйственных построек основной массы населения столицы. Эта мера непосредственно затрагивала жизненные интересы многих тысяч посадских людей — большой социальной силы, с которой правительство не могло не считаться. Тем самым вопрос о приведении Москвы в осадное положение приобретал не только военный, но и социально-политический аспект. Другой стороной того же вопроса является частичная эвакуация столицы — вывоз из нее казны и семьи великого князя. Правительство собиралось, по-видимому, эвакуировать из Москвы обеих великих княгинь (Марию Ярославну и Софью Фоминишну) и малолетних детей великого князя. Об этом свидетельствуют известия Софийско-Львовской и Вологодско-Пермской летописей.

Первая из них сообщает об отправке из Москвы на Белоозеро великой княгини Софьи и казны в сопровождении бояр В. Б. Тучка и А. М. Плещеева и дьяка Василия Долматова.[222] Вторая называет конкретный маршрут эвакуации.[223] Обе летописи посвящают особое известие великой княгине Марфе. По словам софийско-львовского рассказа, она «не захоте бежати, но изволи в осаде седети».[224] Это краткое известие расшифровывается в Вологодско-Пермской летописи: «. . .митрополит Геронтей, да архиепископ Васьян Ростовский, да владыка Прохор Подрѣльский начаша бити челом великой княгине Марфе, чтобы ся возратила к Москвѣ во град, чтоб не оставила православного христьянства. Княгини же великая Марфа послушав молениа их, и не презри слез их, и возратися во град. . . Во граде же бысть немала радость о возращении великиа княгини».[225]

Сообщение Вологодско-Пермской летописи заслуживает внимания. Высшие церковные иерархи придавали пребыванию Марфы в Москве большое морально-политическое значение, видя в этом ее патриотический и нравственный долг. Особенно интересна «немала радость» горожан по поводу возвращения старой великой княгини. Напрашивается мысль, что челобитье иерархов, их «моления и слезы» были в немалой степени вызваны позицией горожан, требовавших возвращения Марфы.

По-видимому, эвакуация великих княгинь из Москвы приковывала к себе пристальное внимание москвичей, вызывая с их стороны неудовольствие и протесты. Сообщение Вологодско-Пермской летописи приоткрывает занавес над настроениями московской «черни», готовящейся к осаде и опасающейся появления вражеских полчищ под стенами столицы. В пребывании в осажденном городе высших правительственных лиц, в том числе престарелой матери великого князя, горожане могли видеть реальный залог упорной, бескомпромиссной обороны Москвы.[226] Посадские люди столицы относились к вопросам обороны своего города отнюдь не пассивно, с полным основанием видя в этом свое кровное дело.

Наиболее подробный рассказ о настроениях посадских людей приводит оригинальная часть Софийско-Львовской летописи. Этот рассказ приурочен к приезду великого князя из Коломны: «. . .граждане ношахуся в город в осаду, узрѣша князя великого и стужиша, начаша князю великому обестужився глаголати и извѣты класти, ркуще: „Егда ты, государь князь великий, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлѣпице продаешь. А нынеча сам разгнѣвив царя, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром"».[227] По словам летописца, вследствие ропота горожан «князь великий не обитав в граде на своем дворе, бояся гражан мысли злые поимания; того ради обита в Красном Сельце».

Общей чертой независимых друг от друга известий Софийско-Львовской и Вологодско-Пермской летописей является отражение недовольства и тревоги горожан ввиду угрозы столице со стороны войск Ахмата. Это недовольство и тревога вполне понятны — именно рядовые горожане Москвы («чернь», как их именует Вологодско-Пермская летопись) больше всего подвергаются опасности в случае осады Москвы татарами. Уже само сожжение посада и необходимость переселиться со всем скарбом в тесноту Кремля является для горожан большим бедствием.[228] Ропот горожан — весьма правдоподобное явление, в разной степени уловленное в обоих рассматриваемых рассказах. Если в рассказе Вологодско-Пермской летописи недовольство горожан только смутно угадывается, читается между строк, то софийско-львовский рассказчик говорит о нем подробно и достаточно красочно.

Таким образом, мы имеем возможность прийти к выводу, что ропот московских горожан, по всей вероятности, действительно имел место. В пользу этого вывода говорят, во-первых, относительно независимые друг от друга показания двух источников, во-вторых, правдоподобность самого факта, вытекающая из бесспорно известной ситуации.

Сделанный нами вывод заставляет пойти дальше и поставить вопросы: какой характер имел «ропот горожан»? Как он отразился на ходе последующих событий?

Ответ на первый вопрос чрезвычайно затруднен спецификой дошедшего единственного свидетельства. Речи горожан, приводимые летописцем, не являются, разумеется, дословной протокольной записью и не должны пониматься буквально, а отражают в значительной (если не в большей) степени настроения и оценки самого рассказчика.[229] Для этих настроений характерны прежде всего два момента — отрицательное отношение к великому князю и его действиям и подчеркивание активной роли архиепископа Вассиана. Не вызывает сомнения и идейная зависимость текста рассказа от текста «Послания на Угру»: автор «Послания» подозревает великого князя в готовности «отступити и предати на расхищение волком словесное стадо», «нас выдаешь царю и татарам», — говорят горожане.[230] Трудно представить себе, что московские тяглые люди упрекали великого князя в прекращении выплаты «выхода» в Орду.

Но независимо от того, насколько правдоподобны слова горожан, приводимые рассказчиком, можно не сомневаться, что их поведение отражало тревогу не только за свою собственную жизнь и имущество, но и за судьбу столицы и всей Русской земли. Масса рядовых горожан, остающихся в Москве, глухо роптала против поведения представителей господствующего класса, покидавших столицу.

Активная роль горожан Москвы в защите столицы Руси неоднократно проявлялась в XIV—XV вв. В 1382 г. при нашествии Тохтамыша именно горожане взяли на себя организацию обороны Кремля и пресекли бегство «мятежников и крамолников, иже хотяху изыти из града».[231] В июле 1445 г., когда после трагической Суздальской битвы создалась реальная угроза появления перед стенами столицы войска казанских царевичей и в состоятельных верхах московского населения началась паника («могущеи бо бежати, оставши град бежати хотяху»), решительное и организованное выступление «черни» навело в городе порядок («чернь же совокупившеся начаша врата граднаа преже дѣлати, а хотящих из града бежати начаша имати и бити и ковати, и тако уставися волнение, но вси общи начаша град крепити, а себѣ пристрой домовной готовити»).[232] В обоих этих случаях действия рядовых горожан сыграли решающую роль в организации обороны столицы.

Как же обстояло дело в 1480 г.? Конкретные требования горожан великому князю остаются неясными в деталях, но не вызывает сомнения их основной смысл: «чернь» требует организации решительной обороны против Ахмата, требует не выдавать столицу ордынцам. В этой настроенности основной массы московских горожан нельзя не видеть несомненных черт сходства с поведением их отцов в 1445 г. и прадедов в 1382 г. Как и тогда, московский посадский люд был готов грудью стать на защиту своего города. Наряду с этим, однако, можно отметить по нашим источникам и определенные различия, составляющие специфику поведения посада в 1480 г. и отражающие черты новой исторической эпохи.

Основное отличие ситуации 1480 г. в том, что мы ничего не слышим о каких-либо самостоятельных действиях посада, направленных на организацию обороны города. С этим связано и отсутствие известий об открытых выступлениях посадского населения против каких-либо отдельных лиц или социальных групп, готовящихся бежать из города. Надо думать, что эта особенность положения в 1480 г. была вызвана отнюдь не большей пассивностью или меньшей патриотичностью горожан, чем в 1382 или 1445 гг., и, конечно, не меньшей степенью социальной зрелости посада. Основная причина относительно меньшей социальной активности горожан в 1480 г. кроется в конкретных особенностях обстановки, сложившейся в Москве к концу сентября—началу октября 1480 г. Если в 1382 и 1445 гг. выступления горожан происходили в условиях фактического отсутствия в Москве государственной власти, способной взять на себя организацию обороны столицы, то в 1480 г. мы встречаемся с принципиально иным положением: подготовка Моск-

вы к обороне осуществляется по инициативе и под руководством государственной власти как составная часть общих мер по отражению нашествия Ахмата.

Это не могло не наложить своего отпечатка на поведение посадских людей: им не пришлось брать на себя функции организации обороны, и их социальная активность сохранила свой, так сказать, латентный характер, выразившись в предъявлении определенных требований великокняжеской власти. Общее усиление феодального государственного аппарата и его эффективности в период образования централизованного государства меняло форму и характер выступлений посадских людей, их участия в обороне столицы.

Какое же реальное значение имела в этих условиях позиция московских горожан? Несмотря на ноты социального протеста, в ропоте московских горожан одинаково трудно увидеть как назревающее антифеодальное восстание,[233] так и выдвижение конкретной военно-политической программы борьбы с Ахматом, принципиально отличающейся от правительственной.[234] Нет оснований преувеличивать уровень социально-политического развития русского города второй половины XV в., даже такого, как Москва. Тем не менее позиция, занятая горожанами столицы в важнейшем политическом вопросе, имеет существенное значение. Русский город XV в., и прежде всего Москва, — одна из важных социальных опор политики создания единого централизованного государства. Горожане как социальная группа кровно заинтересованы как в прекращении феодальной анархии, так и в защите от вражеских нашествий. В этой связи глухой ропот московских горожан в критические дни борьбы с Ахматом не может не привлечь внимания исследователя. Выступления московских горожан объективно укрепляют принятую правительством общую политическую линию на решительную бескомпромиссную борьбу с нашествием.[235] Готовность массы горожан упорно оборонять свою столицу — один из существенных факторов, обеспечивших твердость политической линии в неменьшей степени, чем «моления» «совета и думы», подчеркиваемые в «Послании на Угру».[236]

Итак, приведение столицы в оборонительное состояние — один из важных вопросов, решенных во время пребывания великого князя в Москве в конце сентября—начале октября 1480 г. Это одно из существенных звеньев в цепи военно-политических мер, проводившихся правительством в тревожные дни движения Ахмата к Угре. К их числу относится и дополнительная мобилизация, проведенная, по-видимому, в эти же дни. По данным Московской летописи, выступив из Москвы 3 октября, великий князь «ста на Кременце с малыми людьми, а людей всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану».[237]

Если следовать тексту летописи, то «люди все» — это и есть те, кто был дополнительно мобилизован во время пребывания великого князя в Москве. Наиболее вероятно, что это дополнительные контингенты Московского полка (из других районов страны трудно было бы привести войска в короткое время), т. е. ратники, набран-

ные в первую очередь из тех же жителей московского посада. Они и были двинуты к Угре для непосредственной обороны переправ через реку.

3 октября — дата выступления великого князя из Москвы, четвертая точная дата, приводимая Московской летописью. Как и предыдущие даты (8 июня, 23 июля, 30 сентября), она, по всей вероятности, имеет документальное происхождение. Типографская летопись, приводя то же известие, точной даты не называет.[238]

В прямом противоречии с данными Московской летописи о пребывании великого князя в Москве стоит софийско-львовской рассказ. По его словам, великий князь находился в Красном Сельце две недели, «а владыка глаголаше ему возвратится опять к берегу, и едва умолен бысть».[239] Следовательно, «умоленный» архиепископом великий князь выехал из Москвы не ранее 14 октября.[240] Итак, Московская и Софийско-Львовская летописи дают две основные версии об отъезде великого князя из Москвы. Какой же из них следует отдать предпочтение?

Владимирский летописец (источник, относительно независимый от названных летописей) не сообщает точной даты выступления из Москвы, но свидетельствует, что «прииде на Угру князь великий» 11 октября,[241] чем косвенно подтверждает официальную версию Московской летописи о кратковременном пребывании великого князя в Москве.

Другим независимым источником, подтверждающим раннюю дату выступления великого князя из Москвы, является «Послание на Угру» архиепископа Вассиана. Это «Послание» написано после получения в Москве первых известий об отражении попыток Ахмата форсировать Угру (8—11 октября) и после того, как до архиепископа дошли сведения о переговорах великого князя с Ахматом. Следовательно, к моменту написания «Послания» великий князь уже несколько дней находился в районе боевых действий (успел провести переговоры с Ахматом), а известие о боях 8—11 октября было получено в Москве после, а не до его отъезда.[242]

Чем же можно объяснить версию Софийско-Львовской летописи о длительном, двухнедельном пребывании великого князя в Красном Сельце? Для ответа на этот вопрос нужен анализ соответствующего контекста.

Рассматриваемая часть самостоятельного рассказа Софийско-Львовской летописи, как мы уже отмечали, характеризуется вполне определенной тенденцией. В изображении рассказчика глава Русского государства — ограниченный и трусливый человек, легко поддающийся чужому влиянию. Главный герой событий — архиепископ Вассиан: это он разоблачает трусость великого князя и даже предлагает самого себя поставить во главе войск.

При таком отношении рассказчика к действительности далеко не беспочвенным является предположение, что известие о длительном пребывании великого князя в Москве (Красном Сельце), противоречащее всем другим источникам, включено им для еще большего подчеркивания своей излюбленной идеи. Во всяком случае в свете

всего вышеизложенного достоверность этого известия вызывает большие сомнения. По-видимому, в конечном итоге следует предпочесть официальную московско-владимирскую версию о выступлении великого князя со своими войсками из Москвы 3 октября, т. е. о кратковременном пребывании его в Москве.[243]

Победа на Угре

Как же развивались события после 3 октября, когда, по словам Московской летописи, «князь великий поиде с Москвы к Угре противу царя»? Та же летопись указывает, что он, «пришед, ста на Кременце с малыми людьми».[244] Кременец стоит на р. Луже, в 110 км от Москвы и в 40—50 км от Угры. Сама р. Лужа, впадающая в р. Протву справа ниже Кременца, образует вместе с ней естественный оборонительный рубеж на юго-западном направлении от Москвы, являясь по отношению к Угре второй оборонительной линией. Занятие этой позиции в тылу войск, развернутых на Угре, обеспечивает надежную связь с ними[245] и прикрывает путь на Москву в случае прорыва ордынских отрядов через реку. Кременецкая позиция занимает фланговое положение к дороге Вязьма—Москва, возможному пути вторжения литовцев, и, находясь в 2—3 переходах от нее, позволяет быстро выдвинуться на эту дорогу.[246]

Главные силы, приведенные из Москвы, были отправлены на Угру для непосредственной обороны переправ («людей всех отпусти на Угру»). Во главе войск, развернутых на Угре, стояли Иван Молодой и Андрей Меньшой.

Московская летопись сообщает, что Ахмат шел «со всеми своими силами мимо Мценск и Любутеск и Одоев», т. е. по правому берегу Оки к Воротынску — городку близ впадения Угры в Оку недалеко от Калуги. «Пришед», он «ста у Воротынска, ждучи к себе королевы помощи». Однако «король сам не иде, ни силы своея не посла, понеже бо быша ему свои усобицы». К этому известию, общему в Симеоновской и Московской летописях, последняя добавляет: «. . .тогда бо воева Мингли-Гирей, царь Крымский, королеву землю Подольскую, служа великому князю».[247]

Набег крымских отрядов на Подолию имел, видимо, незначительные масштабы. Казимир в течение ряда месяцев (с декабря 1479 г.) активно готовился к войне.[248] На его решение не вступать в открытую борьбу с Русским государством осенью 1480 г. гораздо сильнее, чем набег крымцев, повлияли, вероятно, соображения общего политического характера. Польские хронисты Длугош и Стрыйковский указывают, что Казимир, несмотря на совет литовцев, не пошел на встречу с Ахматом, опасаясь могущества «московского князя».[249] Набег крымцев не мог иметь серьезного значения уже потому, что именно в это время (в октябре 1480 г.) начался новый тур переговоров Менгли с Казимиром. По данным Литовской метрики, 15 октября в Вильно отправился крымский посол Байраш с полномочиями для заключения союза.[250] Таким

образом, в критические недели борьбы на Угре крымский хан был далек от намерения оказать реальную помощь Русскому государству против польско-литовского короля. Войско, отправленное для набега на Подолию, было встречено у Перекопа королевским послом. Крымский князь Аминяк продолжал уже начатый поход, в чем потом приносил письменное извинение Казимиру.[251]

Одним из существенных факторов, повлиявших на позицию Казимира, было, видимо, движение за воссоединение с Русским государством, охватившее русские земли в составе Литовского великого княжества (так называемый «заговор князей»).[252] И. Б. Греков, подчеркивая широкий размах и существенное значение оппозиции Казимиру среди русского населения Литвы, приходит к выводу, что в 1480 г. Казимира остановили «не мелкие усобицы фамильно-династического характера, а перспективы повторения в Поднепровье новгородских событий 1471 г.». И. Б. Греков не без основания считает, что в подготовке движения за воссоединение с Русским государством «большую роль сыграла политическая и дипломатическая деятельность московского государя».[253]

Не дождавшись подхода короля, Ахмат решает форсировать Угру своими силами.[254] Русское командование, очевидно, разгадав замысел обходного движения Ахмата, упредило его. Когда он вышел к Угре, левый берег реки оказался уже занятым крупными силами русских войск («иде же стоит князь великий и братия его, и все князи и воеводы, и многое множество»).

Бои с ордынцами за переправы летопись изображает в виде перестрелки: «. . .приидоша татарове, и начаша стрѣляти москвичь, а москвичи начаша на них стрѣляти и пищали пущати, и многих побиша татар стрѣлами и пильщалми и отбиша их от брега».[255] Попытка ордынцев форсировать Угру была отражена. Однако бои носили многодневный характер: «. . .по многи дни приступающе биющеся». Обращает на себя внимание применение русскими пищалей — огнестрельных орудий, впервые упоминаемых в полевом бою. Артиллерия в боях за переправы была, по-видимому, важным фактором, облегчившим надежное удержание берега Угры русскими войсками (на что косвенно указывает летописец, подчеркивая большие потери ордынцев от русских пищалей). Применение артиллерии русскими имело, надо думать, значительный моральный эффект. Еще под Алексином в 1472 г. Орда не видела ничего подобного. С русской артиллерией на поле сражения ордынцы столкнулись впервые в октябрьских боях на Угре. Появление артиллерии в боевых порядках свидетельствует о качественно новом этапе в развитии русского войска. К 1480 г. имелось, по-видимому, уже достаточно заметное количество относительно легких артиллерийских орудий, которые можно было перевозить за войсками и устанавливать на огневые позиции на поле боя.[256]

Тем не менее, разумеется, было бы ошибочным преувеличивать значение артиллерии в боях на Угре. Решающей силой оставались традиционные рода войск — конница и пехота, вооруженные холодным оружием. Именно на них пала основная тяжесть

многодневных боев на Угре — кульминация небывало длительной кампании против нашествия Ахмата.

Типографская летопись приводит рассказ, в сущности идентичный рассказу Московской летописи, сообщая при этом новую деталь: ордынцы «овии же приидоша противу князя Андрея, а овии против великого князя мнози, а овии противу воевод вдруг приступиша».[257] Отсюда можно заключить, что бои развертывались на широком фронте: войска Ахмата пытались форсировать реку в разных местах, на разных участках русской боевой линии. Другое сообщение Типографской летописи: «. . . их (ордынцев. — *Ю. А.*) стрелы многи межю наших падаху и никто же уязвляху» — выдержано в свойственном этому памятнику ирреалистическом стиле и не может, разумеется, приниматься как достоверное известие.

Самостоятельный рассказ о событиях на Угре содержит Вологодско-Пермская летопись. По ее сведениям, русские войска «ста по Окѣ и по Угрѣ на 60 верьстах». Если так, то русские силы прикрывали все среднее и нижнее течение Угры — примерно от Опакова до Калуги. Ахмат «прииде на Угру октября в 8 день, в недѣлю, в 1 час дни».[258] Другую дату выхода татар к Угре приводит Владимирский летописец: «. . .месяца октября в 6 день в пятницу приходил царь Ахмат к Угре реке».[259] Обе точные даты с указанием дня недели имеют, по-видимому, документальное происхождение — это фрагменты не дошедших до нас в полном виде поденных записей, аналогичных походным дневникам 1471, 1475, 1477 гг., отразившимся также в Московской летописи. Не совпадая буквально, даты Владимирского летописца и Вологодско-Пермской летописи по существу не противоречат друг другу: передовые отряды ордынцев могли появиться на Угре 6 октября, а главные силы — на рассвете в воскресенье, 8 октября.[260] Тогда же и начались, по данным Вологодско-Пермской летописи, попытки татар форсировать реку: «хотеша перевоз взяти».[261] Вологодско-Пермская летопись далее сообщает, что «князь же великий Иван Иванович. . . да князь Ондрѣй Васильевич Меншой. . . сташа крепко противу безбожного царя». Как и Московская летопись, Вологодско-Пермская указывает, что бои за переправы («перевоз») носили характер перестрелки с применением русскими огнестрельного оружия («начаша стрѣлы пущати, и пищали, и тюфяки на татар»). Эти бои, по данным летописного рассказа, продолжались четыре дня (т. е. 8, 9, 10 и 11 октября). Как видим, известия Вологодско-Пермской летописи дополняют и конкретизируют краткое сообщение московского летописца. Попытка Ахмата с ходу форсировать Угру была отбита: он «не возможе берегу взяти, и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузѣ».[262] Это известие, отсутствующее в Московской летописи, носит также конкретный, документальный характер.

Большой интерес представляют дальнейшие сообщения Вологодско-Пермской летописи. Проиграв бой в низовьях Угры, Ахмат «распусти вои по всей земли Литовскии». Собранная в больших массах, ордынская конница нуждалась в фураже и пропитании — отсюда и «роспуск» ее по Литовской земле.

«Татарове же приежжати начаша к реце и глаголюще Руси: „Дайте берег царю Ахмату, царь бо не на то прииде, что ему великого князя не дойти"». Это красочная сцена Вологодско-Пермской летописи представляется правдоподобной — она отвечает обычаям и традициям средневековых войн, в которых применялись методы психологического давления на противника.

Новую попытку форсировать Угру ордынцы предприняли выше по реке. «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым Городищем, хотя перелѣсти Угру, а не чая туто силы великого князя».[263] Ордынцы, таким образом, пытались скрытно переправиться через реку на одном из самых узких мест, действуя опять же в обход русской оборонительной линии.[264] Ахмат, по данным летописца, сам в этом предприятии не участвовал, но «посла князей своих и воевод и множество татар». Однако расчет Ахмата и тут оказался ошибочным.

«Прилучи же ся туто множество князей и бояръ великого князя, не дадяще перелѣсти Угры».[265] Русские войска не только прочно удерживали левый берег реки, но и сохраняли возможность маневра по этому берегу. Находясь в Кременце, русское командование, видимо, надежно держало в своих руках управление войсками, развернутыми на широком фронте, и имело возможность своевременно реагировать на обстановку.

Итак, известия Вологодско-Пермской летописи, носящие в основном лаконичный, протокольно-документальный характер, в большой мере дополняют и разъясняют картину боев на Угре, в более общих чертах рисуемую Московской летописью.

Ценным дополнением к этой картине являются известия Владимирского летописца. Выше уже указывалось, что они содержат точную и наиболее раннюю дату выхода ордынских войск к реке (6 октября, пятница). Еще бо́льшее значение имеет другое известие: «. . .прииде на Угру князь великий месяца того же (октября. — *Ю. А.*) 11 день».[266] По данным Вологодско-Пермской летописи, 11 октября — это четвертый, последний день боев с главными силами Ахмата, пытавшимися форсировать Угру в ее низовьях. Если именно в этот день к реке подошел великий князь со своими силами, то это и решило исход боев в пользу русских.[267]

Неудача попыток Ахмата форсировать своими силами Угру и произвести вторжение в глубину Русской земли — основной фактор общей политической и стратегической обстановки, сложившейся ко второй половине октября.

В октябре 1480 г. русские войска успешно решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам) на широком фронте против мощного противника, обладающего многочисленной конницей. История войн средневековья знает немного подобных примеров. Во всех войнах с Ордой до этого времени только дважды (в 1459 и 1472 гг.) русским удавалось отстоять оборонительные водные рубежи и не допускать вторжения противника. Но условия обороны на широкой, многоводной Оке были намного легче, чем на извилистой, узкой

и неглубокой Угре. Победа в боях на Угре в октябре 1480 г. — пример высокого оперативно-тактического искусства русского командования и его войск и яркая страница в военной истории нашего Отечества.

Тем не менее к этому времени окончательный перелом в борьбе с нашествием Ахмата еще не наступил. Грозное ордынское войско на берегах Угры сохраняло свою боеспособность и готовность в любое время возобновить попытки вторжения. Позиция Казимира продолжала оставаться неопределенно угрожающей; возможность его выступления на стороне Ахмата сохраняла свою реальность.

В этих условиях большой интерес представляют сведения о русско-ордынских переговорах, отраженные в наших источниках. «Послание на Угру» говорит о переговорах с Ахматом в самой общей форме: «. . .тебе перед ним (Ахматом. — *Ю. А.*) смирящуся, и о мире молящуся, и к нему пославшу, ему же одинако гневом дышущу и твоего молениа не послушающу, но хотя до конца разорити крестьянство». В свойственной этому памятнику риторической манере поведению великого князя, униженно и бесплодно молящего о мире, противопоставляется его же обещание «крепко стояти за благочестивую нашу православную веру и боронити свое отечество от бесерменства», которое он дал в Москве «повинувшуся. . . молению и доброй думе» освященного собора и бояр. Антитеза кроткого и смиренного великого князя, молящего о мире, и «дышащего гневом Ахмата», не слушающего его «молений», — несомненно большое художественное достижение талантливого писателя-проповедника. Но насколько эти яркие образы соответствуют реальной исторической действительности?

Выразительная, но не конкретная сентенция «Послания» расшифровывается в рассказе Софийско-Львовской летописи: «А ко царю князь великий послал Ивана Товаркова с челобитием и з дары, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати. Он же рече: „Жалую его добре, чтоб сам приехав бил челом, как отцы к нашим отцам ездили в Орду"».

Итак, с русской стороны — предложение мира, с ордынской — требование личного приезда великого князя в Орду в возобновление старой традиции. Как мы знаем, таково же было содержание посольства Бочюки в 1476 г., последнего ордынского посольства перед походом Ахмата.

«Князь же великий блюдяшеся ехати, мня измену его и злаго помысла бояся». Верный своей тенденции, рассказчик видит в отказе великого князя выполнить требование хана прежде всего трусость. Ему, ревнителю старых традиций, по-видимому, не приходит в голову, что отказ главы Русского государства от позорной поездки в Орду, т. е. от фактической капитуляции, мог иметь и другие мотивы, кроме заботы о личной безопасности. «И слыша царь, что не хощеть ехати князь великий к нему, посла к нему, рек: „А сам не хочеши ехати, и ты сына пошли или брата". Князь же великий сего не сотвори». Поскольку отказ от этого предложения «царя» трудно

объяснить элементарной трусостью, летописец оставляет этот отказ без комментариев.

«Царь же посла к нему: „А сына или брата не пришлешь, и ты Микифора пришли Басенкова"». Требование прислать Басенкова объясняется летописцем достаточно прозаично: «. . .той бо Микифор был в Орде и много алафу татарам даст от себе; того ради любляша его царь и князи его». Однако «князь великий того не сотвори», что летописец опять же оставляет без объяснения.

Перед нами довольно выразительная и многозначительная картина, вовсе, однако, не соответствующая той, которую так красочно нарисовал в своем «Послании» архиепископ Вассиан. Оказывается, «царь» не только не отвергает в принципе переговоры о мире (в изображении Вассиана «моления» великого князя, «смиряющегося» перед Ахматом), но и охотно идет на эти переговоры. Получив отказ в своем главном, принципиальном требовании приезда великого князя как знака изъявления традиционной покорности, «царь» не только не прерывает переговоры, но и продолжает их по своей инициативе, существенно снизив свои амбиции. Более того, отказ русской стороны прислать сына или брата великого князя не останавливает Ахмата — он согласен продолжать переговоры и с обыкновенным послом, прося только прислать определенное лицо, благожелательное, по его мнению, к татарам. Но ему отказано и в этом. В свете этих конкретных данных поведение русской стороны едва ли можно интерпретировать как униженные «молениа» «улусу. . . своего не воевати». Предложив начать переговоры, великий князь не проявил ни малейшего желания идти на уступки Ахмату. Создается впечатление, что цель предложенных переговоров — дипломатический зондаж и стремление затянуть время. С точки зрения оценки рассказа Софийско-Львовской летописи характерно, что в данном случае конкретные сведения, приводимые рассказчиком, опровергают как его собственную тенденцию, так и позицию архиепископа Вассиана.

Сведения о переговорах с Ахматом содержит и Вологодско-Пермская летопись. По ее словам, решение начать переговоры было принято на совете великого князя с сыном и князем Андреем Меньшим, т. е. наиболее близкими ему людьми в войске. Этим сообщением лишний раз опровергается версия софийско-львовского рассказчика о «конфликте» великого князя с сыном. Боярин И. Ф. Товарков был послан к Ахмату, «чтобы государь смиловался и рядца его Темирь печаловал царю, а сам бы жаловал». К Ахмату и его «рядце» великий князь послал «тешь великую». Однако «царь» эту «тешь» не принял и сказал: «Не того деля яз семо пришел, пришел на Ивана деля и за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятый год. Прийдет ко мне Иван сам, почнут ся ми о нем мои рядцы и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую». И «рядца» Темирь не принял «тешь» и передал «царево слово»: «. . .нолны Иван будет сам у него и у царева стремени».[268]

Таким образом, известие Вологодско-Пермской летописи конкретизирует первый этап переговоров, о котором упоминает софийско-львовский рассказ. В основе обоих известий, видимо, один и тот же источник, восходящий к хорошо осведомленным правительственным кругам, но отразившийся в летописях по-разному. Если софийско-львовский рассказ, как мы видели, кратко передает суть всех трех стадий переговоров с Ахматом, то вологодско-пермский подробно освещает только первую стадию, не упоминая об остальных. Эта первая стадия в изображении Вологодско-Пермской летописи представляет большой интерес.

Заслуживает внимания прежде всего сама организация посольства, раскрываемая летописцем достаточно реалистически и правдоподобно. Как известно из посольских дел, «тешь» — необходимое условие для переговоров с «царем» и его советниками. Еще большее значение имеют конкретные требования Ахмата и его объяснение целей похода. Причина похода — «неправда» русского государя. Самое главное в этой «неправде» — «ко мне не идет, а мне челом не бьет», т. е. отказ от повиновения и от традиционных изъявлений покорности. Второй элемент «неправды» — неуплата «выхода». Если следовать тексту летописи, единственного источника, содержащего данное известие, выплата «выхода» прекратилась в 1472 г. — в год Алексинского похода Ахмата.[269] Это указание имеет принципиально важное значение. Ордынские посольства 1474 и 1476 гг., имевшие целью мирным путем добиться восстановления традиционных отношений — покорности Руси и возобновления выплаты «выхода», потерпели неудачу. Поход Ахмата в 1480 г. вызван не частными инцидентами, а ставит перед собой принципиальную задачу — наказать за «неправду», за непокорность и неповиновение и восстановить старую ордынскую «правду» властвования над Русью. Отсюда и требование личного пребывания великого князя «у царева стремени» как необходимого условия дальнейших переговоров, от которых Ахмат в принципе не отказывается («ино как будет пригоже, так его пожалую»).

Итак, данные Софийско-Львовской и Вологодско-Пермской летописей, взаимно дополняя друг друга, рисуют в совокупности достаточно правдоподобную и реальную картину переговоров в октябре 1480 г., во время стояния Ахмата на Угре. Переговоры показали принципиальную несовместимость позиций сторон. Если Ахмат настаивал на продолжении ордынского властвования над Русью, то московское правительство рассматривало эти требования как неприемлемые для себя. В этих условиях переговоры не могли иметь ни перспективы, ни реального значения. Конфликт с Ордой, очевидно, не мог быть разрешен мирным путем.[270]

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что отказ от выплаты дани в 70-х гг. и непризнание ханского сюзеренитета над Русью — принципиально новые черты русской политики по отношению к Орде. Во время прежних конфликтов с Ордой вопрос так никогда не ставился. Даже великий князь Дмитрий, этот наиболее крупный, талантливый и яркий вождь Руси в ее прежней

борьбе за независимость, накануне своего знаменитого Донского похода в принципе признавал власть ордынского хана и не отказывался от выплаты «выхода» Мамаю: он только хотел «ему выход дати по християнской силе и по своему докончанью, как с ним докончал» (Мамай же просил «выхода, как было при цесаре Джанибеке»).[271] Через сто лет после Куликовской битвы Русское государство получило возможность поставить вопрос совсем по-другому: в 1480 г. речь шла не о том или ином размере «выхода», а о принципиальном отказе от какого бы то ни было подчинения Орде.[272]

Софийско-Львовская летопись заканчивает рассказ о неудачных переговорах с Ахматом многозначительной фразой: «. . .хваляшеся царь все рек: ,,Дай Бог зиму на вас, и реки все станут, ино много дорог будет на Русь"».[273] Зловещие слова Ахмата, приведенные летописцем, намекают на новые возможности вторжения. По данным той же летописи, зима наступила рано и отличалась суровостью: «З Дмитриева же дни стала зима, и реки все стали, а мразы великии яко не мощно зрети».[274] О суровости зимы говорят и другие летописи: «. . .быша же мрази велики тогда, река начат ставитися».

Установление ледового покрова на Угре существенно меняло тактическую обстановку как для русских, так и для ордынских войск — форсирование неширокой реки по льду значительно облегчалось для ордынцев, и в той же мере усложнялись задачи русских, оборонявших левый берег Угры. К этому времени, по-видимому, в состав русских сил влились отряды Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Московская и Симеоновская летописи помещают сообщение об этом непосредственно после известия о выступлении великого князя из Москвы 3 октября и прибытии его на Кременец и до рассказа о боях с Ахматом на Угре.[275] Если буквально следовать контексту, бывшие мятежники «приидоша. . . к великому князю на Кременец» ранее половины октября. Напротив, Типографская летопись рассказывает об этом событии после сообщения о начале ледостава, она относит его к последним числам октября.

Этот вариант кажется более убедительным. Для того чтобы перейти из Новгородской земли (где они были еще 13 сентября, по сведениям псковского летописца) к Кременцу, князьям нужно было не менее 20—25 дней. Если вчерашние мятежники двинулись против Ахмата из Новгородской земли после того, как получили соответствующее распоряжение великого князя, т. е. после совещания в Москве 30 сентября—3 октября, то их войска могли появиться на Кременце не ранее самых последних чисел октября, т. е. непосредственно перед ледоставом или даже позже его начала.[276]

Во всяком случае прибытие этих отрядов было фактором, весьма благоприятным для русских. Войска, стоящие в обороне против Ахмата, усилились, главное же — окончился феодальный мятеж и можно было не опасаться за тыловые районы страны. Другим благоприятным фактором было нападение крымских отрядов на южную окраину владений Казимира. Это нападение уменьшало вероятность выступления Казимира на стороне Ахмата. Итак,

к концу октября—началу ноября общая военно-политическая ситуация изменилась в пользу Русского государства. В то же время замерзание Угры обостряло угрозу непосредственного вторжения Ахмата и заставляло принимать новые оперативно-тактические решения.

Таким решением явился отвод главных сил с берегов замерзшей реки, которая не могла больше служить серьезным оборонительным рубежом, на тыловую Кременецкую позицию. По словам Московской летописи, «егда же река ста, тогда князь великий повеле сыну своему великому князю и брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и прийти к себе на Кременец». Такое же сообщение содержат Симеоновская и Типографская летописи.[277]

В целесообразности этого решения трудно сомневаться. Растянутые в тоненькую цепочку на многокилометровом фронте Угры, русские войска в новых условиях не имели возможности оказать эффективного сопротивления противнику, который мог быстро форсировать реку в любом подходящем месте. В этих условиях было естественно отойти главными силами на удачно выбранную позицию, которая, с одной стороны, прикрывала наиболее вероятные пути противника в глубь страны, с другой — давала возможность быстро выдвинуть силы на угрожаемый участок Угры.[278] Судя по летописному контексту, отвод войск с берегов Угры начался после ледостава, т. е. после 26 октября, очевидно в самых последних числах октября—первых числах ноября. Угроза форсирования Угры Ахматом представлялась русскому командованию вполне реальной.

С реальностью этой угрозы связано и другое распоряжение русского руководства. По словам Типографской летописи, «князь. . . великий с сыном и братьею и с всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще яко „на тех полях бой с ними поставим"». Об отходе к Боровску сообщают и другие летописи: Московская (без мотивировки) и Вологодско-Пермская («отступи со всею силою в поля к Боровску, как мощно бы стати против безбожного царя Ахмата»).[279] Это означало отвод войск примерно на один конный переход (около 40 км) к востоку, на берега р. Протвы. В настоящее время трудно сказать, чем было вызвано это решение. Возможно, позиция у Боровска действительно имела тактические преимущества перед Кременецкой.[280] В этом случае отход от Кременца к Боровску должен рассматриваться именно в тактическом плане — как перевод войск с одной позиции на другую. Не исключено, однако, и другое объяснение. Замерзание рек ставило под угрозу прорыва ордынцев не только Угру, но и Оку. Расположенный ближе к Москве, чем Кременец, Боровск прикрывал пути на Москву не только со стороны Угры, но и со стороны Калуги; из Боровска можно было быстрее выдвинуться к среднему течению Оки между Калугой и Серпуховом. Общий стратегический замысел русского командования оставался прежним — дать оборонительное сражение в выгодных для себя условиях, не допуская прорыва противника к столице.[281]

Однако вопреки ожиданиям русского командования Ахмат не только не предпринял попытки перейти Угру и вступить в сражение, но и начал отступать от русских рубежей.

По данным Вологодско-Пермской летописи, «прочь царь пошол от Угры в четверг, канун Михайлову дни».[282] Михайлов день (8 ноября) приходился на среду. Известие Вологодско-Пермской летописи следует, по-видимому, понимать так, что отход ордынцев начался в четверг, кануном которого был этот праздник, т. е. 9 ноября. Владимирский летописец сообщает, что «от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября в 10 день, в пятницу».[283] Московская летопись указывает, что «царь побежал ноября в 11».[284] Все три приведенные даты не противоречат друг другу по существу. Они отражают разные этапы отступления Орды, которая отходила на разных участках не одновременно.[285]

С отступлением Ахмата от Угры связан эпизод, о котором сообщают рассказы Московской и Типографской летописей. В изложении первой из них он выглядит так: «Егда отступиша сынове русския от брега, тогда татарове страхом одержимы побегоша, мняше, яко брег дають им Русь и хотят с ними битися. А наши мняху татар за собою реку прешедшю и побегоша на Кременець».[286] По буквальному смыслу летописного рассказа в войсках, стоявших на обоих берегах Угры, внезапно возникла паника и они побежали друг от друга в разные стороны: «. . .едины от другых бежаху и ничто женяше».[287] Другие летописи, в том числе Симеоновская, близкая по тексту к Московской, об этом событии не упоминают. Эпизод, сам по себе достаточно правдоподобный (люди, долгое время стоявшие в напряженном ожидании боя, могли поддаться внезапному чувству страха), не имел, очевидно, никакого существенного значения и не мог повлиять ни на соответствующие решения русских и ордынских руководителей, ни на реальный ход событий.[288] Исход кампании был уже решен. Отказ Ахмата от форсирования Угры в сравнительно благоприятных тактических условиях может объясняться только нежеланием вступить в сражение с русскими войсками. Альтернативой сражения было отступление Орды от русских рубежей и тем самым признание своего стратегического поражения.

Пребывание ордынских войск на земле русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя литовского, продолжалось, по данным Вологодско-Пермской летописи, шесть недель, т. е. примерно с 1 октября по 11 ноября. За это время ордынцы, по данным той же летописи, разорили волости двенадцати городов и захватили полон в них.[289] Разорению и разграблению подверглась обширная территория протяжением не менее 100 км с юга на север и не менее 120 км с востока на запад. Этому не приходится удивляться — во время длительного пребывания на Угре войска нуждались в снабжении всем необходимым, а сам характер Орды, архаической военно-кочевой организации, и ее выработанные веками традиции предрасполагали к грабежам и насилию над местным населением. Возможно, дополнительным мотивом для разо-

рения русских волостей Казимира послужила досада на короля за отсутствие помощи Ахмату: московский летописец подчеркивает именно этот мотив («побеже. . . по королеве державе, воюя его землю за его измену»).[290]

Стояние на Угре завершилось полным поражением Ахмата — военным, политическим и моральным. Осознание этого основного факта — крушения своего военно-политического плана в союзе с Литвой поставить на колени Русскую землю, крушения своих великодержавных амбиций, архаических по форме и реакционных по существу, и было, очевидно, главной причиной, заставившей Ахмата в первых числах ноября отказаться от продолжения похода против Русского государства и отвести Орду в южные степи.

Последний эпизод, связанный с нашествием Ахмата, — попытка ордынцев разорить русские заокские волости. По сообщению Московской летописи «един же царевич хотя имати украину за Окою. Князь же великий посла братью свою, дву Андреев, и услышаша татарове, и ти побегоша».[291] Наиболее подробно это событие освещается в Вологодско-Пермской летописи: «. . .прочь идучи, проходил царевъ сынъ Амуртаза на Конин да на Нюхово, пришел в вечерѣ, а князь великий отпустил братью свою, князя Ондрѣя, да князя Бориса, да князя Ондрѣя Меншого со множеством воевод своих. Татарове же ночи тое поимаша человѣка и начаша мучити его и спрашивати про великого князя. Он же, муки не мога терпѣти и сказа им, что князи близко. . . и побеже ты же ночи на раннѣй зорѣ. А князи приидоша на станы его на обѣд».[292]

Конин и Нюхово — волости, тянувшие в конце XV в. к Алексину.[293] Эти земли на правом берегу Оки — район старинной русской колонизации. В родословных упоминаются князья Конинские — потомки черниговских князей, родичи Оболенских, Барятинских и Мезецких. Как и другие пограничные волости, их земли подвергались частым набегам и опустошениям. О Конинских князьях сказано в родословце: «. . .а извелися они от войны от татарские».[294]

Рассказ Вологодско-Пермской летописи, отличающийся большой конкретностью и фактологичностью, заслуживает серьезного внимания. Из него можно сделать вывод о том, что русское командование бдительно следило за передвижением войск Ахмата: отряды двух Андреев и Бориса, посланные для преследования татар, шли за ними буквально по пятам, отстав всего на полперехода.[295] Очевидно, отведя свои главные силы к Кременцу и Боровску, русское командование не теряло соприкосновения с противником, знало о его намерениях и своевременно принимало эффективные контрмеры.[296]

Поход 1480 г., один из самых долгих, трудных и опасных за многие столетия, окончился, и вместе с ним окончилось ордынское иго. Войскам оставалось победоносное возвращение домой. «Того же месяца прииде князь великий Иван Васильевич на Москву, и с сыном своим, великим князем Иваном Ивановичем, и с всеми силами. . . И взрадовавшеся все людие радостию велиею зело».[297] Столица Русского государства радостно приветствовала своих воинов. Для этого были все основания. Борьба на Оке и Угре летом—

осенью 1480 г. закончилась полной победой. Русская земля была спасена от огромного по размаху и замыслам ордынского нашествия. Однако в ноябре 1480 г. даже самые проницательные и дальновидные люди едва ли отдавали себе полный отчет в действительном значении происшедших событий. Победа на Угре осенью 1480 г. относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, и осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии.

Основными факторами, приведшими к победе на Угре, были прежде всего социально-экономические и политические предпосылки. Создание единого Русского государства на базе растущих и крепнущих экономических связей обеспечило возможность централизованного и целеустремленного военно-политического руководства, что сыграло важнейшую роль в критической ситуации лета—осени 1480 г. Русское государство 1480 г. располагало гораздо более мощными людскими и материальными ресурсами, чем союз князей во главе с Москвой за сто лет до этого. Если в русском войске на Куликовом поле отсутствовали полки многих княжеств, не поддержавших по тем или иным причинам освободительную миссию Москвы, то в 1480 г. московское правительство имело реальную возможность распоряжаться людскими и материальными ресурсами всей Русской земли. Кроме полков, набранных на огромной территории, к этому времени сплотившейся непосредственно вокруг Москвы, в походе против Ахмата приняли участие и тверские полки, посланные по требованию великого князя — государя всея Руси.[298]

Централизованное военно-политическое руководство Русского государства сумело выработать целесообразную единую политическую линию и неуклонно проводить ее в жизнь. Прежде всего оно определило направление главного удара и своевременно развернуло на нем свои силы. В условиях сложной политической ситуации лета—осени 1480 г. главным врагом был признан Ахмат, и именно борьба с ним стала основной задачей Русского государства и его вооруженных сил. Была выработана стратегия борьбы с Ахматом. Суть ее — оборона важнейших естественных рубежей с целью не допустить вторжения противника в глубь Русской земли. В систему оборонительных мер входила также подготовка тыловых районов на случай возможного прорыва вражеских войск. Таким образом, русская стратегия в 1480 г. была по форме оборонительной в отличие от наступательной стратегии, избранной за столетие до этого Дмитрием Донским. Необходимо признать, что оборонительная стратегия в условиях 1480 г. себя полностью оправдала. Она привела к крупнейшему военно-политическому успеху — фактически к полному стратегическому поражению вражеских войск, вынужденных отказаться от решения своей задачи. Кампания 1480 г. закончилась решающей победой Русского государства. При этом важно подчеркнуть, что русское войско не понесло значительных потерь и сохранило свою боеспособность. Это было одной из наиболее существенных причин отказа Казимира от эффективного вмеша-

тельства в русско-ордынскую войну, имело важнейшее значение в решении конфликта с Ливонией и в ликвидации феодального мятежа.

В действиях русского командования в 1480 г. можно отметить некоторые характерные черты. Это прежде всего строгая централизация руководства. Все военно-политическое руководство было сосредоточено в руках главы государства, оно по существу может быть названо верховным командованием. Именно оно определяло рубежи развертывания войск, выбор тыловых позиций, принимало решение о частичной эвакуации и подготовке к обороне городов в тылу и т. д.

Как и в кампаниях 1471 и 1472 гг., командование стремилось сохранить постоянную связь с войсками и своевременно реагировать на обстановку своими директивами (рокировка на Угру, отход к Кременцу, преследование Ахмата). Стремлением к сохранению управления войсками, развернутыми на широком фронте, объясняется, по-видимому, избрание Кременца как места пребывания ставки.

Одна из характерных черт русской стратегии — стремление вести оборону на широком фронте, перекрывая наиболее вероятные направления вражеского вторжения. Как и в кампании 1472 г., русские войска проявили способность быстро стягиваться к угрожаемому участку (Опаково Городище), что требовало достаточно хорошей разведки, связи и оперативности руководства. С оперативно-тактической точки зрения представляет интерес отвод главных сил на Кременецкую позицию при сохранении заслона на Угре.

В целом действия русского командования в 1480 г. представляются образцовыми как пример стратегической оборонительной операции в сложных военно-политических условиях, проведенной на самом высоком уровне и с самыми положительными результатами. Успешное завершение этой операции в ноябре 1480 г. означало коренной перелом во всей военно-политической обстановке и благополучное разрешение самого серьезного и опасного кризиса, перед лицом которого стояло молодое Русское государство.

В тактическом плане в действиях русских войск можно отметить впервые в полевом бою умелую оборону водных рубежей с применением огнестрельного оружия. Применение артиллерии в боях на Угре в октябре 1480 г. — важная веха в истории русского военного искусства.

Итак, летне-осенняя кампания 1480 г. против Ахмата — яркая страница военной истории нашей страны. Еще более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа — фактически свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре — крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 г. — первый день полностью независимого Русского государства — одна из важнейших дат в истории нашего Отечества.[299]

„Послание на Угру" и историческая реальность

Предпринятая выше попытка реконструкции реального хода событий, связанных с победой на Угре, будет неполной без анализа сведений, содержащихся в «Послании на Угру».[300]

Как исторический источник «Послание» характеризуется двумя в высшей степени ценными качествами. Во-первых, оно написано непосредственно во время самих событий, когда их исход был еще неясен. Во-вторых, оно принадлежит перу одного из выдающихся и несомненно хорошо осведомленных деятелей эпохи.

Наряду с этим «Послание» как источник имеет и недостатки. Основной из них определяется самим жанром произведения. Перед нами не изображение самих событий как таковых, а отклик на них, переданный при этом в весьма своеобразной дидактическо-полемической манере.[301] Люди и события рисуются «Посланием» в яркой подсветке, в гипертрофированно заостренном виде, без полутонов, оттенков и переходов. Любимый прием автора — резкая антитеза, противопоставление добра злу, положительных героев отрицательным и т. п.[302] Субъективный характер авторских оценок и подхода к действительности не вызывает сомнений. Автор — не сторонний наблюдатель, не бесстрастный хронист, а активный политический деятель, участник современных ему событий. Он берется за перо для доказательства определенных положений, его задача — убедить адресата в своей правоте, а не объективно анализировать реальную действительность. Ярко выраженная субъективность, тенденциозность «Послания» исключает возможность буквального понимания содержащихся в нем реалий — они скорее символы, чем образы, и нуждаются в определенной реально-исторической интерпретации.

«Послание» — памятник прежде всего публицистический. Оно отражает не столько реальный ход событий, сколько реакцию на них в определенных общественных кругах, к которым принадлежит автор «Послания». Особое значение имеет бесспорная связь «Послания» с летописной традицией: за исключением краткой, чисто фактологической статьи Владимирского летописца, все летописные рассказы о событиях осени 1480 г. испытали более или менее сильное влияние «Послания». В то же время, однако, летописные тексты не могли не отразить и реальных фактов, именно это дает возможность реально-исторической интерпретации «Послания» с помощью летописных известий. С другой стороны, «Послание» как первоисточник ряда летописных текстов может быть использовано для их проверки.

Автор обращается к великому князю как к «Богом венчанному и Богом утвержденному... наипаче же в царях пресветлейшему преславному государю... всея Руси». Для Вассиана великий князь — глава Русского государства, стоящий на одном уровне с царями. Крупнейшее событие эпохи — создание единого Русского государства — полностью осознается и принимается ростовским архиепископом. В «Послании» далее говорится о личной беседе автора с великим князем: «...дерзнувшими усты к устам глаголати

твоему величеству твоего ради спасения». Летописная параллель — иллюстрация к этому месту «Послания» содержится в оригинальном рассказе Софийско-Львовской летописи, в котором в уста архиепископа вкладываются гневные слова: «. . .вся кровь на тебе падеть христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь. . . а дай сем вои в руку мою, коли аз, старый, утулю лице против татар».[303] Сугубо почтительный стиль самого «Послания», автор которого повторно молит не прогневаться на его «дерзость», резко противоречит летописному рассказу и порождает сомнение в тональности последнего.[304]

Рассказ о совещании в Москве отразился, как мы видели выше, на фразеологии соответствующих известий Московской и особенно Типографской летописей. Известия последней — парафраза текста «Послания».

Центральное место в реально-исторических текстах «Послания» занимает проблема «злых советников», полемика с которыми проходит красной нитью через весь памятник. «Злые советники» впервые упоминаются в связи с совещанием в Москве: «. . .духов же льстивых, шепчющих во ухо твоей державе, иже предати христианство, не слушати обещавшу ти ся». Этот текст отсутствует в летописях. Однако он имеет существенно важное значение для характеристики как объективного положения дел, так и позиции автора «Послания». Если следовать этому тексту, позиция анонимных «злых советников» — капитулянтов проявилась достаточно четко еще до совещания в Москве: «на совете и думе» уже знали об их «льстивых шептаниях».

Согласно Софийско-Львовской летописи, «князь же великий не послушаа того писания владычни Васьянова, но советников своих слушаше, Ивана Васильевича Ощеры да Григория Васильевича Мамона, иже матерь его князь Иван Андреевич Можайской за волшество сжег. Те же бяху бояре богати князю великому не думаючи против татар за крестьянство стояти и битися, думаючи бежати прочь, а крестьянство выдати». Именно, «повинуяся их мысли и думе», великий князь «оставя всю силу у Оки на брезе. . . побежа на Москву».[305] Текст вставлен в летопись явно не на место — «Послание» написано не до, а после приезда великого князя в Москву.

Налицо и текстуальная, и идейно-смысловая, логическая связь. «Послание» как бы дополняет материал рассказа, рассказ как бы поясняет и расшифровывает глухие намеки «Послания». Ощера и Мамон — вот они, «злые советники», капитулянты и предатели, против которых направлен в равной степени пафос и «Послания», и рассказа. «Злые советники» снова упоминаются в связи со сведениями о переговорах с Ахматом: «Прежние твои развратницы не престают шепчюще в ухо твое льстивые словеса, отвещают ти не противитися супостатом, но отступити и предати на расхищение волкам словесное стадо Христовых овець». Как и в первом случае, имена «злых советников» не названы и их «льстивые словеса» переданы в общей форме. Несколько ниже, однако, эти «словеса» конкретизируются: «. . .съвещають ли льстивии сии и лжеименитые, мнящеся быти христиане, токмо еще повергше щиты своя и нимало

сопротивлящеся оканным сим сыроядцем, предав христианство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам».

Итак, суть «льстивых словес» (как в «Послании», так и в рассказе Софийско-Львовской летописи) — призыв к великому князю бежать из Русской земли: «. . .твою честь в бесчестии, и твою славу в бесславие преложити, и бегуну явитися, и предателю християнскому именоватися». Почти весь дальнейший текст «Послания» посвящен опровержению этого совета «льстивых» как путем общих нравоучительных рассуждений, так и приведением исторических примеров со ссылками на освященные церковью авторитеты. Из русских князей в качестве образцов воинской доблести автор «Послания» называет Игоря, Святослава и Владимира («иже на греческих царях дань имали»), Владимира Мономаха («како. . . бился с оканными половцы за Русскую землю») и «иные мнози, их же паче нас ты веси».

Обращение автора «Послания» к древним авторитетам и особенно к образам отечественной истории весьма симптоматично. Архиепископ без сомнения достаточно хорошо знал строй мысли своего адресата. Одной из основных черт политико-идеологической концепции нового Русского государства была историческая преемственность — осознание живой реально-исторической связи с прошлым Русской земли.[306] Интерес к отечественной истории был, видимо, характерной чертой великого князя («их же паче нас ты веси»). Любопытно и обращение к авторитету «Димокрита» — просвещенному русскому человеку эпохи европейского Возрождения, видимо, был не чужд и интерес к античности.[307]

Особенно подробно «Послание» останавливается на образе Дмитрия Донского, приводя его в качестве прямого примера для подражания. «Он не усумнеся и не убояся татарского множества, не обратися вспять, не рече в сердце своем: „. . .жену имею и дети и богатство многое, еще и землю мою возмуть, то инде вселюся", — но без сомнения вскочи в подвиг и поперед выеха».

Этот текст «Послания» также находит прямой отклик в рассказе Софийско-Львовской летописи. «Злые советники» (Мамон и Ощера) «мня тем безроку смерть бьющимся на бою и помышляюще богатство много и жену и дети». В своих советах великому князю эти бояре также прибегают к историческим параллелям: «Ужас накладываючи, вспоминаючи, еже под Суздалем бой отца его с татары, како его поимаша татарове и биша. Тако же егда Тахтамышь приходил, а князь великий Дмитрий Иванович бежал на Кострому, а не бился с царем». Это прямая параллель — антитеза «Посланию». Исторические образы и примеры использованы в противоположном смысле; один и тот же реальный образ Дмитрия Донского трактован с обратной точки зрения. Идейно-смысловая, логическая связь «Послания» с рассказом представляется несомненной. В битве идей и мнений обе стороны опираются на исторические параллели: дела отцов живут в сознании потомков, активно участвуют в его формировании. Но если «злые советники» используют в своей капитулянтской пропаганде образы близкого прошлого унижения

перед ханом, то автор «Послания» апеллирует к героическим страницам давней и недавней истории, вписывая современную ему действительность в широкую историческую панораму.

Следующий конкретный момент «Послания» — вопрос о «клятве». «Аще ли же мне любоприши и глаголиши, яко под клятвою есмы от прарадителей, еже не поднимати руки против царя стати. . . иже прощаем, и разрешаем, и благословляем, яко уж святейши митрополит, такоже и мы и весь боголюбивый собор. . .». В отличие от других исторических реалий этот текст не находит никаких, даже самых отдаленных, аналогий в других памятниках — даже в летописях, явно зависимых от текста, логического строя и фразеологии «Послания». Более того, все известные источники, как летописные, так и документальные (такие как посольские списки в Крым), единодушны в том, что к 1480 г. Русское государство ни фактически, ни формально не признавало старую традицию зависимости от Орды, не считало себя «под клятвою. . . от прародителей, еже не поднимати руки против царя». Со времен Дмитрия Донского с этим «царем» велись многочисленные войны, наполнившие собой долгий, столетний период русской истории. Невозможно себе представить, чтобы великий князь, вступивший на престол без ярлыка, ни разу не побывавший в Орде, в течение ряда лет не плативший «выхода», тщательно готовившийся к борьбе с Ахматом и уже имевший опыт боевых столкновений с ним (под Алексином), мог реально, всерьез считаться с этой «клятвой», ставшей частью отрицаемой им «старины».

Представляется, что вопрос о «клятве», не нашедший никакого отклика в других источниках, — не более чем ораторско-эпистолярный прием,[308] нужный автору для введения в текст «Послания» длинного ряда нравоучительных сентенций и параллелей, имеющих определенную моральную и познавательную ценность, но не связанных по существу с историческими реалиями «Послания».

Наконец, последний реальный текст «Послания» конкретно связан с первыми боями на Угре: «. . .радуем бо ся и веселимся, слышаще доблести твоя крепость и твоего сына, Богом данную ему победу и великое мужество и храбрость, и твоего брата, государей наших, показавших против безбожных сил агарян. . .». Это место «Послания» представляет большой интерес. Оно позволяет точно датировать памятник: он написан после того, как в Москве узнали о боях на Угре и об отражении первого натиска Ахмата (т. е. о боях 8—11 октября, по данным Вологодско-Пермской летописи). «Послание» написано, таким образом, около 15 октября[309] и могло быть доставлено адресату около 20-го того же месяца. Андрей и Борис еще не подошли, на Угре продолжалась перестрелка, шли переговоры с Ахматом, не исключалось выступление Казимира, ожидалось решительное сражение. . . В этих условиях характерна оценка, данная архиепископом первым боям в устье Угры, — это победа, «возвеселившая сердца» москвичей. Успешное отражение первого натиска Ахмата не могло не повлиять на настроение жителей столицы, на моральное состояние войск и их руководства. Этот точно фикси-

рованный момент реальной исторической действительности дает своего рода ключ к анализу и оценке других исторических текстов «Послания».

Как видим, конкретные реалии «Послания» далеко не однородны по степени своей исторической достоверности. Автор правдоподобно освещает ход совещания в Москве и верно оценивает значение победы в октябрьских боях на Угре. Он знает о переговорах с Ахматом, но изображает их в публицистическом, а не фактическом плане; реальная действительность служит для него отправной точкой для моральных сентенций и для создания яркой художественной антитезы хищного Ахмата (в действительности охотно идущего на переговоры) и смиряющегося перед ним великого князя (фактически срывающего эти переговоры). Рассуждения о «клятве», которой «от предков» якобы связан великий князь, представляются чистой игрой ума и опять-таки поводом для философско-этических построений.

Какое же место в этом ряду занимают тексты о «злых советниках» и их «льстивых словесах»? Сам факт разногласий в ближайшем окружении великого князя по поводу тех или иных конкретных мер в связи с нашествием Ахмата представляется достаточно правдоподобным. В этом окружении могли быть (и, по-видимому, были) сторонники компромисса с ханом ценой определенных уступок ему. Но что они конкретно советовали главе Русского государства? Трудно себе представить, чтобы в реальной обстановке конца сентября—начала октября содержанием этих советов могло быть бегство из Русской земли, на чем настаивает «Послание» и идейно зависимый от него рассказ Софийско-Львовской летописи. После отражения Ахмата на Угре в боях 8—11 октября такого рода предложения были бы просто фантастичны. Думается, что, как и в тексте о переговорах с Ахматом, перед нами художественная гипербола, полемическая антитеза по типу «добро—зло», «мужество—трусость».

Какие же конкретные позитивные советы дает архиепископ великому князю? «Советующих ти не на благое отверзи и далече отгони, сиречь, отсеци, и не послушай совета их». Значит, не только «не послушай совета», но именно «отверзи» и «отгони» (по евангельскому тексту — «аще око твое соблажняет ти, то изботи его»). «Злые советники» должны быть, по мысли архиепископа, изгнаны из окружения великого князя, т. е. подвергнуты опале. Это первый конкретный совет автора «Послания».

Второй совет связан с поведением по отношению к Ахмату. «Изыди убо скоро в срѣтение ему... Аще ли убо ты, о крепкий и храбрый царю, и еще о... тебе христолюбивое воинство до крове и до смерти постражуть... блажени... будуте в вѣчном наслажении». Итак, не уклоняться от боя с татарами и в бою не бояться ран и смерти. Совет без сомнения правильный и пригодный для всех условий боевой обстановки, но именно поэтому лишенный реальной, материальной конкретности. Как и ропот московских горожан, готовящихся к защите своей столицы, призыв архиепископа Вассиана не содержит (и не может, разумеется, содержать) никаких конкретных

тактических рекомендаций, не предписывает определенного плана боевых действий.[310] Этот призыв сохраняет высокое нравственно-патриотическое звучание, но отнюдь не может рассматриваться как практическое руководство в конкретной реальной ситуации. Сражение с татарами могло произойти при самых разных обстоятельствах: на берегах Угры при отражении их атак, при попытках русских перейти самим в наступление, в глубине обороны русских на тыловых позициях в случае прорыва татар через Угру, под стенами самой Москвы. Патриотический призыв архиепископа во всех этих случаях одинаково справедлив и уместен.

Итак, «Послание на Угру», рассматриваемое в реально-историческом плане, имеет значение интересного и важного источника главным образом публицистического характера.

«Послание» дает возможность уточнить датировку некоторых событий, в частности, с несомненностью установить, что великий князь уехал из Москвы до получения известия о боях 8—11 октября (тем самым опровергая сведения Софийско-Львовской летописи). «Послание» позволяет расценивать своего автора как горячего патриота и талантливого, эрудированного проповедника-публициста, но отнюдь не как составителя конкретного плана борьбы с Ахматом, альтернативного тому, который реально осуществлялся русским руководством. Тем не менее ярко выраженная публицистическая тенденция «Послания» глубоко отразилась на летописной традиции и оказала сильнейшее влияние на позднейшую историографию именно в плане оценки конкретных событий на Угре и действий русского руководства. Хотя автор «Послания» относится с достаточным уважением к главе Русского государства, тенденциозно-враждебная интерпретация «Послания», особенно в Софийско-Львовской летописи,[311] положила начало одной из стойких и злополучных историографических легенд о трусости и неспособности русского руководства, о стихийном, анонимном характере победы над Ахматом и т. п.

Каковы социально-политические позиции автора «Послания»? В советской историографии по этому поводу высказываются разные точки зрения. И. П. Еремин (автор соответствующего раздела многотомного издания «История русской литературы») считает архиепископа Вассиана выразителем мнений прогрессивной «дворянской, централистской» «партии» в противоположность «партии» «боярской, феодальной, пугавшей Ивана III и советовавшей ему временно примириться с ханом».[312] Л. В. Черепнин нашел, что Вассиан в своем «Послании» выразил «пожелания посадских людей».[313] На близких позициях стоит и Я. С. Лурье.[314] В противоположность этим исследователям П. Н. Павлов высказал точку зрения, что Вассиан «был выразителем мнений церковно-боярской оппозиционной партии» и «примиренчески относился к реакционной части феодального класса».[315] Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют обнаружить в облике архиепископа Вассиана две черты. Первая из них — его близость к великому князю и солидарность с ним в ряде церковно-политических вопросов в про-

тивоположность позиции митрополита Геронтия (борьба с «новыми старцами» Кириллова монастыря, поддержка точки зрения Ивана III по поводу процедуры освящения Успенского собора). Вассиан несомненно пользовался доверием великого князя (крещение сына, миссия к мятежным князьям). Эти стороны деятельности Вассиана и его отношений с великим князем отражаются в летописных рассказах. Другую черту личности Вассиана и его отношения к Ивану III рисует его собственное «Послание» и связанные с ним летописные тексты. В своем «Послании» Вассиан не только выступает как патриот, но и достаточно критически оценивает действия и предполагаемые им намерения великого князя и резко осуждает его ближайших советников. Реальные сведения об архиепископе Вассиане не дают оснований для однозначной оценки его как деятеля. Вассиана нельзя считать активным членом клерикальной оппозиции, группировавшейся вокруг митрополита и связанной с удельно-княжескими кругами. В то же время его активное неприятие «советников» великого князя и по существу негативная позиция по отношению к действиям самого великого князя осенью 1480 г. свидетельствуют о серьезных внутренних расхождениях архиепископа с тем политическим курсом Ивана III, который обозначился к этому времени. Вассиан — достаточно сложная, разноплановая фигура: его нельзя считать ни принципиальным противником, ни безоговорочным союзником великого князя.

«Послание» не обнаруживает никаких связей Вассиана с московским посадом и не дает никакого повода считать его выразителем интересов посадских людей. Более вероятно предположить, что архиепископ — представитель тех умеренно-прогрессивных клерикальных кругов, которые поддерживали меры Ивана III, направленные на преодоление феодальной раздробленности, но отнюдь не стремились к коренным церковно-политическим реформам. А реформы эти достаточно четко встали на повестку дня уже во время Троицкого стояния в январе 1478 г., когда фактически была впервые проведена частичная секуляризация. Характерно, что «злые советники» не названы в «Послании» по именам — гнев архиепископа Вассиана вызывали, возможно, не только и не столько Мамон и Ощера, сравнительно второстепенные деятели, упоминаемые в Софийско-Львовском рассказе.[316] «Прежние развратницы» могли давать советы далеко не только по поводу борьбы с Ахматом.

С анонимными выпадами «Послания» против «злых советников» и «прежних развратников» несомненно связана концовка рассказа об Угре в Типографской летописи.

«Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татар, а не гонял никто. И по которым странам ходили, тем пуще стало татар от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских. Воздай же им, Господи, по делом их, и по лукавству начинания их, по делом рук их дай же им. Быша бо их и жены тамо, возлюбиша бо паче жены, неже православную хрестьянскую веру и святыя церкви... согласившася предати хрестиянству, ослепе бо злоба их».[317]

Итак, великая княгиня Софья была в «бегах» по собственной трусости и глупости — ее «не гонял никто». Фантастическая нелепость этого обвинения может быть сравнена только с его злобной тенденциозностью, пронизывающей в большей или меньшей мере все оппозиционные тексты об Угре. Но значительно интереснее следующее далее обвинение против «боярских холопов» (они же — «кровопивцы крестиянские»). «Холопи» эти, оказывается, вели себя «пуще татар», чем и заслужили, по мнению летописца, жесточайшие кары небесных сил. Далее оказывается, что эти «боярские холопи» были «тамо» с женами, которых они («холопи») возлюбили паче самой православной церкви. Сразу бросается в глаза и аналогия со строем мысли «Послания», и явная несообразность страшных обвинений с реальным обликом «боярских холопов» — в лучшем случае воинов-послужильцев, сопровождавших своих господ. Едва ли эти весьма скромные по своему общественному статусу люди способны были вызвать такой трагический пафос владычного летописца. Думается, что «боярские холопи» Типографской летописи, путешествующие со своими женами и строящие злые козни, — своего рода псевдоним. Это аналогия тех «злых советников» и «прежних развратников», которых бичует в своем «Послании» сам архиепископ.

Имена лиц, сопровождавших на Белоозеро государственную казну и великую княгиню Софью с детьми, известны. Софийско-львовский рассказ (Успенский летописец) называет В. Б. Тучка Морозова, А. М. Плещеева и дьяка Василия Долматова.[318] По-видимому, против них-то и направлены патетические проклятия летописца ростовского владыки. Кто же такие эти лица?

В. Б. Тучко был одним из членов правительственной делегации на переговорах с новгородцами в Паозерье во время Троицкого стояния зимой 1477/78 г.[319] Назначение его, а также его брата Ивана в состав этой делегации (наряду с князем И. Ю. Патрикеевым, Ф. Д. Хромым, князем Стригой Оболенским) свидетельствует о большой роли, которую играл Василий Борисович в правительственных кругах, и о значительном доверии к нему со стороны великого князя. 15 января 1478 г., в последний день вечевой республики, в составе той же делегации В. Б. Тучко приводит новгородцев к присяге.[320] В апреле 1480 г. он вместе с архиепископом Вассианом и В. Ф. Образцом отправляется в составе третьего посольства на переговоры с мятежными князьями в Великие Луки.[321] Это чрезвычайно важное и ответственное поручение также говорит о близости В. Б. Тучка к великому князю и об авторитете в его глазах. Об этом же свидетельствует и назначение В. Б. Тучка для сопровождения государственных ценностей и великокняжеской семьи при эвакуации на Белоозеро. Итак, в лице В. Б. Тучка перед нами не просто боярин, но один из самых доверенных и близких к великому князю людей. Обращает на себя внимание его активное участие в переговорах в Паозерье. Именно тогда, в декабре—январе 1477/78 г., был впервые поставлен вопрос о церковных имуществах и впервые практически осуществлена частичная, но довольно обширная секу-

ляризация монастырских и владычных земель. Вполне возможно, что В. Б. Тучко являлся одним из тех советников Ивана III, от кого, по выражению Берсеня Беклемишева, великий князь «встречу любил» и кого «за встречу жаловал». Об особой роли Василия Борисовича и его брата Ивана косвенно свидетельствует послание Ивана IV Курбскому: «Василей да Иван Тучки многая поносная и укоризненая словеса деду нашему великому государю Ивану износили».[322] «Встреча», за которую «жаловал» своих советников Иван III, в представлении его внука, человека другого склада и совсем иначе относившегося к своим советникам, была не чем иным, как «поносными и укоризненными словесами».

Ближайший советник великого князя, один из участников важной акции, направленной против церковных имуществ, Василий Борисович мог быть одиозной фигурой в глазах консервативных клерикалов.

Второй боярин, названный в числе сопровождавших великую княгиню Софью на Белоозеро, — Андрей Михайлович Плещеев. Как мы видели, осенью 1479 г., в канун феодального мятежа, Андрей Михайлович посылается к князю Борису Волоцкому с требованием выдачи бежавшего к нему князя Ивана Лыка Оболенского, обвиненного по суду в злоупотреблениях властью на посту наместника Великих Лук.[323] Это деликатное поручение, связанное с наиболее тонкими и ответственными сторонами межкняжеских отношений, свидетельствует о доверии Ивана III к лояльности и дипломатическому искусству А. М. Плещеева. Великий князь знал, на кого опереться в спорах с братьями. В феврале 1480 г., получив известие о начале мятежа удельных князей, великий князь посылает к ним во Ржеву того же Андрея Михайловича, который, таким образом, проводит первый тур переговоров с мятежниками, уговаривая их вернуться в свои уделы («они же не возвратишася»).[324] В разрядных записях за 1485 г. Андрей Михайлович упоминается на втором месте в числе бояр, оставленных в Москве во время похода на Тверь.[325] Свое положение он сохраняет до конца жизни. Еще в июле 1490 г. по распоряжению великого князя Андрей Михайлович встречает императорского посла Делатора (Георга фон Турна) «перед полатою перед малою»,[326] а уже 19 августа следующего года митрополиту Зосиме «явлена» его духовная.[327] Андрей Михайлович — крупный вотчинник, владевший землями в Московском, Ростовском, Переяславском и Дмитровском уездах. По жалованию великого князя он купил с. Приимково, родовое гнездо ростовских князей Приимковых. Вотчина московского боярина растет за счет распада старого удельно-княжеского землевладения. Любопытно, что Андрей Михайлович (как и В. Б. Тучко) не завещает в духовной никаких вкладов в монастыри — ни землей, ни деньгами.[328]

Кто же такой Василий Долматов, третий в числе лиц, сопровождавших великую княгиню на Белоозеро?[329] В 1472 г. — это еще Васюк Долматов, дьяк князя Юрия Васильевича, писавший его духовную.[330] Затем он переходит на службу к великому князю. Первое свидетельство об этом — его присутствие в составе послухов

при составлении поручной кабалы И. Н. Воронцова на князя Д. Дм. Холмского в начале марта 1474 г.[331] В документе он назван после дьяка Алексея Полуектова. Около этого же времени появляются подписи дьяка Василия Долматова и на великокняжеских актах.[332] Осенью 1475 г. он сопровождает Ивана III в «походе миром» в Новгород и выполняет роль пристава, данного новгородским «жалобникам» на их обидчиков — посадников и бояр.[333] Весьма ответственная миссия возлагается на Василия Долматова в апреле 1477 г., когда он отправляется в составе великокняжеской делегации вместе с боярином Ф. Д. Хромым и И. Б. Тучко Морозовым для переговоров с новгородцами о том, «какого они хотят государства».[334] Московские послы, привезшие новгородцам категорические требования великого князя, должны были проявить не только дипломатическое искусство, но и личное мужество, рискуя своей жизнью перед лицом разъяренного новгородского веча, расправившегося с «приятными» Москве боярами.[335] Осенью 1477 г. Василий Долматов сопровождает великого князя в новгородский поход и по его поручению отвечает новгородским «опасчикам», разрешая приехать депутации для переговоров.[336]

В начале 80-х гг. Василий Долматов исполняет обязанности дьяка при Иване Молодом, наделенном титулом великого князя. Так, в июле 1484 г. он подписывает грамоту великого князя Ивана Ивановича («коли был в Суждале») Спасо-Евфимьеву монастырю.[337] Есть подписи Долматова и на переяславских судебных актах Ивана Молодого.[338] В сентябре 1485 г. Василий Долматов посылается (вместе с дьяками Леонтием и Романом Алексеевыми) в Тверь (только что открывшую ворота войскам великого князя) «граждан всех к целованию привести да и от своеи силы беречи, чтобы их не грабили».[339]

С другим аспектом деятельности Долматова знакомят посольские дела. В октябре 1487 г. королевский посол князь Тимофей Мосальский передал Ивану III жалобу подвластных Литве Крошинских князей: «. . .занял их волости. . . Тешиново, а Сукромно, а Олховец, а Надславль, а Отъездец, а держит деи то от тебя Василий Долматов».[340] В ноябре 1492 г. послы Александра Литовского Станислав Глебович и Иван Владычко повторили эту жалобу: «Василей Долматов, дьяк великого князя, того ж Тешинова отнял в них три волости, а посадил болей двух сот семей. . .».[341] Дьяк Василий Долматов активно участвует в «малой» пограничной войне на литовском рубеже — он осваивает для Русского государства земли, захваченные Литвой при Витовте («отчина и дедина от великого князя Витовта», по свидетельству литовских послов [342]), и создает на них русские слободы.

Наиболее ответственное поручение Василий Долматов выполняет в 80-х гг. на Белоозере. По словам местных жителей, «писали Белоозеро писцы великого князя князь Федор Федорович Алабыш да Василей Долматов, а у всех. . . монастырей дворы отнимали в городе, а давали им. . . места под дворы в меру по тритцати сажен и с огородом, а что. . . за тою мерою осталось дворов. . . приписали

те дворы к городу».[343] Но деятельность Долматова не ограничивалась г. Белоозером. Как выяснилось на судебных процессах 90-х гг. между Кирилловым монастырем и крестьянами, дьяк Василий Долматов отобрал у властей монастыря их грамоты на землю.[344] Очевидно, готовился пересмотр владельческих прав этого крупнейшего после Троицы русского монастыря-землевладельца. Земельные акты были изъяты и у Ферапонтова монастыря.[345]

С середины 90-х гг. имя Василия Долматова исчезает из источников. Осенью 1495 г. в последней поездке великого князя в Новгород принимают участие сыновья Василия Ивановича: Иван Тучко, Михайлов, Савинко, Третьяк и Федор (они числятся в рубрике детей боярских).[346]

Итак, Василий Долматов — далеко не ординарный человек. На протяжении двух десятков лет он выполнял ответственнейшие поручения, активно проводил политику великого князя и пользовался, по-видимому, его полным доверием. Особое внимание обращает на себя деятельность Василия Долматова на Белоозере, непосредственно связанная с подготовкой и проведением важнейших реформ Ивана III в области «посадского строения» и землевладения. Необходимо подчеркнуть, что обе реформы прямо затрагивали интересы крупнейших церковных феодалов.

Бояре и дьяк, поименно названные в софийско-львовском рассказе (Успенский летописец), характеризуются той общей основной чертой, что все они — действительно ближайшие советники великого князя, виднейшие деятели его правительственного аппарата и активные его сотрудники в проведении важнейших реформ. Именно они могли быть в глазах клерикалов (в том числе и архиепископа Вассиана) «прежними развратницами» и «злыми советниками», могли вызывать то озлобление, которое пронизывает тексты оппозиционных рассказов о событиях 1480 г.

„Богатые и брюхатые" и консервативная оппозиция

Ожесточенные выпады «Послания» и связанных с ним летописных текстов против «злых советников», «богатых и брюхатых» и т. д. приводят и к более широкой постановке вопроса.

В историографии довольно прочно держится мнение о достаточно заметной и сильной боярской оппозиции, проявившейся именно в период борьбы на Угре. Наиболее четко этот вопрос поставлен в исследованиях Я. С. Лурье и С. Б. Веселовского. В своей ранней работе Я. С. Лурье констатировал в общей форме наличие боярской оппозиции и отождествил ее с противниками активной борьбы с Ахматом, отметив связь этой оппозиции с великой княгиней Софьей.[347] В более развернутом виде этот вопрос рассмотрен в позднейших работах того же автора. Отмечая, что против борьбы с татарами выступило «несколько видных приближенных великого князя», Я. С. Лурье считает события на Угре «толчком», под влия-

нием которого противоречия между московским боярством и великим князем обнаружились достаточно определенно.[348] По его мнению, «богатые и брюхатые» сторонники соглашения с ханом (или капитуляции перед ним) и были представителями боярской оппозиции: «. . .против борьбы с ханом в 1480 г. . . . выступила реакционная влиятельная группа бояр».[349] К этой группе, видимо, можно отнести В. Б. Тучка,[350] И. В. Ощеру Сорокоумова-Глебова, Г. А. Мамона и некоторых других — именно тех, которые подвергаются резкому осуждению на страницах летописи, а позднее — в начале 80-х гг. — опале. К числу опальных относятся И. И. Салтык Травин, Иван Руно и др.[351]

Наибольшее внимание боярской оппозиции уделил С. Б. Веселовский. Исходя из списка новгородских помещиков — бывших послужильцев московских бояр,[352] он высказал мысль, что бывшие господа этих послужильцев «подверглись опале перед 1481 г.», будучи «представителями крупной боярской партии, пришедшей в столкновение с великим князем Иваном».[353] Если исключить из списка, приведенного С. Б. Веселовским, князя И. Ю. Патрикеева и князя С. И. Хрипуна Ряполовского, о времени опалы которых хорошо известно (как и о том, что она не имела никакого отношения к Стоянию на Угре — событию к тому времени почти двадцатилетней давности), в числе предполагаемых опальных остается семь человек. Это И. И. Салтык Травин, В. Ф. Образец Симский, М. Я. Русалка Морозов, Иван Руно, В. Б. и И. Б. Тучки Морозовы и Андрей Шеремет.[354] Они включены в список опальных потому, что их послужильцы в писцовых книгах конца XV в. названы в числе новгородских помещиков. В таком случае к ним надо добавить и И. В. Ощеру. Новейший и наиболее внимательный исследователь «Поганой книги» — списков бывших княжеских и боярских послужильцев, испомещенных в конце XV в. на Новгородской земле, Г. В. Абрамович пополняет список опальных еще одной фамилией — Товарковых.[355] Является ли, однако, факт появления бывших послужильцев в составе помещиков достаточным основанием для суждения об опале, постигшей бывших «государей» этих послужильцев? Это можно проверить на материалах, относящихся к четырем из перечисленных восьми лиц.

Окольничий И. В. Ощера, сопровождавший великого князя в Новгород в 1475 и 1479 гг., был, как мы видели, одним из самых старых и опытных деятелей в окружении великого князя. Софийско-львовский рассказ (Успенский летописец) жестоко осуждает его: он и Г. А. Мамон «бояре богати. . . не думаючи против татар за крестьянство стояти и бития, думаючи бежати прочь, а хрестьянство выдать».[356] На этом основано предположение С. Б. Веселовского, что И. В. Ощера и Г. А. Мамон «были представителями партии, противной В. Б. Тучко с товарищами»: Ощера и Мамон — сторонники, а В. Б. Тучко — противник соглашения с Ахматом.[357] Новиковский список думных людей указывает, что Ощера умер в 1486 г.[358] Однако это ошибка. 27 февраля 1486 г. с доклада митрополиту Геронтию Ощера взял в пожизненное владение у митропо-

личьего Новинского монастыря с. Кудрино, «что было за Иваном Товарковым».[359] Умер он, по-видимому, около 1493 г. — в марте этого года его вдова Федосья и сын Иван сделали вклад его душе — с. Ощерино-Захарьинское на р. Гуслице в Московском уезде.[360] Сын Ощеры Иван в 1495 г. назван стольником в свите великой княжны Елены в ее поездке в Вильно,[361] в 1496 г. был послан в Молдавию,[362] а в 1503 г. — в Крым.[363] Таким образом, источники не содержат никаких данных об опале Ощеры.

Попутно отметим, что нет никаких сведений и об опале другого «злого советника», названного в софийско-львовском рассказе, — Мамона. Григорий Андреевич (в Софийско-Львовской летописи ошибочно «Васильевич») Мамон — сын Андрея Дмитриевича, боярина князя Ивана Андреевича Можайского.[364] В 1442/43 г. князь «поимал» этого боярина, а жену его Марию «зжегл».[365] Следует отметить, что в годы феодальной войны князь Иван Можайский был союзником Шемяки и активным противником Василия Темного. О деятельности самого Григория Мамона в источниках сведений нет; согласно Новиковскому списку думных людей, ему в 1499/1500 г. было «сказано» окольничество, а в 1509/10 г. он умер.[366] По тому же источнику его сын Иван был в 1502/03 г. окольничим, а в 1504/05 г. умер.[367] Другой сын Мамона Иван Меньшой в 1495 г. назван в числе детей боярских, сопровождавших Ивана III в его последней поездке в Новгород.[368] Иван Григорьевич Мамонов занимал видное место в ряду русских дипломатов конца XV—начала XVI в. В 1499 г. он дважды ездил послом в Литву,[369] в 1500—1502 гг. был послом в Крыму,[370] в 1515 г. умер в Крыму во время очередного посольства.[371]

Следует отметить, что одна из миссий И. Г. Мамонова носила сугубо секретный, конфиденциальный характер: отправленный 30 мая 1499 г. к Александру Литовскому, он должен был добиться аудиенции у великой княгини Елены и передать ей лично устное послание отца в связи с начавшимися в Литве притеснениями православного русского населения.[372] Это свидетельствует о том, что И. Г. Мамонов пользовался полным доверием Ивана III. «Злые советники» софийско-львовского рассказа в глазах великого князя вовсе не были таковыми — после 1480 г. они и их дети продолжали пользоваться его расположением.

И. И. Салтык Травин — выходец из захудавшего рода смоленских княжат Фоминских, издавна связанных с Москвой и игравших видную роль в первой половине XV в.[373] Сам он — активный участник походов русских ратей в 60—80-х гг. XV в. В 1469 г. в числе других детей боярских двора великого князя Салтык посылается на Устюг для похода на Казань.[374] В 1483 г. он возглавляет вологжан в большом походе за Уральский хребет — одном из самых замечательных военных предприятий того времени.[375] Сохранилась его духовная, составленная перед отправлением в этот поход. В ней Салтык распоряжается своим движимым и недвижимым (два села в Московском уезде) имуществом. В духовной Салтыка характерна фраза: «А што мои слуги, то все и з женами и з детми на слобо-

ду».[376] Значит, готовясь к возможной гибели в походе, Салтык завещал распустить свой двор. Дата его смерти неизвестна. В походе 1483 г. он не погиб, летом 1489 г. он — первый воевода судовой рати, идущей на Вятку.[377] Духовная его, видимо, была реализована: современный список ее попал в архив Троицкого монастыря. Бывшие «слуги» (послужильцы) Салтыка, отпущенные на «слободу», могли в дальнейшем оказаться на службе великого князя.

Нет данных и об опале В. Ф. Образца Симского. Принимая версию о его опале в начале 80-х гг. и о роспуске его двора как признаке этой опалы, С. Б. Веселовский вместе с тем справедливо отмечает, что «карьера В. Ф. Образца от этого не пострадала».[378] Действительно, в 1485 г. мы видим Образца наместником в только что присоединенной Твери.[379] Его жена Мария записана в синодике Успенского собора среди больших боярынь великокняжеского двора. С. Б. Веселовский с полным основанием видит в этом признак близости Образца ко двору. Ввиду этого версия самого С. Б. Веселовского, что Образец был подвергнут немилости как представитель «политики примирения» с удельными князьями Андреем и Борисом и уступок им (во имя решительных наступательных действий против Ахмата), представляется весьма недоказательной. Послужильцы Образца могли попасть в число новгородских помещиков после отпуска на волю своим господином, вне связи с его гипотетической опалой.

Нет данных и об опале М. Я. Русалки Морозова, дворецкого в походе 1479 г. на Новгород. В июне 1490 г. Русалка ведет от имени великого князя переговоры в Москве с послом Казимира Литовского Станиславом Петрашкевичем,[380] в январе 1495 г. он — второй посол к Александру Литовскому в свите великой княжны Елены.[381] Осенью того же года М. Я. Русалка участвует в торжественной церемонии поставления митрополита Симона («осля тогда водил под митрополитом»)[382] и в качестве боярина сопровождает Ивана III в его последнюю поездку в Новгород.[383] По данным Шереметевского списка думных людей, он умер только в 1500/01 г.[384] Таким образом, по крайней мере в трех случаях (из семи, приведенных С. Б. Веселовским) у нас нет достаточных оснований связывать появление помещиков из послужильцев с опалой их господ. Это заставляет поставить под сомнение сам критерий, избранный С. Б. Веселовским (и воспринятый в позднейшей историографии).

Нет данных и об опале Товарковых. Иван Федорович Ус Товарков, которого С. Б. Веселовский назвал «выдающимся человеком последней четверти XV в.», 20 октября 1483 г. разбирал земельный спор с боярами князя Бориса Волоцкого.[385] Умер Иван Федорович, по-видимому, около 1486 г. — в феврале этого года с. Кудрино, бывшее за ним, было передано в пожизненное держание Ощере.[386] В духовной грамоте Ивана III упоминается слобода «на Шане. . . по Угру», «что Товарков садил»[387] (населенный пункт Товарково сохранился на Угре до наших дней).

Сын Ивана Уса Иван Иванович (в походе на Новгород

1479 г. — сын боярский)[388] был впоследствии окольничим.[389] 6 декабря 1505 г. он «приказал» подтверждение жалованной грамоты Троицкому монастырю на с. Илемну.[390] Ввиду этого нет основания согласиться с гипотезой Г. В. Абрамовича об опале Товарковых и о том, что в отличие от Тучковых «их карьера больше не восстановилась».[391]

В. Б. Тучко действительно подвергался опале, о чем пишет в своей духовной («господарь князь великий» смиловался,отдал ему конфискованные было села)[392] и о чем есть прямое указание в летописи.[393] В духовной поименно перечисляется большое количество холопов и страдных людей, завещаемых единственному наследнику — сыну Михаилу, но делается важная (и обычная в духовных) оговорка: «. . .а что мои холопы и робы в сей духовной не писаны, тех всех людей отпустил есми их на слободу. . . и приказники мои тем людям дают свои грамоты отпускные».[394] Значит, и в этом случае нет бесспорных оснований для того, чтобы связывать появление послужильцев Тучка среди новгородских помещиков с опалой их господина. Как и в других случаях, послужильцы Тучка могли попасть в число помещиков не обязательно вследствие его опалы и роспуска двора — они могли воспользоваться своей свободой и стать служилыми людьми великого князя.[395] У нас нет никаких оснований связывать опалу Борисовичей Тучков (последовавшую, по данным Ермолинской летописи, в 1484/85 г.) с событиями на Угре в 1480 г. Гипотеза, предложенная С. Б. Веселовским по этому поводу («поносные слова и укоризны» В. Б. Тучка, о которых почти сто лет спустя писал Иван IV Курбскому, «могли быть сказаны. . . по поводу чрезмерной, как тогда казалось многим, осторожности и даже трусости вел. кн. Ивана»),[396] не кажется достаточно убедительной — она в сущности носит чисто умозрительный характер. В 1480 г. В. Б. Тучко выполнял важное и ответственное поручение великого князя, обеспечивая эвакуацию из Москвы на Белоозеро великой княгини Софьи с детьми и государственной казны.[397] Это свидетельствует о полном доверии к нему, а не о его конфликте с великим князем.

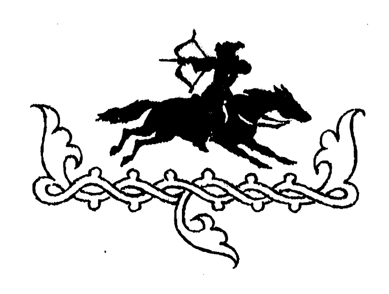
Итак, в нашем распоряжении нет данных о каких-либо боярских опалах, связанных с событиями 1480 г. Каковы бы ни были разногласия и споры по поводу конкретных мер или предположений правительства, они не приводили к наказанию тех или иных лиц. А это в свою очередь означает, что разногласия в среде ближайших советников великого князя на данном этапе не носили характера оппозиции и не приводили к расколу в составе его думных людей. Удельно-клерикальная оппозиция, в существовании которой нельзя сомневаться, не находила заметной опоры в боярской среде, среди ближайших думцев и слуг великого князя, в составе его аппарата управления.

Тенденциозные летописные тексты о событиях 1480 г. отражают оппозиционные настроения удельно-клерикальных кругов, защитников «старины». Консервативная оппозиция не представляла собой сплоченной группировки. По тем или иным важным полити-

ческим вопросам ее представители могли иметь достаточно разнообразные мнения. В важнейшем для удельных князей вопросе о прерогативах их власти князья оказались на разных позициях. Если Андрей Углицкий и Борис Волоцкий подняли мятеж во имя сохранения своих политических прав, то Михаил Верейский на это не решился (несмотря на конфликт с великим князем по поводу Кириллова монастыря) и, как и Андрей Вологодский, остался лояльным по отношению к Ивану III. В критические месяцы феодального мятежа оппозиция не смогла существенно повлиять на ход событий, хотя и сочувствовала мятежникам (митрополит, великая княгиня Марфа).

На разных позициях оказались и церковные иерархи в важнейшем для себя вопросе о взаимоотношениях с государственной властью. В то время как митрополит Геронтий вступал в открытый конфликт с великим князем, архиепископ Вассиан сотрудничал с правительством, хотя и он сам, и его ближайшее окружение были настроены достаточно критически.

Смертельная угроза, нависшая над Русской землей летом— осенью 1480 г., заставила на время забыть старые распри и отодвинула частные групповые интересы на задний план. Митрополит Геронтий и архиепископ Вассиан оказались в одном лагере, поддерживая важнейшее решение Ивана III оказать решительное сопротивление Ахмату. Даже удельные князья — мятежники верно и исправно служили Русскому государству в последние недели Стояния на Угре. Однако не следует преувеличивать степень консолидации верхов господствующего класса. В верхах сохранялись — и не могли не сохраняться — серьезные, глубокие противоречия, порождаемые основным социально-политическим процессом эпохи — созданием централизованного государства.

Глава III

Русское государство в начале 80х гг. XV в.

Борьба на рубежах

Торжества в Москве по случаю отражения нашествия Ахмата не означали, что русское правительство считало исход борьбы с Ордой окончательно и навсегда решенным. Грозное ордынское войско, растаявшее в ноябрьском тумане, могло снова появиться на русских границах. В этом смысле весьма характерен наказ, данный 26 апреля 1481 г. новому русскому послу в Крым Т. И. Скрябе.[1] Имея уже сведения о гибели Ахмата, великий князь относится к ним крайне осторожно: «. . .нынеча пак ко мне весть пришла, что Ахмата царя в животе не стало». Не исключается, что это известие ложно: «. . .какими делы будет изолгалася та весть, что Ахмата царя в животе не стало». Самое же главное, гибели Ахмата не придавали решающего значения: допускается, что даже в случае смерти Ахмата «кто будет на том юрте царь, а покочюет к великого князя земле». Русскому послу ставилась задача добиться возобновления и подтверждения союза с Менгли-Гиреем. При этом предусматривалось два варианта. В переговорах с ханом Тимофей Скряба должен был настаивать, чтобы Менгли «пошел на Ахмата царя или кто иной на том юрте будет царь», подчеркивая, что «осподарь мой князь великий. . . о том мне не приказал бити челом,

чтобы тебе на Литовскую землю пойти». В глазах русского правительства это был наиболее желательный вариант. Только в случае категорического отказа Менгли от выступления против Орды («не пойдет таки на Ахмата царя или кто иной будет на том юрте царь») и при достоверных известиях («весть полная»), «что король пошол на великого князя», посол должен был «говорити о том, чтобы царь сам всел на конь да пошол на короля».[2]

Как видим, инструкции Скрябе в апреле 1481 г. отличались от тех, с которыми за год до него отправился к Менгли князь Иван Звенец Звенигородский. Во-первых, нападение крымцев на Литву считалось теперь желательным не вообще, а только в том случае, если король заведомо выступит против Русского государства; во-вторых, еще больше подчеркивалась главная цель союза — совместная борьба с Ордой.

Эти отличия представляются важными с точки зрения оценки русским правительством военно-политической ситуации к весне 1481 г. Основным результатом осенней кампании 1480 г. русское правительство считало спасение своей страны от вторжения Орды Ахмата («Бог милосердный как хотел, так нас от него помиловал»). Но сам характер боевых действий на Оке и Угре, не приведший к решительному сражению, не давал оснований для уверенности, что с ордынской опасностью покончено навсегда. Трезво оценивая обстановку, русское правительство готовилось к возобновлению борьбы с Ордой и стремилось создать наиболее выгодную стратегическую комбинацию — удар Менгли-Гирея против Ахмата или его преемника, что в сочетании с упорной обороной русскими войсками водных рубежей действительно могло привести к полному разгрому Орды.

Показательно и явно несочувственное отношение Ивана III к возможности нападения Ахмата на владения Казимира, т. е. в сущности на русские земли, входящие в состав Польши и Литвы. Это может объясняться прежде всего тем, что, исходя из опыта предыдущей кампании, великий князь теперь скептически относился к возможности выступления Казимира. В этом случае нападение крымцев на окраины владений Казимира не принесло бы никакой реальной пользы русским войскам, держащим оборону против Орды, как это и было в октябре 1480 г. Более того, вполне вероятно, что Иван III так или иначе был осведомлен о движении русского населения Литвы и Польши за воссоединение с Русским государством и не хотел без крайней нужды подставлять русские земли под удары крымцев.

Во всяком случае посольские инструкции Тимофею Скрябе отражают твердую решимость великого князя продолжать борьбу с Ордой до полной победы, используя опыт предыдущей успешной кампании и стремясь как можно полнее реализовать союз с Менгли. Эта готовность к продолжению борьбы с Ордой, казавшейся весной 1481 г. вполне реальной, должна учитываться при исследовании политики Русского государства зимой 1481/82 г.

Однако предосторожности, принимавшиеся в Москве против

нового нашествия, сами по себе разумные и отражающие одну из наиболее характерных черт политики великого князя — дальновидную осторожность и предусмотрительность, оказались уже излишни: отступление от Оки и Угры в ноябре 1480 г. стало последней акцией хана Ахмата. Уже в январе 1481 г. Менгли-Гирей официально сообщил королю Казимиру: «Генъвара месеца у двадцать перъвый (день) пришод цар Шибаньский Айбак, солтан его, а Макъму князь, а Обат Муръза, а Муса, а Евъкгурчи. Пришод, Ахматову орду подопътали, Ахмата царя умертвили, вси люди его и вълусы побрали, побравши проч пошли. А князь Тымир с Ахмата царевыми детьми и с слугами к нам прибегли, и пригорнулися пришли. Над Охматом царом так ся стало: вмер. Нам брат он был, а вам приятель был».[3] Это послание, сохранившееся в Литовской метрике, — первое достоверное свидетельство о судьбе некогда грозного хана, еще вчера претендовавшего на господство над Русской землей.

В русских источниках наиболее подробное известие о гибели Ахмата содержится в рассказе Архангелогородского летописца. «Тое же зимы (1480/81 г. — *Ю. А.*) слыша царь Ивак Шабанский, что царь Ахмат идет с Руси, и воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и прииде царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков. И взем с собою шурью свою из Нагаи, Мусу мырзу, да Ямгурьчеи мырза, а с ними силы пять на десять тысящ казаков, и перевезеся Волгу на горнюю сторону, а уже осень. И поиде на переем на Ахмата царя, и перенял след его за Доном, и поиде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделися своими ити салтаны, на зимовище приде и сти зимовати раслашася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него утре изноровяся, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахъматову и уби его своими руками. А силы межи собою не билися. А шибаны с нагаи начаша Ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою перевел. Того же лета царь Ивак послал посла своего Чюмгура князя к великому князю Ивану Васильевичю и к сыну его великому князю Ивану Ивановичю с радостию, что супостата твоего есми убил, царя Ахмата. И князь великии посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честию, а царю Иваку теш послали».[4]

Другой (краткий) рассказ читается в Вологодско-Пермской и Холмогорской летописях: «И приде на него (Ахмата. — *Ю. А.*) из Заволжья Ногаевичь князь Иванча Ногайский князь. И самого его уби. А царевичи же, дети его, убежаша. А дочерь его взя, и орду разпустоша, и базар разграби, и полон весь за Волгу перевезе в Ногаи».[5] Еще более краткое известие содержится в Львовской летописи: «Егда же прииде (Ахмат. — *Ю. А.*) в Орду, и прииде на него князь Ивак Ногайский и Орду взя. А самого безбожного царя Ахмата уби шурин его, ногайскый мурза Амгурчей».[6]

Сопоставление летописных русских известий с посланием Менгли Казимиру приводит к выводу, что рассказ Архангелогородского летописца отличается большой степенью достоверности: фактически он не противоречит официальным данным крымского хана, а только дополняет их вполне правдоподобными подробностями. Архангелогородский рассказ восходит, по-видимому, к официальной миссии князя Чюмгура, привезшего в Москву сообщение о победе Ивака над Ахматом. Возможно, в нем отразились и донесения русских разведчиков — от них скорее всего можно было ожидать точную датировку событий.

В январе 1481 г. в донских степях действительно произошла катастрофа, положившая конец державе Ахмата. Хан и его орда, утомленные долгим и бесплодным походом, потеряли бдительность и были застигнуты врасплох одним из соперников Ахмата, которого он хотел подчинить своей власти. В архангелогородском рассказе обращает на себя внимание известие о «полоне и богатстве», вывезенном Ахматом из разоренных литовских (т. е. в сущности русских) областей. Это-то богатство «бесчисленно» и соблазнило шибанского хана, повлияв на его решение напасть на своего врага. Весьма характерно также известие, что «силы межи собою не билися». Деморализованные ордынцы Ахмата не сумели или не захотели оказать организованного сопротивления силам Ивака. Возможно, Ахмат уже потерял свой авторитет военного вождя, поддерживаемый главным образом реальными военно-политическими успехами: награбленное в русских волостях во владениях Казимира не могло идти ни в какое сравнение с добычей, на которую надеялись ордынцы в Русской земле. Убийство Ахмата (Иваком или Ямгурчеем) привело к мгновенному распаду его войска. Сыновья и ближайший друг и советник Темир бежали к крымскому хану, дочь, вполне возможно, захваченная в плен, оказалась в руках врагов, все богатство Орды захвачено и перевезено за Волгу. Пятидневное стояние Ивака «на Ахматове орде» означало полный ее разгром.

Решающим фактором, приведшим Ахмата к гибели, а его Орду к разгрому, было поражение в осенней кампании 1480 г. Именно оно заставило усомниться в прочности военного могущества хана и вдохнуло в его вассалов надежду на успех борьбы с ним. Поражение в русской кампании дало толчок центробежным силам в отжившей свой век империи Чингизидов и показало всю эфемерность мечтаний Ахмата о восстановлении былого блеска Золотой Орды.

Ивак, нанесший заключительный удар по Орде Ахмата,— выходец из династии Шейбанидов, потомков внука Чингисхана. Дед Ивака Хаджи-Мухаммед был основателем Тюменского ханства. При Иваке Тюменское ханство достигло расцвета, охватив значительную часть Западной Сибири.[7] Выступление Ивака против Ахмата было закономерным следствием борьбы Чингизидов за преобладание в разрушающемся улусе. Программа Ахмата, стремившегося к реставрации Золотой Орды, не могла не натолкнуться на

активное противодействие его соперников, стоявших на том же уровне социально-политического развития. Архаическая кочевая империя шла к своему неизбежному концу. В борьбу против нее втягивались народы на огромных пространствах Восточной Европы и Западной Сибири. Однако если борьба тюменского хана против сарайского носила, так сказать, внутриулусный характер и не меняла социально-политических отношений по существу, то борьба Русского государства за свою независимость приводила к принципиальным сдвигам качественного характера и открывала перед народами Восточной Европы новые перспективы развития. Победа осенью 1480 г. на Угре не только обеспечила независимость Русского государства, но и послужила толчком к крупнейшим изменениям в политической ситуации на востоке Европы и севере Азии.

Борьба с орденской агрессией требовала организации нового похода против магистра, причем в кратчайшие сроки — до возможного возобновления похода против Орды. Этим и объясняется, что зимой 1480/81 г. русские войска отправляются «в немецкие земли воевати и на князя-местера за их неисправление» — в наказание за нападение на Псков, «егда царь на Угре стоял и братья отступиша от великого князя».[8] Этот зимний поход был, таким образом, не чем иным, как продолжением войны, начатой Орденом в январе 1480 г. Рассказ о походе содержится в Московской и Симеоновской летописях, тексты которых восходят, по-видимому, к одному официальному источнику, расходясь между собой в деталях. Псковские летописи дают свою независимую версию событий. Львовская летопись содержит некоторые самостоятельные известия. По данным Московской летописи, в походе приняли участие полки воевод князей Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского,[9] присланные, по-видимому, из Москвы, новгородские полки во главе с наместниками князем Василием Федоровичем Шуйским и Иваном Зиновьевичем Станищевым[10] и Псковский полк во главе с князем-наместником В. В. Шуйским.[11] Симеоновская летопись кроме этих великокняжеских воевод называет новгородских бояр Василия Казимира и Александра Самсонова.[12]

Следовательно, к началу 1481 г. в Новгороде еще сохранились черты старой военной организации: новгородские бояре шли в поход со своими полками рядом с полками новгородских наместников великого князя.

По сообщению Псковской I летописи, поход был совершен по просьбе псковичей, которые «биша челом. . . великому князю. . . чтобы дал воевод своих с силою на немцы». Великий князь внял челобитью и велел новгородским наместникам «и посадникам и тысяцким и всем мужам новгородцем» идти в поход «со псковичами за псковскую обиду».[13] Это известие подтверждает данные Симеоновской летописи о сохранении новгородской военной организации. Новгородские полки прибыли в Псков 16 января 1481 г. и стали на Полонище. 11 февраля подошли московские воеводы князья Я. В. Оболенский и И. В. Булгак[14] с 20-тысячным войском,[15] разместившись на Запсковье. Русское командование вы-

жидало сбора всех своих сил, дало им необходимый отдых и уже после этого приступило к решительным действиям. Войска выступили в поход «на мясной неделе», т. е. между 18 и 25 февраля.

По данным Московской летописи, войска шли «многыми дорогами жгучи и воюючи... и немец секучи и в полон емлючи».[16] Псковская II летопись свидетельствует, что войска шли тремя колоннами.[17] 1 марта русские войска впервые подошли к столице магистра Феллину (Вельяд).[18] За день до этого магистр бросил город и «побежал» к Риге. Князь В. Ф. Шуйский со своим полком гнался за ним на протяжении 50 верст, но не догнал, хотя и захватил его обоз. Начались бомбардировка города из пушек, пищалей и тюфяков и подготовка штурма. В результате бомбардировки была разрушена стена охабня (внешнего укрепления); русские войска взяли и сожгли посад и пригородные села.[19] Гарнизон цитадели запросил пощады. Воеводы Иван Булгак и Ярослав Оболенский назначили окуп в 2 тыс. руб. и согласились отступить от города. Русские взяли Тарваст и Вельяд и «плениша и пожгоша всю землю немецкую от Юрьева и до Риги».[20] Впервые русские войска подошли к самому центру земель Ливонского ордена.

Поход крупных сил по глубокому снегу в разгар лютой зимы («бе бо тогды мрази силно велици, а снег человеку в пазуху, аще у кого конь свернут з дорозе, ино двое али трое одва выволокут»)[21] был для немцев полной неожиданностью. По словам того же псковского летописца, «яко же неции рекоша, и Псков стал, не бывало тако».[22] В действиях русских войск можно отметить стремление нанести удар по главному центру вражеских земель, не отвлекаясь на второстепенные объекты. Если в феврале 1480 г. князь А. Н. Оболенский со своими силами наносил удар по Дерпту (Юрьеву) и немецким укреплениям на р. Эмбах (Омовжа), то теперь русские войска наступают на столицу самого магистра, оставляя Дерпт в стороне. Нанесение главного удара по основному политическому центру вражеской страны свидетельствует о верном стратегическом мышлении русского командования. Русским удалось достичь полной стратегической внезапности. Хотя войска шли разными дорогами, разоряя по средневековым обычаям страну, главные силы с артиллерией держались вместе. Об этом свидетельствует взятие городов, отстоящих друг от друга на 20—25 км. Заслуживает внимания также применение артиллерии в условиях зимнего времени. Выступив из Пскова около 18—20 февраля, русские войска с тяжелой осадной артиллерией подошли к Феллину 1 марта, пройдя за 8—10 дней около 160 км. Средний темп движения составлял, таким образом, около 20 км в сутки.

Впервые за длительный период войн с Орденом русские войска перешли от стратегической обороны к решительному стратегическому наступлению, впервые они так глубоко проникли в Ливонию, впервые за 200 лет после Раковорской битвы 1268 г. над Орденом была одержана действительно большая победа.[23] Ближайшее следствие ее — заключение 1 сентября 1481 г. новых договоров —

договора Пскова с Ливонией, договора Пскова с Дерптским епископством и договора между Новгородом и Ливонией.[24]

В основе договора Пскова с Ливонией лежал «Данильев мир» 1474 г. Текст договора 1481 г. до наших дней не сохранился, но сведения о нем в литературе позволяют прийти к выводу, что он отражал новые шаги правительства Русского государства к обеспечению безопасности северо-западной границы (с возложением на Орден обязательства не помогать Дерпту против Пскова) и интересов русских подданых в Ливонии (с требованием от немцев возвратить захваченное имущество русских церквей и держать «чисто» «русские концы»).[25] Договор Пскова с Дерптом также не сохранился, косвенное указание на него содержится в Псковской летописи.[26]

Договор Новгорода с Ливонией сохранился в русском оригинале.[27] Он был заключен на 10 лет, с русской стороны — «за всю Новгородскую державу», с немецкой — от имени магистра, архиепископа рижского, епископов дерптского (юрьевского), эзельского (островского), курляндского (курьского), ревельского (колываньского), а также Риги, Дерпта, Ревеля, Нарвы и Вышгорода. Это первый договор с Орденом, заключенный не Новгородской республикой, а новым Русским государством. Тот факт, что в этом договоре (как и в последующих, вплоть до падения Ордена) «договаривающейся стороной» формально является Новгород, навел некоторых исследователей на мысль о сохранении Новгородом особых привилегий как неизжитых черт феодальной раздробленности.[28] Действительно, в 1481 г. переговоры с немцами ведут новгородские наместники, а крест на грамоте целуют «государей великих князей царей Русских бояре Новгородские» Тимофей Остафьевич и Ефимей Орефьевич и «староста купецкий» Иван Елизарович.[29] В целовании креста новгородскими боярами «государей великие князей» можно видеть признак еще не завершившегося переустройства социальной структуры Новгорода (вспомним, что и в февральском походе новгородские бояре идут рядом с наместниками). Но главное не в этом. Ливонский орден, фактически самостоятельный, формально не был суверенным государством. Его сюзереном был император. В апреле 1481 г. магистр Бернд фон дер Борх обратился к императору Фридриху III с просьбой о предоставлении прав и регалий «великого магистра», что и было им получено.[30] С точки зрения дипломатического этикета международные договоры должны были заключаться только между юридически равноправными сторонами. Заключение такого договора между леном императора и суверенным Русским государством умаляло бы международный престиж последнего и было поэтому недопустимым.

Договор 1481 г. был подвергнут подробному анализу в новейшем исследовании Н. А. Казаковой.[31] В ряде своих положений этот договор подтверждал старые нормы новгородско-ливонских отношений — о подчинении иностранцев (русских в Ливонии, ливонцев в России) юрисдикции той страны, где они находятся, о пограничной линии (по р. Нарове до моря) и запрете ее нарушения, о бес-

препятственном проезде купцов и послов и гарантиях их неприкосновенности.

Особое значение имеют новые статьи, не встречавшиеся в прежних договорах. Новгородские купцы впервые освобождаются от торговых пошлин в Нарве, если товар перегружается из судна в судно,[32] от пошлин при перегрузке товаров на телеги для отправки в другие города Ливонии;[33] весовые единицы для взвешивания воска в Нарве приводятся в соответствие с русскими эталонами; весовщикам запрещается «колупать» у русских воск. В оценке этих статей нельзя не присоединиться к мнению Н. А. Казаковой, увидевшей в них свидетельство большого внимания, которое правительство Русского государства уделяло торговле своих подданых за границей, особенно в Нарве, ближайшем и важнейшем торговом пункте.[34]

Ряд других статей договора отражает ту же заботу русского правительства об интересах своих подданных, занимающихся зарубежной торговлей. При проезде через Ливонию русские получают право нанимать проводников по своему выбору и освобождаются от ответственности, если собьются с дороги. Для охраны чести и достоинства русского человека в договор вводится специальная статья.[35] На Ливонский орден в целом теперь возлагается гарантия обязательства дерптского епископа соблюдать интересы русской колонии в Дерпте.[36]

Важное значение имеет и изменение начальной статьи договора: в ней впервые в международном акте встречается формула с упоминанием «великих государей царей русских» [37] и о «челобитье» немецких послов.[38] Эта формула, как и все содержание договора, отражает важнейший факт — создание единого Русского государства, которое отныне берет на себя функцию защиты интересов страны и ее подданных в международном масштабе. В отношениях между Русью и Европой открывается новая страница. В этом принципиальное значение русско-ливонского договора 1481 г., первого международного договора Русского централизованного государства с европейским партнером.

В то же время необходимо подчеркнуть миролюбивый, умеренный характер договора 1481 г. Отстаивая интересы своей страны, правительство Ивана III не посягало на независимость и территориальную целостность побежденного врага. Безопасность на границе, прочный мир, благоприятные условия для торговли русских купцов — вот цели, которые ставило перед собой Русское государство в отношениях с Ливонией и которые были достигнуты договором 1481 г.[39]

К лету 1481 г. вполне определилась новая политическая ситуация на юго-восточных рубежах Русской земли: Орда Ахмата разгромлена и перестала быть великой державой, оказывающей решающее влияние на ход событий в Восточной Европе. Из трех татарских улусов, прямых потомков Батыевой империи по западную сторону Урала, серьезное политическое значение сохранили два — Крымская держава Менгли-Гирея и Казанское ханство. Отношения Рус-

ского государства с Крымом продолжали оставаться дружественными, и в этом нельзя не видеть крупный успех русской дипломатии. Договор, заключенный князем Иваном Звенцом Звенигородским весной 1480 г., определил на несколько ближайших десятилетий общий стиль и характер русско-крымских отношений.[40] Союз с Крымом против Ягеллонов и потомков Ахмата превратился в один из основных инструментов русской внешней политики до самого конца великого княжения Ивана III.

Добившись относительно прочных отношений с Крымом, Русское государство получило возможность укрепить свои позиции в Среднем Поволжье. В 1482 г. был предпринят поход на Казань.

Наиболее подробные известия о походе на Казань содержит Софийско-Львовская летопись. Летом 1482 г. против Казани замышлялся большой поход. Главные силы во главе с великим князем были стянуты к Владимиру, судовая рать с артиллерией под начальством Аристотеля Фиоровенти дошла до Нижнего Новгорода.[41] Впервые в дальнем походе в составе судовой рати участвовали русские пушки. В этих условиях казанское правительство пошло на заключение мира: «. . .царь Казанский присла с челобитьем».[42]

Летописные сведения о походе 1482 г. можно сравнить с разрядами. По их данным, в этом году «стояли воеводы в Нижнем Новгороде по казанским вестям: князь Борис Михайлович Оболенский, князь Иван Васильевич Оболенский, князь Федор Курбский, Семен Иванович Пешков, князь Дмитрей Оболенский, Констянтин Сабуров, князь Костянтин Шеховской».[43] Это первый официальный перечень русских воевод, стоящих во главе полков, развернутых против Казани. Кто же эти воеводы?

Князь Борис Михайлович Туреня Оболенский известен по новгородскому походу 1477 г. Он шел в составе Большого полка, возглавляя отряды можаичей, волочан, звенигородцев и ружан. Совершив переход по льду оз. Ильмень, войска князя Бориса овладели монастырями Юрьевым и Аркажским и вместе с другими полками замкнули кольцо блокады вокруг Новгорода.[44] Брат князя Бориса, принявший монашество под именем Иоасафа, был игуменом Ферапонтова монастыря, а в июле 1481 г. был поставлен в архиепископы ростовские.[45]

Второй воевода князь Иван Васильевич Шкурля Оболенский (родоначальник Курлятевых) — племянник Андрея Ногтя,[46] воеводы в ливонском походе в феврале 1480 г. В казанских разрядах 1482 г. Иван Шкурля и его сын Дмитрий (пятый среди воевод) упоминаются впервые.

Впервые упоминается и третий воевода — князь Федор Курбский из рода ярославских князей. Это скорее всего Федор Семенович, сын первого удельного князя на Курбе.[47] Курбские были связаны с удельными князьями Московского дома — племянник Федора Семеновича Андрей (сын его младшего брата Дмитрия) был женат на дочери углицкого князя Андрея Васильевича Большого. Правнук Федора Семеновича, красноречивый корреспондент Ивана IV, бежал за границу, но во времена Ивана III

и его сына Курбские верно служили Отечеству и не один из них сложил голову на поле брани.[48]

Семена Ивановича Пешкова, названного в числе воевод на четвертом месте, родословцы не знают. Известен Семен Федорович Пешок Сабуров, воевода князя Андрея Вологодского и великой княгини Марии Ярославны. В 1469 г. он со своими вологжанами участвовал в Казанском походе.[49] В 1471 г. во время войны с Новгородом ходил на Кокшенгу,[50] а в 1477 г. с двором Марии Ярославны в составе Полка Левой Руки совершил переход через Ильмень.[51] В 1482 г. в походе на Казань участвует и младший брат Семена — Константин Сверчок (шестой воевода). Оба они — сыновья Федора Сабура, одного из самых знатных московских бояр.[52]

Седьмой воевода, ярославский князь Константин Юрьевич Шаховской, судя по родословцам, служил князю Андрею Меньшому.[53]

Разрядная книга сообщает, что в 1482 г. полки были развернуты и на Вятке — здесь стояли В. Ф. Сабуров, В. Ф. Образец Симский и князь С. И. Ряполовский.[54] Как и в 1469 г., для борьбы с Казанью были созданы две группы войск на двух направлениях — западном (по отношению к Казани) и северном. Все три воеводы, стоявшие на Вятке, обладали боевым опытом. В. Ф. Сабуров (старший брат Семена Пешка и Константина Сверчка) еще в 1466 г. был наместником на Устюге,[55] а в 1477 г. участвовал в походе через Ильмень на Новгород с полком князя Андрея Меньшого.[56] В. Ф. Образец Симский прославился победой, одержанной 27 июля 1471 г. над новгородцами на Двине, при устье р. Шиленги;[57] в 1477 г. он — второй воевода Большого полка.[58] Важно отметить, что В. Ф. Образец имел опыт войны с Казанью: в 1478 г. он ходил на Казань вторым воеводой судовой рати.[59] Князь Семен Хрипун Ряполовский в ноябре 1477 г. возглавлял войска, шедшие через Ильмень для обложения Новгорода,[60] а летом 1478 г. стоял во главе судовой рати, посланной на Казань.[61] Учитывая, что на Вятке стояли лучшие, наиболее опытные воеводы, можно предположить, что этому направлению уделялось особое внимание.

Разрядные записи 1482 г. особенно ценны тем, что содержат первое упоминание о не дошедших до нас казанских посольских книгах. Они ссылаются на запись, сделанную в этих книгах 16 июля 1482 г. Запись содержала наказ воеводам, стоящим в Нижнем Новгороде. Сам наказ был в грамоте, посланной с гонцом Иваном Писемским. Первый дошедший до наших дней текст наказа воеводам (т. е. директивы главного командования) заслуживает дословного воспроизведения.[62]

«А се говорить от великого князя Ивану Писемскому бояром и воеводам князю Ивану Васильевичю, да князю Семену Ивановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Федору Курбскому, да князю Ивану Шеховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову. Князь великий велел вам говорить: посла есми к царю в Козань князя Ивана Звенца и Бурнака есми с ним отпустил. И вы б отобрались с теми людьми, которые с вами в лехких судах, да иные б мои воеводы князь Борис Оболенский Ту-

реня, и князь Федор Курбской, и князь Иван Шеховской, и князь Дмитрий Оболенской, и Костянтин Сабуров, и князь Михайлов сын Деева, и брата моего Андреев воевода князь Семен Стародубской промышляли бы есте моим делом».[63] В чем именно заключалось «дело», которое «опосле тово писано», остается неизвестным.

Но и сохранившаяся часть наказа представляет большой интерес. Во-первых, она точно датирована, что дает возможность уточнить время похода под Казань: он состоялся после 16 июля 1482 г. Во-вторых, она дает представление о том, как передавалась директива. Директива составлялась в письменном виде и передавалась с гонцом, который должен был еще сказать и «речи» воеводам. В-третьих, в наказе несколько изменен и расширен перечень воевод (по сравнению с разрядной записью, приведенной выше). На первое место поставлен боярин князь Иван Васильевич. Видимо, это И. В. Булгак, участник зимнего похода 1481 г. в Ливонию. Князь Семен Иванович, второй воевода, — вероятно, Ряполовский. Если так, то он переведен в Нижний Новгород с Вятки. Князь Иван Шаховской — это Иван Юрьевич, старший брат Константина, упомянутого выше. Не названный по имени «князь Михайлов сын Деева» — выходец из ярославских князей, потомков Романа, третьего сына князя Василия Давыдовича «Грозные Очи».[64] Князь Семен Стародубский, названный воеводой князя Андрея Углицкого, — это, вероятно, Семен Федорович.[65]

Разряды за 1482 г. называют в общей сложности имена 14 воевод, возглавлявших русские войска на казанском фронте. Десять из них — потомки удельных князей, четверо — выходцы из московских боярских родов. Из десяти княжат пять принадлежат к семьям, потомственно связанным с великокняжеской службой (И. В. Булгак, С. И. Ряполовский, трое Оболенских). Таким образом, основное ядро воевод — старые служилые люди, в достаточной степени проникнутые московской традицией. Сравнительно недавно на московской службе появились только ярославские княжата (Курбский, Деев и двое Шаховских). Это результат той служилой инкорпорации бывших удельных князей, которая особенно усилилась в 60-х гг. XV в. и отголоски которой звучат в Ермолинской летописи под 1463 г.[66] По крайней мере пять воевод (двое Сабуровых, князья Шаховской, Деев и Стародубский) связаны службой с удельными князьями. Но эти удельные князья — члены Московского дома, носители той же в сущности московской традиции (хотя и в ее консервативном варианте). Обращает на себя внимание, что вчерашние воеводы великой княгини Марии Ярославны и Андрея Меньшого легко и просто оказываются на великокняжеской службе — между уделом московского князя и великокняжеским двором не было непроходимой грани. В целом высший командный состав войска, отраженный в разрядах 1482 г., представлял собой опытных и традиционно связанных с Москвой военачальников.

Князь Иван Звенец зарекомендовал себя хорошим дипломатом, и его миссия в Казань свидетельствует о желании Ивана III до-

биться мирного разрешения конфликта. В этом случае поход рати «в легких судах» должен был, вероятно, иметь значение демонстрации для подкрепления требований русского посла, и весь поход 1482 г. приобретает скорее политический, чем военный характер.

Русское государство стремилось не к военному разгрому Казани, а к подчинению ее своему влиянию, к установлению мирных дружественных отношений со своим восточным соседом. Нам неизвестна позиция, занятая Казанью в период Стояния на Угре. Активных враждебных действий сколько-нибудь значительного масштаба она, по-видимому, не предпринимала — во всяком случае они не отразились ни в одном русском источнике. Тем не менее, как показывал опыт предшествующего десятилетия (набег 1478 г. на северо-восточные русские земли), с потенциальной угрозой со стороны Казани (вернее, антирусски настроенных кругов казанских феодалов) приходилось считаться. Победа на Угре давала возможность добиться более выгодных условий в отношениях с Казанью.

Успешное решение вопроса о взаимоотношениях с Казанью дало возможность для продвижения русской колонизации дальше на восток, в Сибирь. Важнейшее событие в этом плане — первый большой поход за Уральские горы в 1483 г. Известие о нем содержится в Вологодско-Пермской и Устюжской летописях. По данным Вологодско-Пермской летописи, в поход «на князя вогульского на Асыку» были отправлены два воеводы: Иван Иванович (в летописи ошибочно — Васильевич) Салтык с вологжанами и князь Федор Курбский с устюжанами, вычегжанами, вымичами и великопермцами.[67] С каждым воеводой были посланы также дети боярские двора великого князя. Войско И. И. Салтыка выступило из Вологды на судах 25 апреля. Сражение с вогуличами произошло 29 июля и закончилось бегством Асыки и сына его Юмшана. Преследуя бегущих, русские войска «повоеваша» Сибирскую землю и вышли «на великую реку Обь, ширина ее 60 верст». На Оби было взято в плен несколько местных князей. Поход Салтыка закончился 9 ноября возвращением в Вологду.[68]

Устюжская летопись приводит самостоятельный рассказ. Первым воеводой она называет князя Федора Курбского Черного, в составе войск дополнительно упоминает сысоличей. Устюжская летопись называет точно место боя с вогуличами — на устье р. Пелыни (Пелыми) (очевидно, при впадении ее в Тавду) — и сообщает, что «на том бою устюжан убило семь человек». После боя войска пошли вниз «по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» и «добра и полону взяли много».[69] От Сибири войска пошли «по Иртишу реце вниз. . . да на Обь, реку великую, в Югорскую землю». Там «князей югорских воивали и в полон повели». Летопись приводит точные даты начала и конца похода для Устюжского полка — это соответственно 9 мая и 1 октября. В дополнение к этим сведениям, содержащимся в летописи Мациевича, Архангелогородский летописец сообщает, что «(на) Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли».[70]

Сопоставление известий Вологодско-Пермской и Устюжской летописей, несмотря на их лапидарно-протокольный характер, рисует черты грандиозного похода — одного из крупнейших предприятий Русского государства на его северо-восточных рубежах вплоть до прославленных походов Ермака столетие спустя. Если поход князя Федора Пестрого Стародубского на Чердынь в 1472 г. закрепил за Русским государством Пермскую землю, Северо-Западное Приуралье, то поход И. Салтыка и князя Ф. Курбского 1483 г. впервые вывел русских людей на необъятные просторы Сибири. Судовая рать, составленная из ополчения северорусских городов и волостей, прошла от Вологды по Сухоне и Вычегде, очевидно, до верховьев последней, т. е. не менее 2 тыс. км, из которых половину — вверх по течению, преодолела волоком северную часть Уральского хребта, а затем шла по Тавде и ее притокам, по Иртышу и Оби еще примерно такое же расстояние до «великой Оби» — очевидно, Обской губы. Если новгородское боярство, проникая своими отрядами в предгорья Урала, ограничивалось хищнической эксплуатацией пушных богатств края в интересах экспортной торговли, а вятчане не поднимались выше мелких ссор с князьями соседних племен, то теперь впервые фактически ставится перспективная задача широкого политического масштаба — государственное освоение Северного Урала и Зауралья. Летом 1483 г. «приходили к великому князю от вогульского князя Юмшана Асыкина, сына бити челом о опасе шурин его, вогулятин Юрга, да сотник его, вогулятин Анфим». Об этом же «печаловался» владыка Филофей Пермский. И «владыки деля» Юмшан получил разрешение приехать к великому князю. С этим разрешением («опасом») к Юмшану в далекую Сибирь был послан Леваш — слуга епископа пермского Филофея. Этим же летом Москву посетила и другая депутация сибирских князей «с поминки с великими от князей Кадских. . . и от всее земли Кадские и Югорские» просить о «полоненных князех, о Молдане с товарищи». Великий князь их «пожаловал. . . отпустил их в свою землю» «печалованием владыки Филофея да Володимера Григорьевича Ховрина».[71]

Обращает на себя внимание участие, которое принимают в судьбах сибирских князей пермский епископ и богатый московский боярин, выходец из купеческого рода. Если связь Филофея с Сибирью может быть объяснена конфессиональными моментами — проникновением православия в среду языческих племен, то Владимира Ховрина интересуют, надо думать, прежде всего экономические сюжеты — возможность организации торговли с далекой северо-восточной окраиной. Во всяком случае в результате «печалования» Филофея и Ховрина сибирские князья были выпущены из плена. Однако это был не только акт гуманности. «Великий князь на себя их привел, дань на них положил», — сообщает Устюжская летопись.[72] Холмогорская летопись тоже указывает, что князья «далися за великого князя во всей воли», обещали «дань давати, а дотоле не давали дани». По словам той же летописи, сибирские князья принесли языческую присягу — «з золота воду пили».[73]

Итак, перед нами факт установления даннических отношений, т. е. вассальной, феодальной зависимости зауральских — вогульских и югорских — князей от Москвы. Освоение Сибири Русским государством началось, и в этом принципиальное значение похода 1483 г. Поход Салтыка и Курбского может по праву считаться исходным рубежом важнейшего исторического процесса — включения сибирских земель и народов в состав России.[74]

Если на востоке непосредственным следствием победы русских на Угре был разгром Орды Ахмата шибанским ханом, то на западном рубеже страны русская победа тоже вызвала важный отклик.

В 1481/82 г. «бысть мятеж в Литовской земле: въсхотеша вотчичи Ольшанской да Олешкович да князь Федор Бельской по Березиню реку отсести на великого князя Литовской земли».[75] Заговор был раскрыт: Ольшанский и Олелькович подверглись казни, а Федор Бельский поспешно бежал в Москву. Впервые после захвата западных русских земель Литвой и Польшей мы видим на этих землях широкомасштабную оппозицию и проявление стремления воссоединиться с Русским государством. В заговоре Ольшанского, Олельковича и Бельского нельзя не усмотреть отражения стихийного недовольства населения западнорусских земель усилением польско-литовского католического влияния. Крупные политические успехи Русского государства, быстрый рост его могущества и авторитета делали его естественным центром притяжения для всех русских земель, оказавшихся в предыдущие времена под властью иноземных государств. Тяготение западнорусских земель к Москве, имеющее в своей основе глубокие исторические корни, отныне становится одним из существенных факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику Русского государства.

Князь Бельский, первый из литовских выходцев, получил в управление Демон и Мореву «со многими волостями»:[76] вчерашний владетельный князь наделяется городом и волостями на территории Новгородской земли. Московская летопись утверждает, что Демон и Морева даны ему «в вотчину», т. е. в наследственное частное владение (а не во временное кормление). Однако если это и так, то все же можно сомневаться, что в новой своей «вотчине» князь Федор пользовался когда-либо полными владельческими правами настоящего удельного князя. В Русском государстве он стал крупным вотчинником — и только.

Федор Иванович Бельский — внук киевского князя Владимира, пятого сына Ольгерда от его первого брака (с полоцкой княжной). Старший сын Владимира — Александр (Олелько), унаследовавший киевский стол и женившийся на Анастасии, дочери великого князя Василия Дмитриевича. Таким образом, Олельковичи приходились Федору Бельскому двоюродными братьями по отцовской линии, а по материнской они были двоюродными братьями Ивана III.[77] Но дело, разумеется, не в этих генеалогических связях.

Родственные связи Михаила Олельковича с великим князем

всея Руси не помешали их конфликту зимой 1470/71 г., когда Михаил был новгородским князем по приглашению боярской олигархии. Не родственные связи, а реальные политические интересы определяли собой взаимоотношения между руководителями феодальных государств и княжеств. Ход событий, прежде всего создание единого Русского государства, заставил литовских князей Ольгердовичей в конце 70-х—начале 80-х гг. изменить свою политическую ориентацию и выступить во главе движения за возвращение западнорусских земель России. Князья вынуждены были учитывать настроения и симпатии своих подданных — русских людей, оказавшихся под властью Польши и Литвы и стремившихся к воссоединению со своими братьями, объединившимися в единое государство. Несомненно, как всегда в средневековье, крупнейшую роль играл конфессиональный фактор — тяга православного русского населения к своим единоверцам, к сохранению культурно-исторической, духовной самостоятельности под угрозой окатоличивания и полонизации. Вполне вероятно и то, что князей Ольгердовичей соблазняла перспектива перехода в вассалы к могущественному государю всея Руси. Служба под победоносными русскими знаменами могла казаться более привлекательной, чем пребывание в зависимости от Казимира Ягеллончика, окруженного польскими вельможами и католическими прелатами.

Итак, в начале 80-х гг. можно отметить первое серьезное политическое выступление за возвращение западнорусских земель (будущих Украины и Белоруссии) в состав возрожденного Русского государства. Полное воссоединение всех русских земель, захваченных в предыдущие века упадка, унижения и разорения страны, становится одной из главных задач нового государства. Так называемый «заговор князей» — едва ли не первый шаг в решении этой проблемы. В этом его крупное историческое значение.

Однако до решения проблемы и даже до постановки ее на уровень конкретной политики было еще далеко. В начале 80-х гг. Русское государство еще не было готово к единоборству с державой Ягеллонов.

Заговор русских князей мог повести к серьезным политическим осложнениям с королем. В этих условиях московское правительство проявляет большую осторожность. Когда в том же году в Москве оказался претендент на Киевскую митрополию, не ужившийся с королем Казимиром и сообщивший великому князю о церковных реликвиях («многих мощах»), предназначенных патриархом для Руси и отнятых королем, великий князь принял решение: «Не подымати рати, ни воевати ся с королем про се».[78] Русское государство не хотело большой войны с таким сильным противником, как король Казимир. Решительная борьба за воссоединение западнорусских земель — для начала 80-х гг. дело будущего.[79] Основное внимание московского правительства и на следующий день после Угры приковано к внутренним проблемам, к вопросам укрепления Русского государства.

Первой из проблем, вставших перед Русским государством на следующий день после отражения Ахмата, было оформление отношений с удельными князьями — вчерашними мятежниками.

Договоры с Андреем Углицким и Борисом Волоцким были подписаны в один и тот же день — 2 февраля 1481 г.[80] В своей основной части эти договоры воспроизводят текст докончаний 1473 г., урегулировавших первое «нелюбье» между братьями.[81] Главное отличие новых договоров — включение Новгорода и Новгородской земли в «отчину» великого князя, т. е. в состав собственно Русского государства, в комплекс тех земель, в которых удельным князьям «не вступатися. . . никоторою хитростию». Кроме того, состав бывшего удела князя Юрия (в который князьям тоже «не вступаться») перечислен подробно (а не в общей форме, как было в 1473 г.). Тем самым великокняжеское правительство достигает своей основной цели — полностью и навсегда отсекает какие-либо поползновения удельных князей на долевое соучастие во властвовании над Русским государством.

По докончанию Андрей Большой получает Можайск — «пожалование» ему от великого князя. За Андреем же утверждаются села и волости, «купли», великой княгини Марии Ярославны, которые она ему «подавала». В связи с этими куплями договорная грамота устанавливает: «А что мати наша. . . к своим селом, х куплям к своим к всем, которые села табе подавала, приняла землѣ боярьских, и манастырьских, и служних, и черных, и нам тех земль обыскати, очистити».[82]

Это положение представляет большой интерес. Значит, Мария Ярославна «принимала»-таки к своим «куплям» земли других владельцев, округляла свои владения за их счет. Неясно, каким образом она это делала, каким путем попадали в ее руки, к ее «селом», земли бояр и монастырей, слуг под дворским и черных крестьян: имели ли место обычные земельные сделки, или акты коммендации и закладничества, или, наконец, захваты явочным порядком через тех самых тиунов, которые, как было известно еще Даниилу Заточнику, «аки огнь трепетицею накладны», через «рядовичей», которые «яко искры»? Во всяком случае с точки зрения великокняжеского правительства эта деятельность — нарушение порядка, интересов феодального государства и как таковая подлежит расследованию. Настороженное отношение к земельным акциям великой княгини, которая морально, если не по существу, связана идеями, традициями и стилем поведения с удельно-княжеской оппозицией, и стремление к эффективному контролю над всеми землями и землевладельцами явственно прослеживаются в этой клаузуле.

Основная часть статьи об ордынском «выходе» текстуально воспроизводит соответствующую статью договора 1473 г. Это, разумеется, явный анахронизм; никакого «выхода» ни в какую «Орду» после Угры никто никогда не платил и платить не собирался. Но составители докончания заботливо включили эту архаику в текст

нового документа. В этом проявилась, как мне представляется, не только свойственная средневековому мировосприятию инерционность, любовь к традиции и старой форме. Думается, что сбор «выхода» продолжался, хотя сам «выход» и не шел ни в какую «Орду», а оставался в составе княжеских доходов.[83] В 1000 руб. «выхода» Углицкий удел платил 100 руб. 30 алт. 3 ден., т. е. около 11 %; соответствующая квота Волоцкого удела составляла около 6 %. Если считать, что «выход» был более или менее пропорционален другим платежам, то удельные князья начала 80-х гг. контролировали около 17 % всех доходов великого княжества (не считая, разумеется, Новгородской и Псковской земель, с которых «выход» как таковой никогда не шел, и Твери, которой формально был «к Орде... и ко царю путь чист»). Добавляя к этому несколько процентов, шедших с Верейско-Белозерского удела, убеждаемся, что непосредственно в руках московского правительства было к этому времени сосредоточено не менее трех четвертей доходов со старой территории великого княжения. Для сравнения можно вспомнить, что по духовной Донского его старший сын должен был платить немногим более трети «выхода» с великого княжения (342 руб. из тысячи, причем 72 руб. должен был получать с волостей матери — великой княгини Евдокии).[84]

Докончание с Борисом Волоцким предоставляет этому князю «ведати з судом и с данью» села, завещанные ему бабкой — Марией Голтяевой.[85] (По договору 1473 г. эти села судам и данью тянули к великому князю).[86] Это единственная уступка, сделанная Борису по новому докончанию.

Сопоставление летописных известий с текстами докончаний 1481 г., как с официально утвержденными экземплярами, так и с черновыми вариантами, позволяет прийти к выводу, что в летописях отразились определенные этапы выработки окончательных договоров.[87] В конечном итоге текст договоров сложился на основе реального соотношения сил и зафиксировал политические итоги феодального мятежа и его неудачи.

Удельные князья были вынуждены отказаться от всех своих требований принципиального характера и согласиться на возобновление тех самых отношений, против которых они в начале 1480 г. подняли мятеж. Отказ от Новгородской земли означает крушение попыток удельных князей рассматривать себя дольщиками во всей Русской земле. Это был в сущности конец правящей княжеской федерации.

Итак, суть докончаний февраля 1481 г. — капитуляция удельных князей перед московским правительством, формальное примирение их со сложившимися политическими условиями нового государства, отказ от борьбы за сохранение «старины».[88] Линия московского правительства в отношении уделов остается в принципе неизменной — не ликвидируя уделов как таковых, оно постепенно и неуклонно лишает удельных князей фактического суверенитета, низводя их до уровня простых подручников великого князя. Не

уничтожая уделов, Иван III уничтожает удельную систему как основу политических отношений Русской земли.

О кризисе удельной системы свидетельствует и духовная грамота князя Андрея Вологодского, составленная, по-видимому, почти одновременно с февральскими докончаниями.[89]

Весь свой удел — Вологду, Кубену и Заозерье со всеми волостями и пошлинами — Андрей Меньшой безоговорочно завещает своему «господину... брату... старѣйшему великому князю Ивану Васильевичю». Только волость Иледам дается матери, великой княгине, «до ее живота», после чего также включается в комплекс земель, непосредственно подчиненных Москве. Андрей Углицкий получает подмосковную волость Раменейце, Борис Волоцкий — подмосковное село Ясеневское, двухлетний Василий Иванович, сын великого князя,— подмосковное село Танинское. Это частновладельческие распоряжения. Частновладельческий характер носит и наделение Троицкого монастыря 40 волостными деревнями на Сяме. Выступая в своем уделе как собственник, удельный князь не заинтересован в сохранении черных земель — резервного фонда феодального государства и одной из опор его социальной политики. На примере Андрея Вологодского ясно видно превращение суверенного владетельного князя в крупного феодального вотчинника и в политическом, и в психологическом аспектах.

Бросается в глаза существенная разница в предсмертных распоряжениях двух бездетных князей Московского дома — Юрия Дмитровского в 1472 г. и Андрея Вологодского в 1481 г. Первый из них выступает в своей духовной только как частное лицо, распоряжаясь селами и движимым имуществом и не касаясь вовсе судеб своего удела. Второй наряду с частновладельческими распоряжениями непосредственно передает свой выморочный удел в руки великого князя. Этим самым он санкционирует полную ликвидацию Вологодского княжества как политической единицы. Чем объясняется эта разница? Думается, основная причина — в существенном изменении реального положения удельных князей за истекшее десятилетие. Юрий Дмитровский решение вопроса о своем выморочном уделе предоставил традиции, предусматривавшей в принципе (если не формально) передел земель Московского дома после смерти одного из его членов. Андрей Вологодский на эту традицию опереться не может — традиции как таковой уже нет, она решительно и бесповоротно разрушена в 1472 г. безоговорочной ликвидацией Дмитровского удела, что закреплено последующими межкняжескими докончаниями. В этих принципиально новых условиях владелец выморочного удела не может видеть перед собой другой перспективы, чем передача своего удела в великое княжение, в лучшем для себя случае с некоторыми оговорками. И Андрей Вологодский делает такие оговорки. Кроме передачи отдельных волостей и сел братьям, племяннику и Троицкому монастырю он просит, чтобы «господин... князь великий пожаловал... грамот не порушил», которые были даны монастырям и церквам на земли в Вологодском

княжении. Он просит также изъять из письма и тягла земли Спасо-Каменного монастыря и снизить «по старине» тамгу и другие пошлины, повышенные им в его княжении. Это последний отблеск суверенных прав вологодского князя.[90]

Характерная черта духовной Андрея Вологодского — констатация его огромной задолженности. По словам автора духовной, он должен великому князю «тритцать тысяч рублей, что за меня в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю, и что есми у него собе имал». На фоне этой колоссальной суммы долги частным лицам — около полутора тысяч рублей — кажутся незначительными.[91]

Долг великому князю — это не просто долговое обязательство. Платежи в Орду («выход»), Казань (вероятно, какие-нибудь «поминки») и «царевичю» (денежное жалованье вассалу Русского государства) вносились за Вологодский удел великим князем, за счет государственной казны. Внося платежи за Вологодский удел, московское правительство усиливает свое политическое влияние на него. Огромные суммы долга, накапливаясь из года в год, ставят вологодского князя в определенную степень зависимости от старшего брата и в известной мере предопределяют судьбу его княжения. Освобожденное от обязательных платежей, оно превращается в своего рода прекарное держание, долженствующее после смерти прекариста перейти к его кредитору-сюзерену. Далеко не исключено, что финансовая зависимость от Москвы способствовала сохранению вологодским князем политической лояльности в годы обострения борьбы с удельно-княжеской оппозицией. Щедро ссужая младшего брата, великий князь усиливал свои политические позиции и в Вологодском уделе, и в системе Московского дома в целом. Можно думать, что кредитование удельного князя — новая черта московской политики после 1472 г.: в духовной Юрия Дмитровского подобные явления не прослеживаются.

Большие долги удельного князя частным лицам встречаются и в духовной Юрия Дмитровского. Сумма долга, однако, у Андрея вдвое выше. Очевидно, причины, вызывающие подобную задолженность, продолжают действовать с нарастающей силой. Чтобы достать деньги, вологодский князь в широком масштабе закладывает драгоценности, пожалованные ему матерью и старшим братом. Кто же его кредиторы?

Если Юрий Дмитровский в свое время сделал крупный заем (380 руб., более половины всего своего долга) у Владимира Ховрина, а у других лиц брал в долг сравнительно небольшие суммы, то в качестве основных кредиторов Андрея Меньшого выступают Иван Фрязин, Гаврила Саларев и Григорий Бобыня (на них приходится около двух третей всего долга). Иван Фрязин — это, надо полагать, знаменитый Джанбаттиста Вольпе, «денежник» великого князя, венецианский предприниматель, издавно живший в Москве и принимавший активное участие и в политических переговорах с Римом в период «византийского сватовства», и в интригах венецианской сеньории (что едва не стоило ему жизни). Гаврила Саларев — выходец из рода гостей — сурожан, финансовых и диплома-

тических агентов московского правительства. Саларевы — вотчинники Московского и Переяславского уездов, поддерживавшие имущественные отношения с фамилией Ховриных — богатейших московских бояр купеческого происхождения.[92] Третий крупный кредитор (названный в духовной на первом месте) — тот самый Григорий Бобыня, московский гость и дворовладелец,[93] который в свое время дал в долг Юрию Дмитровскому сравнительно небольшую сумму — 30 руб. Теперь масштаб его кредита возрос во много раз, и вологодский князь вынужден закладывать ему золотые вещи — фамильные драгоценности, «что... пожаловала... мати... великая княгиня». Итак, основные кредиторы Андрея Меньшого — представители крупного феодального торгово-ростовщического капитала.

В числе более мелких заимодавцев упомянуты Владимир Ховрин (бывший кредитор Юрия Дмитровского) и двое его сыновей — будущий казначей великого князя Дмитрий Овца и Иван Голова, крестник великого князя, шурин князя И. Ю. Патрикеева, женатый на дочери знаменитого воеводы князя Данилы Холмского.[94] В отличие от Юрия Дмитровского Андрей Меньшой занял у Ховриных сравнительно небольшую сумму — у всех вместе около 70 руб. Из прочих кредиторов представляет известный интерес Сенька Бронник, которому вологодский князь должен «пятдесят рублев с рублем».

Итак, в духовной Андрея Вологодского, как и в духовной Юрия Дмитровского, перед нами факт задолженности удельного князя частным лицам. Отражая экономическую неэффективность, нежизнеспособность удела, этот факт имеет важное политическое значение.

В условиях сложившегося централизованного государства с его повышенными требованиями к службе и представительству удельный князь Московского дома уже не может поддерживать свое княжеское реноме, не входя в крупные, неоплатные долги, прежде всего представителям феодальной финансово-землевладельческой верхушки. Старая экономическая система замкнутых удельных мирков, составлявшая когда-то хозяйственную основу феодальной раздробленности, оказывается в новых условиях столь же недейственной, как и старая политическая система «суверенных» удельных княжеств.

Экономическая политика Ивана III прямо направлена против интересов удельных князей. Он запрещает князьям чеканить свою монету и сосредоточивает все монетное дело на Москве, вводя таким образом монетную регалию. Он запрещает князьям торговать на Москве — вся торговля в столице ведется в гостиных дворах, а торговые пошлины идут в казну.[95]

Очередным шагом в борьбе за пересмотр основ удельной системы явилось докончание с верейско-белозерским князем Михаилом от 4 апреля 1482 г.[96] Его основное отличие от предыдущего договора, заключенного ранее сентября 1472 г.,[97] — дальнейшее существенное снижение владельческих прав удельного князя. В новом

докончании князь Михаил рассматривается по отношению к Белоозеру только как пожизненный владелец: после его смерти Белозерская земля должна перейти полностью в состав великого княжения,[98] что подтверждается соответствующей (не дошедшей до нас) грамотой. В составе наследственного удела верейских князей остаются только Верея и Малый Ярославец.

Договор 4 апреля 1482 г. ясно продемонстрировал конечную цель московской политики в отношении Верейско-Белозерского удела. Эта цель — постепенная ликвидация удела, слияние его с основной территорией великого княжества. В новых исторических условиях правительство Русского государства отказалось от традиционной линии поведения — союз князей Московского дома фактически перестал существовать как основной элемент политической структуры. В этом смысле докончания 1481—1482 гг. знаменуют важный рубеж в истории складывания новой государственности.

Установление дружественных отношений с Молдавией, которая под руководством Стефана Великого в последней четверти XV в. была важной политической силой в Юго-Восточной Европе, на стыке земель и интересов Руси, Польско-Литовского государства, Крыма и Османской империи, — значительный успех внешней политики Русского государства. Конфессиональное единство и общность политических интересов в борьбе против Ягеллонов делали Русское государство и Молдавию естественными союзниками. Внешним выражением русско-молдавской дружбы стал династический брак Ивана Молодого с дочерью молдавского господаря. Но это событие должно рассматриваться не только в международном аспекте, но и как важный шаг во внутренней политике Ивана III. В 1482 г. великий князь послал к господарю «боярина своего Михаила Плещеева и множество детей боярских».[99] Имя посла названо неверно. Львовская летопись сообщает, что к Стефану были посланы (вторично?) Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы, которые ехали «через королеву землю» и по дороге получили «дары» от Казимира Литовского из Новогрудока.[100] «Обручав свою дщерь, Стефан воевода отпустил ее к великому князю» в сопровождении большой свиты. 14 ноября («в Филиппово заговенье») невеста наследника Русского государства прибыла в Москву и поселилась в Вознесенском монастыре у великой княгини — иноки Марфы. По словам Вологодско-Пермской летописи, венчание состоялось «по Крещении в той же день» (т. е. 7 января 1483 г.) в Успенском соборе, причем обряд венчания совершал не митрополит Геронтий, а архимандрит Спасского монастыря Елисей.[101] Известие Вологодско-Пермской летописи претендует на документальность и исходит, видимо, из хорошо информированного московского источника. Однако официозная Московская летопись приводит другую дату венчания — 12 января (не сообщая при этом никаких данных). В предыдущем известии той же летописи говорится, что «генваря 7 преставися князь великий Василий Иванович Рязанской в обедню».[102] Вологодско-Пермская летопись точной даты этого события не при-

водит, но сообщает, что «перед свадьбой великого князя Ивана Ивановича за ч е т ы р е д н и (разрядка моя. — *Ю. А.*) преставился князь великий Василий Иванович Рязанской».[103] Этим косвенно подтверждается датировка свадьбы Ивана Молодого, содержащаяся в Московской летописи.

Второй брак великого князя и появление на свет его сыновей от Софьи Палеолог (к началу 1483 г. их было уже трое: Василий, родившийся 25 марта 1479 г., Юрий — 23 марта 1480 г. и Дмитрий — 6 октября 1481 г.) ставили остро вопрос о династических перспективах. В этих условиях женитьба сына от первого брака, взрослого человека, имевшего известный опыт политической деятельности и уже в течение ряда лет официально именовавшегося наряду с отцом «великим князем» (чем формально подчеркивалось его право на престолонаследие), значительно укрепляет его положение и свидетельствует о том, что именно он, Иван Молодой, женившийся на дочери союзника Русского государства, рассматривается как естественный и наиболее вероятный будущий государь всея Руси.

С браком Ивана Молодого связано, возможно, какое-то уточнение или изменение его владельческих прав. Об этом свидетельствует известие, читающееся в Холмогорской летописи непосредственно после сообщения о его женитьбе. «Того же году князь великий Иван Иванович пошел на свою отчину в Суздаль».[104] Это известие заслуживает внимания. Если ему верить, Иван Молодой рассматривается в 1483 г. как владелец Суздальского княжения,[105] но в то же время остается «великим князем», наследником государя всея Руси. Надо думать, что этот Суздальский «удел» в данных условиях — категория хозяйственная, а не политическая. Взрослый сын великого князя создает свой «двор» и получает при женитьбе известную хозяйственную самостоятельность, становясь своего рода наместником-кормленщиком выделенного ему «удела». Политический статус Ивана Молодого определяется, разумеется, не административно-судебными правами в номинальной Суздальской «отчине», а его реальным положением как наследника государя всея Руси.[106]

Женитьба Ивана Молодого, естественно, понижает династические и политические перспективы сыновей от второго брака и политическую роль тех представителей московских правящих кругов, которые так или иначе ориентировались на великую княгиню Софью и ее окружение. Признавая важность династического вопроса для Русского государства (как и для любой другой феодальной монархии), отнюдь не следует, однако, преувеличивать его значение в реальных условиях 80-х гг. и тем более придавать этому вопросу глубокий социально-политический смысл. Во-первых, политическая власть в стране и формально, и реально была сосредоточена в руках великого князя Ивана Васильевича и подобранных им помощников. Во-вторых, в распоряжении исследователя нет никаких реальных фактов, которые позволяли бы утверждать, что сторонники или противники великой княгини Софьи (или соответственно Ивана

Молодого) имели какую-то свою политическую программу и особую социальную базу.[107]

В том, что брак Ивана Молодого рассматривался как важное событие общерусского значения, свидетельствует кроме всего прочего тот факт, что с известием о нем было отправлено специальное посольство к Михаилу Тверскому. Как сообщает тверской летописец, с этой «радостью» в Тверь приехал Петр Григорьевич Заболотский, привезший дары тверскому великому князю, его матери и жене.[108]

10 октября у Ивана Молодого и Елены Стефановны родился сын Дмитрий.[109] По данным Типографской летописи, великий князь «того же году всхоте. . . сноху свою дарити саженьем первые своей великой княгини».[110] Это известие помещено непосредственно после сообщения о рождении князя Дмитрия и, вероятно, находится в прямой связи с этим событием. Однако на требование великого князя предоставить «сажение» великая княгиня Софья была вынуждена ответить отказом. По словам летописи, она «много истеряла казны» великого князя: «. . .давале бо бе брату, иное же давала, кое племянницу давала за княж за Михайлова сына за Верейского за князя Василья, и много давала». Разгневанный великий князь велел взять у князя Василия все его приданое, «еще и со княгинею его хоте поимати». Василий «бежа в Литву и с княгинею х королю». В погоню за беглецом был послан князь Борис Михайлович Туреня Оболенский, и «мало его не яша».[111]

Краткое сообщение Типографской летописи (содержащееся также в Львовской) приоткрывает завесу над ситуацией, сложившейся к зиме 1483/84 г. в самых верхах московского общества — в непосредственном окружении великого князя. Известие Типографской летописи позволяет сделать несколько выводов.

Первый из них — очевидное стремление великого князя продемонстрировать свою ориентацию на старшего сына: Иван Иванович и его сын — основная династическая линия Русского государства. Именно этим можно объяснить желание щедро одарить невестку, принесшую внука. Косвенным образом это известие опровергает легенду о конфликте между Иваном III и его сыном в связи с событиями 1480 г. (помещенную в софийско-львовском рассказе).

Второе наблюдение касается великой княгини Софьи. Драгоценностями Московского великокняжеского дома, данными ей на сохранение и во временное владение, она распоряжалась как своей собственностью, обнаружив незнание русских обычаев и традиций. Все предметы, входящие в казну, тщательно перечислялись в духовных завещаниях и представляли не личную, а фамильную (если не сказать национальную) ценность. Великий князь, очевидно, не имел возможности повседневно следить за состоянием своей казны, доверив это великой княгине. Софья не оправдала доверия — драгоценности Московского дома стали утекать в частные руки в соответствии с личными видами и симпатиями «римлянки». В числе лиц, наделенных из московской казны, оказался, как мы видим, брат Софьи, живший в Италии в качестве изгнанника. Еще более

важно, что из сообщения летописи мы узнаем о браке верейско-белозерского князя Василия с племянницей Софьи, дочерью ее брата.

Оценивая объективное значение тех или иных событий и их роль в историческом процессе, исследователь далеко не всегда может с достаточной степенью вероятности определить их непосредственные поводы. В большинстве случаев мы имеем дело со сложным переплетением объективного с субъективным, политических интересов с личными мотивами. Можно ли видеть в браке Василия Верейского какой-то особый политический смысл и говорить о связи Софьи и ее сторонников с удельно-княжескими оппозиционными кругами, представителем которых был князь Василий Михайлович?

При попытках ответить на этот вопрос следует проявить осторожность. Особенность династических споров и придворных отношений в феодальных монархиях заключается в большой доле чисто личных интересов и соображений, влияющих на поведение участников событий. Далеко не всегда придворные «партии» складываются на принципиальной политической основе. Борьба за власть, влияние, личное благополучие — наиболее типичные мотивы поведения членов этих «партий». В данном случае, например, трудно себе представить Софью Палеолог сознательной политической деятельницей, сторонницей сближения с удельными княжатами, пытавшейся путем брака своей племянницы укрепить свои связи с русскими князьями. Вовсе не исключено, что дело гораздо проще — натерпевшееся нужды и унижения в своей итальянской эмиграции семейство Палеолог хотело как можно полнее использовать новую родину Софьи и ее новое положение, ту головокружительную высоту, на которую внезапно вознеслась гонимая греческая принцесса, для поправления своих дел, для личного обогащения, для совершения удачных браков.

Тем не менее конфликт о «саженье» бросает некоторый свет если не на политические взгляды, то на характер великой княгини Софьи и на ее окружение. «Наследница византийских императоров» вовсе не чуждается общества русских удельных князей и считает вполне возможным брак своей племянницы (тоже «наследницы») с одним из их второстепенных представителей. Внучка и племянница императоров небезразлична к драгоценностям русской казны и по отношению к ней не проявляет особой щепетельности. Нетрудно представить, что появление невестки великого князя и тем более нового продолжателя старшей линии великокняжеского рода не могло вызвать восторга у Софьи Фоминишны. Ее отношения с Иваном Молодым и прежде были недружественными, о чем свидетельствует А. Контарини.[112] Во всяком случае в 1483 г. при русском дворе завязывается тугой династический узел, этот бич феодальных монархий.

Наследнику Верейского княжества (удела), испытывавшего возрастающее давление и притеснение со стороны московского правительства, брак с представительницей фамилии Палеолог, даже наде-

ленной из великокняжеской казны, не сулил особо благоприятных перспектив, хотя нельзя исключить, что верейский князь мог рассчитывать на покровительство великой княгини — близкой родственницы своей жены.

Во всяком случае каковы бы ни были политические расчеты обеих сторон при заключении брака, они оказались построенными на песке. Более того, брак Василия Верейского с Марией Палеолог дал косвенный повод для окончательной ликвидации Верейско-Белозерского княжества. Тесная связь личных и политических мотивов, особенно характерная для феодальных монархий, сыграла в данном случае роль, роковую для Верейско-Белозерского удела. Оскорбленный и ограбленный наследник этого удела был вынужден ради спасения своей жизни и свободы бежать в Литву — это пристанище всех русских князей-эмигрантов, всех недовольных централизаторским курсом московского правительства.

Так вчерашний член Московского дома, активный участник казанского и новгородских походов, храбро сражавшийся под Алексином и защищавший переправы на Угре, опустился до уровня беглых потомков Шемяки и Ивана Можайского, стал фактически государственным изменником, оказавшись в лагере врагов Русской земли.[113] Можно не сомневаться, что бегство его за рубеж осенью 1483 г. было вызвано не только конфликтом о приданом. Докончание 4 апреля 1482 г. наносило сильнейший удар по Верейско-Белозерскому княжеству. Для сколько-нибудь энергичного и дееспособного представителя удельного княжения открывалась альтернатива — полностью отказаться от владельческих прав и влиться в ряды служилого боярства (подобно Оболенским, Ростовским и другим вчерашним удельным князьям) или бежать за рубеж к гостеприимному королю Казимиру. Конфликт о приданом только ускорил неотвратимую развязку. За рубежом Русской земли князь Василий оказался в силу неумолимого хода объективного исторического процесса, перемалывавшего старые удельно-княжеские традиции и возводившего на их обломках здание нового централизованного государства.

Под тем же 1483/84 г. Типографская летопись сообщает: «. . .тогды же Фрязина имал и мастеров серебряных». Нет прямых данных о том, как соотносится это событие с конфликтом в великокняжеской семье по поводу истраченной казны. Связь между этими явлениями не исключена: жившие в Москве итальянцы были, естественно, так или иначе связаны с Палеологами; серебряных дел мастера могли иметь прямое или косвенное отношение к расхищению великокняжеской казны. Но все это не более чем предположение, не подтверждаемое прямыми указаниями источников. В какие бы формы ни вылилось недовольство великого князя действиями Софьи, она сохранила свое официальное положение. Итальянская колония в Москве так же продолжала существовать, политика привлечения на Русь иностранцев-специалистов не претерпела никаких видимых перемен. Общий курс московской политики оставался неизменным.

Значительно сильнее отразились события осени 1483 г. на судьбах Верейско-Белозерского княжества. 12 декабря последовало заключение нового докончания с князем Михаилом Андреевичем. Это докончание — прямой ответ на бегство князя Василия. Основное отличие нового договора от докончания 4 апреля предыдущего года — безоговорочное обязательство князя Михаила Андреевича «после своего живота» передать все свои земли в великое княжение. Из текста докончания становится известным, что сразу после бегства князя Василия великий князь конфисковал основную часть княжества — Верею, но потом «пожаловал ею князя Михаила Андреевича („что яз, князь великий, пожаловал тебя своею вотчиною (разрядка моя. — *Ю. А.*). Верееюс волостями и с отъезжщими места, что взял есмь в своей вине у твоего сына, у князя Василия")».[114] Таким образом, свой собственный наследный удел Михаил Андреевич получает в пожизненное владение в качестве пожалованной ему вотчины великого князя! Трудно представить себе большее нарушение «старины» и традиционного статуса удельного князя Московского дома. С Верейским княжеством исчезал последний осколок удельной системы, созданной духовной Дмитрия Донского.

Договоры 1481—1483 гг. означали фактически ликвидацию традиционной удельной системы как основы политической структуры Московской земли. Но оставались еще Тверь и Рязань с их относительно самостоятельными феодальными системами. Подчинение этих земель Москве стало на повестку дня после окончательной победы над удельными князьями Московского дома.

9 июня 1483 г., через несколько месяцев после смерти рязанского великого князя Василия Ивановича, последовало заключение нового договора с Рязанью.[115] Основное отличие этого договора от докончания 20 июля 1447 г. — принципиально иная постановка вопроса об отношениях с Литвой. Если договор 1447 г. предусматривал возможность самостоятельных (хотя и согласованных с Москвой) переговоров рязанского великого князя с королем (исходя при этом из факта союзных отношений между Москвой и Рязанью),[116] то новое докончание решительно отсекает этот вариант: «. . .тебе с ним не канчивати, ни с иным ни с кем». Великое княжение Рязанское тем самым полностью включается в систему внешнеполитических отношений Русского государства, хотя и сохраняет свою внутреннюю структуру. Подобно тому как в 1460 г. Господин Псков признал над собой власть великого князя, сохранив только внутреннюю автономию, Рязань по договору 1483 г. стала не более чем автономной частью Русского государства.

Новый великий князь рязанский — родной племянник государя всея Руси. Его мать, великая княгиня Анна, сестра Ивана III, поддерживает постоянную связь с московской великокняжеской семьей. Весной 1485 г., например, она долго гостит в Москве у матери и брата. Было бы упрощением видеть в этих связях только политический смысл — в июне 1485 г. Анна Васильевна навещала свою умирающую мать (инока Марфа скончалась 4 июля). Но отнюдь

нельзя недооценивать степень влияния Москвы на Рязань и того, что великая княгиня Анна вольно или невольно была проводником этого влияния. Показателем понижения политического статуса великого князя рязанского может служить его женитьба 13 июля 1485 г. на княжне Агриппине, дочери Василия Бабича, одного из служащих в Москве мелких удельных князей.[117] К середине 80-х гг. со сколько-нибудь заметной политической ролью Рязанского княжества было покончено.

Как мы видели, зимой 1481 г. новгородские бояре Василий Казимир, Александр Самсонов «и иные мнози» идут в поход вместе с войсками великокняжеских наместников.[118] Под тем же годом Московская летопись помещает краткую заметку: «... поимал князь великий новгородских бояр, Василия Казимира, да брата его Короба, да Луку Федорова, да Михаилу Берденева».[119] Конкретные «вины» «пойманных» новгородских бояр неизвестны, но социально-политический смысл акции московского правительства не вызывает сомнений: оно делает новый шаг в своей политике перестройки отношений в Новгородской земле, новый шаг в борьбе с могущественным новгородским боярством.

Крупное значение в этом плане имел вопрос о главе новгородской епархии. Как известно, после раскрытия заговора Феофила в январе 1480 г. Новгородская земля осталась без духовного владыки. Находившийся в заточении, обвиненный в государственной измене Феофил формально продолжал быть архиепископом, пока не «остави» кафедру «нужею великого князя», после чего был выпущен из заточения и получил разрешение «жити у Михаилова Чюда». По данным Львовской летописи, это произошло в 1482/83 г.[120] Отречение Феофила дало формальную возможность выдвижения нового кандидата на архиепископскую кафедру. По сообщению Московской летописи выборы нового архиепископа состоялись 17 июня 1483 г.[121] Церемония избрания описана в летописи довольно подробно: «...князь великий... обмысля с своим отцем с митрополитом... и с архиепископом Асафом Ростовским и с Семеном, епископом Рязанским, и с Герасимом, епископом Коломенским, и с Прохором, епископом Сарским, положили жеребья на престол: Елисея, архимандрита Спасского, да Геннадия, архимандрита Чюдовского, да Сергея, старца Троицкого, бывшего протопопа Богородицкого, на архиепископство в Великий Новгород». В результате жеребьевки был выбран Сергей.[122] Сопоставляя эту церемонию с обычаями, практиковавшимися в Новгороде при избрании архиепископов (например, Ионы[123] и Феофила[124]), можно прийти к выводу, что традиционная новгородская процедура была в общих чертах повторена в Москве. Однако если в Новгороде назначение трех кандидатов, подлежащих жеребьевке, было функцией веча (фактически — новгородской господы, заранее намечавшей и проводившей своих кандидатов), то в новых условиях, в Москве, оно стало прерогативой государственной власти совместно с высшими церковными иерархами. Перенесение в Москву новгородского обычая имело несомненно политическое значение, новый

архиепископ должен был приехать в свою епархию, выбранный по всем новгородским правилам. Новгород не «завоеван», он включен в состав Русского государства как одна из его земель.[125] Оказывая уважение новгородскому обычаю, московское правительство вместе с тем использует его для увеличения авторитета своего ставленника. Характерно, что все три намеченных кандидата — представители московского столичного духовенства, не имеющие никакого отношения к Новгородской земле и ее церковно-политическим традициям. Это, конечно, не случайно. Москва хотела видеть во главе дома святой Софии, на ответственнейшем церковно-политическом посту, именно «своего» человека, никак не связанного с новгородским боярством, с сепаратистскими традициями местных светских и церковных феодалов. Торжественное избрание в Москве нового архиепископа должно было стать важным шагом на пути укрепления московского влияния в Новгородской земле, в борьбе с новгородским сепаратизмом.

По данным Московской летописи, «поставление» (т. е. формальное утверждение в сане архиепископа) нового владыки состоялось 4 сентября.[126] В Новгород он прибыл два месяца спустя — «перед Филипповыми заговена».[127]

Назначение и прибытие нового архиепископа совпало с резким обострением борьбы с новгородским сепаратизмом. Как мы видели, еще в 1481 г. последовало «поимание» четырех видных новгородских бояр. Теперь же развернулись значительно более масштабные события. По словам Типографской летописи, зимой 1483/84 г. «прииде обговор от самих же новгородцев, яко посылали ся братия их новгородцы в Литву х королю».[128] «Обговор» свидетельствовал об углубляющемся расколе в верхах новгородского общества, о разделении их на сторонников и противников Москвы и об активизации деятельности тех и других. Во всяком случае он вызвал немедленные ответные репрессивные меры московского правительства. «Князь же великий послал и поима их всех, человек болших с тридать житьих, да их домы пограбити велел». Обвиненными в изменнических сношениях с королем оказались, таким образом, представители следующего за боярством слоя новгородских феодалов. «Поимание» «житьих» сопровождалось судебным следствием, в духе средневековой традиции проходившим под пытками («и повеле их мучити на Иванове дворе Товаркове Гречневику подьячему, а домучиваться у них того обговору, чем их обговорили»). По словам Типографской летописи, смертный приговор был заменен тюремным заключением, когда выяснилось, что обвиняемые «клепалися между собою, егда их мучили». Жены и дети обвиненных были тоже посланы в заточение.[129] Как повсюду в Европе, средневековая юстиция не знала пощады и милосердия. В числе жертв репрессий оказались видные новгородские деятели — «Настасья славная и богатая» и Иван Кузмин. Эта та самая Настасья, вдова посадника Ивана Григорьева, которая вместе с сыном Юрием в декабре 1475 г. устраивала пир для великого князя на Городище.[130] Иван Кузмин в 1475 г. принимал участие во встрече великого

князя во время его «похода миром», следующей зимой был вызван на суд в Москву, а 18 января 1478 г. в числе других новгородских бояр бил челом в великокняжескую службу. Однако Типографская летопись сообщает, что после взятия Новгорода Иван Кузмин бежал к королю в Литву с 30 слугами. Но «король его не пожалова, и люди его отстали от него». На свою «отчину» в Новгород он прибежал «сам третий».[131] Это известие Типографской летописи представляет большой интерес. Оно свидетельствует, что коммендация новгородских бояр на службу великому князю в январе 1478 г., после приведения Новгорода к присяге, не мешала им сразу же после этого нарушать свое целование и бежать со своими послужильцами в Литву. Недоверчивое отношение великого князя к новгородским боярам имеет, таким образом, вполне реальные основания.

В 1483/84 г. события в Новгороде достигли такого накала, что заставили московское правительство ввести в город войска. Именно так можно понимать сообщение Псковской II летописи от конца июля 1484 г.: «. . .тогда московская застава ратная отъехаша на Москву, а стояли в Новгороде 17 недель».[132] Московские войска были, следовательно, введены в город в конце марта, тогда и начался разгром очередной новгородской «коромолы».

Официозная Московская летопись рассказывает о новгородских событиях зимы 1483/84 г. несколько иначе. По ее словам, «поимал князь великий больших бояр новгородских и боярынь и казны их и села все велел отписати на себя. А им подавал поместья на Москве под городом. А иных бояр, которые коромолу держали от него, тех велел заточити в тюрмы по городам». Симеоновская летопись этого известия не приводит, но сообщает, что «того же лета» (т. е. 1484 г.) «повелением великого князя. . . начаша здати в Великом Новгороде град камен на старой основе».[133]

Итак, московское правительство зимой 1483/84 г. предприняло принципиально важные меры. Во-первых, новгородские бояре, повинные в крамоле (государственной измене), были посланы в заточение (очевидно, с конфискацией вотчин). Во-вторых, все остальные «большие бояре и боярыни», т. е. крупнейшие новгородские феодалы, не дававшие повода для обвинения себя в измене, были переселены из Новгородской земли, а их движимое и недвижимое имущество конфисковано. В-третьих, эти — теперь уже бывшие — новгородские феодалы получили «поместья» под Москвой. Впервые после включения Новгорода в состав Русского государства мы видим не репрессии против отдельных лиц, а широкие социально-политические акции, направленные против новгородского боярства как такового. Впервые были разгромлены не отдельные боярские гнезда, а приняты меры для полной ликвидации новгородского боярства как социального слоя и экономической базы новгородской боярской олигархии — крупного старинного вотчинного землевладения на новгородской территории. Впервые на страницах летописи возникает новый термин — «поместье», которому суждено сыграть крупную роль в аграрной и социальной истории Русского государства последующих столетий.[134] События 1483/84 г. — важнейший

рубеж в перестройке социально-экономических отношений Новгородской земли, в коренной ломке всего ее социально-политического и бытового уклада. Сюда же относится укрепление обороноспособности Новгорода, начало строительства новой каменной крепости, отмеченное Симеоновской летописью. Под 1483/84 г. Устюжская летопись записала: «. . .того же лета князь великий велел поимати в Новгороде всех бояр новгородских, и весь Новгород развел и одолел за себе».[135] Это краткое, но многозначительное известие — эпитафия по старому боярскому Новгороду.

События зимы 1483/84 г. имеют, по-видимому, непосредственное отношение к судьбе первого новгородского архиепископа, назначенного в Москве. По сообщению Типографской и Львовской летописей «того же году остави владыка Семион в Новгороде архиепискупью, болен бе». Оказывается, «не хотяху Новгородцы покоритися ему, что он не по их мысли ходить». С новым архиепископом великий князь прислал «боярина, своего. . . и казначея, и дьяка». Новый владыка выступил как подлинный представитель государственной власти в Новгороде. Речь шла не только о назначении архиепископа Москвой, но и о создании нового аппарата управления Софийским домом и всей Новгородской епархией, целиком зависящего от Москвы.

Оказавшись на новгородской кафедре, Сергий стал, очевидно, проводить политику, продиктованную ему Москвой. Из Псковской летописи известно, что он «многы игумены и попы исъпродаде и многы новыя пошлины введе».[136] Псковский летописец передает, вероятно, общее впечатление о деятельности нового владыки, сложившееся у духовенства, недовольного его нововведениями. Думается, что известие летописи содержит зерно истины. Новый владыка преследовал и наказывал «многих» игуменов и попов, выступавших против его политики, в защиту старых традиций времен вечевой республики. Он вводил и новые «пошлины», под каковыми можно понимать и попытки установления новых порядков, и непосредственные «пошлины» — платежи с монастырей и церквей.[137] И то, и другое было, очевидно, направлено против старой традиции новгородской церкви, против ее экономического и политического могущества. Но архиепископ Сергий не ограничился наступлением на материальные основы новгородского церковного сепаратизма. «Летописец новгородским церквам» сообщает о столкновении владыки с видными представителями новгородской иерархии: у гроба почитаемого новгородцами архиепископа Моисея он «возвысився умом высоты ради сана своего и величества, яко от Москвы прииде к гражданам яко плененным», и будто бы обозвал этого святителя «смердовичем».[138] Рассказчик явно враждебен по отношению к новому архиепископу, но, вероятно, в какой-то степени отражает черты его поведения: Сергий пытался расшатать идеологические основы новгородского сепаратизма, демонстрируя скептическое отношение к новгородской церковной традиции.

Однако дом святой Софии, могущественная церковная корпорация, всеми корнями неразрывно связанная с новгородским бояр-

ством, не собирался сдаваться без боя. Острый конфликт с оппозиционно настроенными верхами новгородского общества привел к тяжелому психическому заболеванию архиепископа: «. . .они же ум отняша у него волшеством». Несмотря на опалы ряда своих представителей, новгородская оппозиция была еще сильна и сумела выиграть поединок с первым архиепископом — посланцем Москвы. Псковская II летопись, отражающая в этой своей части, очевидно, новгородскую интерпретацию событий, приводит подробности, связанные с заболеванием архиепископа. Ему, оказывается, стали являться во сне и наяву новгородские святые, «обличающе яве безумное дрързнутия на поставление святительства ему. . . яко живу сущу епископу. . . не подобает иному на престол его мучительскы дрързати».[139] Не вызывает сомнения, что протест новгородцев против назначения нового владыки был вызван отнюдь не тем, что нарушены «положеныя каноны святыми отцы». История новгородской архиепископии знает нередкие примеры насильственной смены владык.[140] Возмущение новгородской оппозиции вызывали московское происхождение и московская ориентация нового архиепископа. 27 июля 1484 г. Сергий вынужден был оставить кафедру и вернуться в Троицкий Сергиев монастырь.

Итак, в 1483/84 г. в Новгороде наблюдается широкое по масштабам выступление антимосковской оппозиции, охватившее и светских феодалов, и тесно связанную с ними новгородскую церковную организацию. В борьбе против усиливающегося влияния Москвы, против планов перестройки внутренней социально-политической структуры Новгородской земли, против ее полного слияния с Русским государством боярская олигархия напрягала свои последние силы.

Разгром новгородского боярства в 1483/84 г.[141] — ответ московского правительства на попытки новгородской оппозиции отстоять свою «старину». Пиррова победа над архиепископом Сергием не меняла и не могла изменить основного социально-политического факта — полного поражения и ликвидации новгородской боярской традиции в столкновении с политическим укладом нового Русского государства. Как сообщает Симеоновская летопись, 12 декабря 1484 г. «поставлен на архиепископью Великому Новгороду и Пскову архимандрит Чюдовский Генадий».[142] На новгородской кафедре оказался твердый, энергичный и последовательный сторонник московской великокняжеской политики (и при этом идейный противник митрополита Геронтия). Любопытно в связи с этим, что летописи не описывают церемонии выбора нового архиепископа, подобной той, которая полтора года назад сопровождала выборы его предшественника. Возможно, в новых условиях — после окончательного разгрома новгородского боярства — московские власти не считали нужным даже формально поддерживать новгородскую традицию, связанную с выборами владыки. Геннадий был просто «поставлен» на свою кафедру, как любой другой епископ. Новгородская «старина» окончательно отходила в прошлое.

Единственной частью Русской земли, сохранявшей формальную независимость от Москвы, оставалось в начале 80-х гг. великое княжество Тверское. Формальное равноправие Твери и Москвы определялось договорами 40—60-х гг., согласно которым великие князья московский и тверской рассматривали друг друга как «братья». Базисом и гарантией независимости Тверского великого княжения был его традиционный союз с Литвой, признававшийся до поры до времени московским правительством.[143] Союз с Литвой ставил Тверь в особое положение среди других русских земель, превращая ее в форпост литовского влияния на Русь.

Однако создание единого мощного государства с центром в Москве не могло не повлиять самым существенным образом на характер и содержание московско-тверских отношений. С начала 70-х гг. Тверь становится фактическим союзником Москвы в ее борьбе против Господина Великого Новгорода, а затем и против Ахмата. Тверские полки принимают участие в походах 1471, 1477, 1480 гг. под командой своих воевод. Что еще более важно — в середине 70-х гг. наблюдается как широкое явление переход тверских бояр на службу к великому князю московскому. Так, весной 1476 г. на службу в Москву отъехала большая группа тверских бояр.[144] Параллельно с этим на территорию Тверского великого княжества проникает московское военно-служилое землевладение. Тверская земля все более втягивается в систему московской феодальной иерархии, все более подчиняется государственным интересам и политике Москвы. В походе 1477 г. в составе войск государя всея Руси идут не только тверские полки, посланные своим великим князем во главе с его воеводами, но и дети боярские многих тверских уездов, служащие великому князю московскому как своему сюзерену, очевидно, на началах феодальной коммендации.[145]

После включения Новгородской земли в состав Русского государства и победы на Угре существование независимого Тверского великого княжества все в большей степени становится историческим нонсенсом, неудобным и опасным анахронизмом. В условиях полной перестройки политической структуры Русской земли, превращения ее в единое государство для самостоятельной Твери, колеблющейся между Москвой и Литвой, не остается места. В этих условиях перед руководящими кругами Тверского великого княжества возникает альтернатива: или добровольно согласиться на включение своей земли в политическую систему Русского государства (как это сделали Господин Псков, Рязань и большинство удельных князей), или по примеру Великого Новгорода оказать решительное сопротивление, отстаивая свою независимость. При этом следует иметь в виду, что, не располагая мощными материальными ресурсами (в отличие от Новгородской республики), тверские правящие круги в борьбе против Москвы могли рассчитывать прежде всего не на свои собственные силы, а всецело на военно-политическую поддержку Литвы. Тем самым московско-тверские отношения

в 80-х гг. приобрели не только внутри-, но и внешнеполитический аспект, становясь фактором международного значения.

Несмотря на проникновение в Тверскую землю московских военно-служилых отношений, в начале 80-х гг. формальная самостоятельность великого княжения сохранялась. Независимый от Москвы тверской летописец фиксирует события внутренней жизни этого княжества. Важным событием зимы 1483 г. была миссия в Тверь П. Г. Заболотского «с радостью» — с сообщением о браке Ивана Молодого. Московский посол привез подарки великому князю Михаилу, его матери и жене — мехи вина, убрусцы «жемчугом сажены». Со стороны великого князя всея Руси это посольство — акт вежливости по отношению к своему тверскому «брату». Москва продолжает формально признавать Тверское великое княжение. 7 февраля 1483 г. летописец отмечает, что «преставися княгиня великая София. . . а была за великим князем Михаилом Борисовичем 7 лет».[146] Кончина великой княгини, дочери киевского князя Семена Олельковича, ставила на очередь вопрос о новом браке тверского великого князя — вопрос, имеющий для всякого феодального княжества весьма важное политическое значение. В том же году великий князь тверской в сопровождении матери посещает Кашин — один из важнейших городов своей земли.[147] Механизм феодального властвования продолжает функционировать. В марте того же года летописец сообщает о большом пожаре в Твери: «. . .дворов згорело да келей с сорок».[148] Столица Тверской земли жила обычной жизнью русского средневекового города, для которого пожар — частое и грозное событие.

Осенью 1483 г. тверской летописец зафиксировал факт рождения сына Ивана Молодого и Елены Волошской, хотя и не привел точной даты («о Дмитриеве дни»,[149] т. е. около 26 октября, фактически — 10 октября). Московское правительство, видимо, на этот раз не послало в Тверь официальную миссию (или летописец не получил об этом информации).

Непосредственно после этого известия летописец помещает сообщение: «Приездил во Тверь с поклоном Володимер Елизарьев сын». Что означает этот приезд «с поклоном» Владимира Гусева, одного из служилых людей великого князя московского? На этот вопрос возможны два альтернативных ответа: 1) Владимир Гусев был прислан в Тверь с официальной миссией, может быть, с сообщением о рождении внука великого князя всея Руси; 2) он приехал в Тверь по своей инициативе.

В пользу первого варианта говорит факт помещения известия о приезде Гусева сразу после сообщения о рождении князя Дмитрия, как бы в одном контексте с этим сообщением. Однако непонятно, почему Гусев, если он официальный московский посол, приехал в Тверь «с поклоном». Его предшественник, П. Г. Заболотский, приезжал в январе 1483 г. по аналогичному поводу «с радостью». Еще более загадочна реакция Михаила Тверского на приезд московского посла: он не только «поклона не приял» и выслал Гусева «вон из избы», но «и к матери ему ити не веле, к вели-

кой княгини Настасии».[150] Владимир Гусев, таким образом, был поставлен в положение persona non grata. Трудно себе представить, чтобы такому позору и унижению мог подвергнуться официальный московский посол — это было бы равносильно полному разрыву с Москвой. Ввиду этого первая версия объяснения приезда Гусева должна быть отвергнута.[151]

Вторая версия означает, что Гусев приехал в Тверь именно «с поклоном» — с челобитьем, возможно, с предложением феодальной коммендации, вступления в службу. Такой акт не противоречил букве и духу московско-тверских докончаний и всему феодальному праву, предусматривавшему вольную службу вольных слуг. Как мы видели, тверские бояре широко пользовались этим правом, переходя из Твери на службу великому князю московскому. Если принять эту версию в отношении Гусева, то поведение Михаила Тверского становится более понятным. Не желая, очевидно, портить отношений со своим могущественным «братом», он не хочет принять в свою службу его служилого человека. Этим и можно объяснить суровый прием, оказанный Гусеву и тщательно подчеркнутый официозным тверским летописцем.[152]

Желание сохранить мир с Москвой едва ли было искренним. Во всяком случае оно не подкреплялось реальной политикой тверских властей. Так, к зиме 1484/85 г. в Москве узнали, что Михаил Тверской принял решение жениться «у короля» и что он заключил новый договор с Казимиром («целова ему»).[153] Это было прямым нарушением существовавших московско-тверских соглашений и стиля отношений, сложившихся к началу 80-х гг., и означало фактически крутой поворот в тверской политике — возрождение традиционной ориентации на Литву. Это было испытанным ходом. Именно союз с Литвой на протяжении многих десятилетий обеспечивал Твери возможность сохранять независимость перед лицом растущего московского могущества. Однако создание единого государства привело к глубоким качественным сдвигам во всей системе политических отношений Русской земли. В этих новых условиях ориентация на Литву с неизбежностью вела к разрыву уже не с Москвой, а со всем Русским государством.

Узнав о повороте в тверской политике, «разверже мир князь великий с тверским великим князем Михаилом Борисовичем. . . и сложи целование».[154] Московское правительство «посла рать порубежную» и начало войну.

Согласно Псковской II летописи, зимой 1484/85 г. «князь великии. . . разгневася на князя тферского Михаила Борисовича, что начат дружбу держати с литовским королем Андреем и съветы с ним творити о всем и испроси в короля за себе внуку, и того ради князь великии посла на него воеводы свои с множеством вои». Московские войска «плениша всю землю их и взяша 2 города и сожгоша».[155] К такому обороту событий тверское руководство было, видимо, не готово: оно не ожидало столь быстрой и резкой реакции. Как показывал опыт Новгорода в 1471-м и последующих годах, на реальную военную помощь со стороны Литвы было трудно рассчи-

тывать: Казимир не хотел большой войны с Русским государством. Бороться со всей Русью, опираясь только на собственные силы, нечего было и думать. Все это заставило тверские верхи пойти на капитуляцию. «Князь великий Михаил Борисович. . . присла владыку (к великому князю всея Руси. — *Ю. А.*) и доби ему челом на всей воле его».[156] В летописном изложении эта «воля» московского правительства выглядела так. Во-первых, великий князь тверской признает себя отныне не братом, а младшим братом великого князя всея Руси. Во-вторых, спорные порубежные земли отходят к Москве. В-третьих, возобновляется московско-тверской союз под главенством Москвы («куды поидеть князь великий ратью, и ему с ним же итти за один»).[157]

Подлинный текст договора 1485 г. свидетельствует, что летописец хорошо знал и верно передал его основное содержание.[158] Действительно, это последнее докончание Москвы с Тверью фактически впервые включает Тверское великое княжение в систему политических отношений Русского государства и в этом смысле имеет принципиальное значение как важнейший этап ликвидации самостоятельности Твери.[159] С политической независимостью Твери теперь покончено: она мыслится отныне только как составная часть Русского государства, подобно великому княжеству Рязанскому или Господину Пскову. Как Рязань и Псков, по договору 1484/85 г. Тверская земля сохраняет свою внутреннюю политическую структуру, свою систему феодальных отношений, относительно независимую от московских. Сохранение этих остатков прежнего политического статуса Тверской земли было возможно только при условии полного подчинения московскому политическому руководству, полного отказа от литовской ориентации, т. е. при добровольном согласии тверских верхов на включение их земли в состав Русского государства.

Дальнейший ход событий показал наличие разных тенденций в поведении верхов Тверского великого княжества. С этой точки зрения весьма интересно известие Львовской летописи: «Того же лета (т. е. 1485 г. — *Ю. А.*) приехали изо Твери служити к великому князю князь Иван Микулинский и князь Осиф Дорогобужский». Итак, через несколько месяцев после изменения политического статуса Тверской земли, после превращения ее из независимого княжения в составную часть Русского государства, два крупнейших тверских феодала, два знатнейших вассала великого князя тверского порывают феодальную зависимость от него и поступают на службу непосредственно государю всея Руси. Этот факт имеет важнейшее политическое значение: система феодальной иерархии Тверского великого княжества, т. е. основа его политической структуры, начинает разрушаться. Как и в большинстве других подобных случаев, верхи феодальной аристократии первыми покидают тонущий корабль и переходят на службу к новому сюзерену, стремясь в новых условиях не только сохранить, но по возможности и приумножить свое могущество и привилегии. С точки зрения князей Микулинского и Дорогобужского, наиболее видных тверских воевод,

возглавлявших полки Михаила Борисовича в походах против Новгорода и Ахмата, дальнейшая служба тверскому великому князю бесперспективна. Они, удельные князья Тверской земли, готовы отказаться от своей доли участия в управлении этой землей в надежде найти почетное и более перспективное место в рядах московской служилой иерархии. Этот весьма показательный факт ярко иллюстрирует падение, распад старой удельно-княжеской традиции, вытеснение ее новой традицией служилых отношений к московскому великому князю. В психологии верхов феодального общества происходит важный сдвиг, попытка адаптации к новым политическим условиям Русского государства.

Коммендация виднейших тверских феодалов была по достоинству оценена в Москве: «Князь же великий дал Микулинскому Дмитров, а Дорогобужскому Ярославль». Новые вассалы великого князя московского получили в кормление крупнейшие города государства.

Переход на московскую службу князей Микулинского и Дорогобужского отнюдь не был изолированным явлением. По свидетельству той же Львовской летописи, «тогда же приехаша вси бояре тверские служити великому князю на Москву». Не принимая буквально известие о переходе в Москву «всех» тверских бояр, нельзя не увидеть тем не менее, что коммендация тверских феодалов приобретала массовый характер, подрывая саму социально-политическую основу великого княжения. Интересны, однако, и непосредственные мотивы этой коммендации. По словам летописца, тверские бояре переходили на московскую службу, «не терпяще обиды от великого князя, зане же многи от великого князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях. Где межи сошлися с межами, где ни изобидять московские дети боярские, то пропало. А где тверичи изобидять, а то князь великий поношением посылаеть и з грозами к Тверскому. А ответом его веры не иметь, а суда не дасть».[160]

Это сообщение Львовской летописи представляет чрезвычайно большой интерес. Перед нами яркая бытовая зарисовка, бросающая свет на методы и характер московской политики по отношению к землям соседних феодалов. Как видим, порубежные споры о межах превращаются в руках московского правительства в важное политическое средство — средство давления на феодалов соседнего княжества. Как в 60-е гг. в Ярославском княжестве московский наместник князь И. В. Стрига Оболенский проводил определенную аграрную политику, четко направленную на перестройку структуры феодального землевладения в интересах московской великокняжеской власти, на подрыв старой и создание новой системы феодального землевладения и вассалитета, так и теперь, двадцать лет спустя, в другом месте и в других условиях московское правительство преследует ту же основную цель — ослабить, расшатать, разрушить систему феодального землевладения чужого княжества и заменить ее новой системой землевладения служилых людей московского великого князя. Но если в полузависимом Ярославле московский наместник мог фактически самостоятельно перестраивать феодально-вотчинную структуру, то в условиях формально суверенного

Тверского великого княжения средством давления на местных феодалов являются порубежные споры и конфликты непосредственно на местах. И, как видим, эта политика приносит положительные для Москвы результаты. Разуверившись в реальности защиты со стороны своего великого князя, утратив доверие к политической системе Тверского великого княжения, тверские вотчинники не видят для себя другого выхода, как переход на службу к великому князю московскому, способному реально защитить их феодальные интересы. В этом проявляется одна из важнейших черт перестройки феодальных отношений, самого глубинного процесса создания единого государства. Дискредитация местных мелких центров (в экономическом, политическом, идеологическом отношениях) с необходимостью приводит к переориентации феодалов (и не только феодалов) в сторону более реальной силы, могущей обеспечить их насущные потребности. И этой силой в конечном итоге становится Москва — центр нового Русского государства, стимулирующий отмирание старых и развитие новых явлений в русском феодальном обществе.[161]

Не будет преувеличением сказать, что к лету 1485 г. Тверское великое княжение переживало серьезный политический кризис. Суть этого кризиса — распад старых феодальных связей, составлявших основу политической системы Тверской земли, а его глубинные причины — насущная, настоятельная необходимость включения Твери (в той или иной форме) в состав Русского государства. В этих условиях великий князь Михаил и его ближайшее окружение не сумели и не захотели порвать со старой литовской традицией и выработать принципиально новый политический курс, направленный на усиление контактов с Москвой. Того же лета «выняли у гонца Тверского грамоты, что посылал в Литву к королю».[162]

Тайные сношения с Литвой — серьезное нарушение соответствующего обязательства, зафиксированного в только что заключенном московско-тверском докончании. Если значительная часть тверских феодалов в 1485 г. перешла на службу к Москве, продемонстрировав тем самым свою готовность сотрудничать с правительством Русского государства, то глава Тверской земли и в новых условиях продолжал цепляться за старые традиции, пытаясь поддержать свою эфемерную власть.

Поимка гонца с вещественным доказательством нарушения Михаилом Тверским своих обязательств вызвала новый — и последний — конфликт с Москвой. Московское правительство заявило резкий протест («вельми поношая ему»). В этой ситуации Михаил делает отчаянные попытки избежать полного разрыва, грозящего неминуемым разгромом. Он посылает в Москву своего епископа «бити челом» московскому великому князю. Но «князь же великий не прият челобитья его». Неудачей окончилась и миссия князя Михаила Холмского — важнейшего лица в феодальной иерархии, дядьки великого князя тверского: государь всея Руси его «на очи не пустил».[163] Участь Тверского великого княжества была уже решена.

Сбор войск начался в июле. «Прислал князь великий. . . гонца в отчину свою в Великий Новгород к боярину своему наместнику

Новгородскому Якову Захарьичу... велел ему ити к Тфери со всеми силами новгородскими».[164] Разумеется, поход на Тверь был делом не только новгородских полков. «Августа 21 поиде к Тфери князь великий Иван Васильевич всея Руси и з своим сыном с великим князем Иваном Ивановичем, и з братьею своею, с князем Андреем Васильевичем и с князем Борисом Васильевичем, и с воеводы, и с многими силами на великого князя Тверского Михаила Борисовича за его неправду, что он посылал грамоты к королю Литовскому Казимиру и подымал его воинством на великого князя... всея Руси».[165]

В этом известии, носящем явно официальный характер, четко расставлены все акценты. В поход на Тверь идут силы всей Русской земли, он носит характер общегосударственного предприятия и вызван изменой — «неправдой» — тверского великого князя, его попыткой поднять короля на Русь. Как и новгородские походы 70-х гг., поход на Тверь мотивируется опасностью иностранной интервенции и тем самым рассматривается как общерусское дело. Действительно, новгородские бояре и тверской великий князь в аналогичных условиях проводят аналогичную политическую линию: отстаивая свою «старину», борясь против Москвы, за сохранение власти в своих землях, они обращаются за помощью к Казимиру Литовскому. Тем самым они бросают вызов не только великому князю московскому, но и всему Русскому государству. Борьба за местную «старину» приводит к конфликту со всей Русской землей, делает местных консерваторов-сепаратистов пособниками врагов Русского государства. Софийско-Львовская летопись приводит интересные детали. В походе участвуют и князь Федор Бельский — новый служилый князь, представитель русской оппозиции королю на землях, находящихся в его подданстве, и Аристотель Фиоревенти «с пушками, и с тюфякы, и с пищальми».[166] Итак, на Тверь движутся главные силы русского войска, вооруженные артиллерийскими орудиями всех разновидностей.

Войска шли крайне медленно. Только 8 сентября «прииде князь великий... и с своим сыном... и с своею братьею, и с воеводы, и с всеми силами под город Тферь и обступи град».[167] Средний темп продвижения был, таким образом, не более 7—8 км в сутки — в несколько раз ниже, чем в новгородских и ливонских походах. Русское командование не имело оснований сомневаться в успехе и, может быть, поэтому не спешило. «Воюючи со все стороны», русское войско, как туча, обложило Тверь. В субботу 10 сентября были зажжены посады «около града Тфери».[168] А уже на следующий день «приехаша к великому князю из города изо Тфери князи и бояре, тферские коромолники, и биша ему челом в службу».[169] Распад тверской политической системы завершился. Оставленный своими вассалами и «видя свое изнеможение», Михаил Тверской «того же дни на ночь побежал из града Тфери... к Литве».[170] 12 сентября, в понедельник, к великому князю всея Руси явилась официальная тверская депутация во главе с епископом Вассианом и князем Михаилом Холмским «з братьею своею и з сыном»

и «город отвориша».[171] Интересен состав депутации: кроме перечисленных лиц в нее входили «инии мнози бояре и земские люди все». Капитуляция Твери была, следовательно, делом не только феодальной верхушки, еще остававшейся в городе, но и рядовых горожан, основной массы жителей города. И это счел нужным подчеркнуть официозный московский летописец.[172]

С сопротивлением Твери было покончено. Вставал вопрос о дальнейшей судьбе столицы Тверской земли. «И князь великий послал в город Юрия Шестака да Константина Малечкина и диаков своих, Василия Долматова, да Романа Алексеева, да Леонтия Алексеева, велел горожан всех к целованию привести».[173] Итак, вопрос о будущем Твери был решен однозначно: жители стольного города были приведены к присяге и тем самым стали подданными государя всея Руси, гражданами Русского государства на общих началах, как новгородцы и владимирцы, ярославцы и костромичи. Тверское великое княжение как таковое, как особый политический организм прекратило свое существование.

В глазах московского правительства Тверь сразу становится интегральной частью Русского государства. Город не завоеван, не взят на щит, а как бы добровольно присоединился. Став подданными, целовав крест, тверичи тем самым попадают под защиту великокняжеской власти. Именно поэтому должностным лицам, посланным великим князем, вменяется в обязанность «гражан... от своей силы беречи, чтобы их не грабили».[174] Еще через три дня, 15 сентября, состоялся въезд в Тверь государя всея Руси и его сына: они присутствовали на обедне в Спасском соборе, патрональном храме Тверской земли. Здесь же, по-видимому, было объявлено важное политическое решение: великий князь «дал ту землю сыну своему, великому князю Ивану Ивановичу».[175] 18 сентября новый правитель Тверской земли «въехал в город Тферь жити», а 29 сентября Тверской поход закончился: «...великий князь Иван Васильевич приехал на Москву, взяв город Тферь».[176]

Итак, во главе Тверской земли был поставлен сын и наследник великого князя всея Руси, великий князь Иван Иванович. Что же реально означает этот факт? Является ли Иван Молодой новым, очередным великим князем Тверской земли (хотя и под рукой московского государя), или он не более чем доверенное лицо московского правительства, своего рода московский наместник в Тверской земле? Вся совокупность данных, имеющихся в нашем распоряжении, заставляет склониться в пользу второго ответа на поставленный вопрос: сочетая в своем лице качество наследника Русского государства и номинального великого князя Твери, Иван Иванович управлял Тверской землей в рамках, предоставленных ему Москвой, и как представитель последней. Ни о каком самостоятельном политическом значении его власти в Твери не было, по-видимому, и речи.[177]

Тверская феодальная традиция по своей социально-политической природе была в принципе однотипна с московской. В этом

существенное различие в судьбах тверских и новгородских феодалов. Но сохранение основ старой феодальной традиции, воплощенной в системе феодальных вотчинных отношений, означает тем самым и сохранение (в основном) прежнего положения эксплуатируемого населения феодальных вотчин. И действительно, на судьбы тверского крестьянства — и владельческого, и черного — включение в состав Русского государства повлияло гораздо слабее, чем на судьбы смердов и сирот Новгородской земли. Аграрная политика, проводившаяся в последние десятилетия XV в. в Новгородской земле, затронула Тверскую землю, как и другие районы Северо-Восточной Руси, только частично и в гораздо более слабой степени, как бы в отраженном виде.

Большинство княжеств Северо-Восточной Руси вошло в состав Русского государства почти безболезненно, и их прежние государи и бояре легко превратились в служилых людей великого князя всея Руси. Новгородская феодальная олигархия, напротив, оказала Москве решительное сопротивление, в результате чего была полностью разгромлена и потеряла свое прежнее социальное качество. Судьба Тверского великого княжения — третий, промежуточный, вариант ликвидации феодальной особности.[178] Падение Твери произошло в результате крупного политического конфликта, в ходе которого была разрушена прежняя политическая организация Тверской земли, а ее глава оказался за рубежом. Однако основная масса тверских феодалов более или менее добровольно коммендировалась на службу к новому сюзерену и тем самым сохранила свой социальный и экономический статус. Ликвидация великого княжения и установление новой политической власти в Тверской земле произошли сравнительно безболезненным путем — у старого порядка нашлось немного сторонников. Основную причину этого явления следует искать в том, что задолго до того, как русские войска обложили Тверь и запылали городские посады, политический статус великого княжения себя уже полностью исчерпал. Ни феодалы, ни горожане не смогли найти ни моральных, ни материальных возможностей сражаться против войск государя всея Руси. В новых политических условиях «город святого Спаса» не имел никаких шансов остаться вне единого Русского государства.

С ликвидацией Тверского княжества исчезает важный и опасный плацдарм литовского политического влияния и потенциальной агрессии, глубоким клином врезавшийся в русские земли. Безопасность столицы Русского государства с северо-западного направления становится теперь надежно обеспеченной, как и безопасность всего Верхнего Поволжья. В этом плане включение Твери в состав Русского государства — крупный военно-политический успех Ивана III, сравнимый по своему масштабу и значению с присоединением Новгорода. Падение Тверского великого княжения означало, что с удельной системой как с основой политической структуры Русской земли было покончено. Вся политическая власть в стране сосредоточилась в Москве, в руках великого князя и его правительства. 12 сентября 1485 г. — важная историческая дата: в этот день

в Твери был формально завершен процесс ликвидации феодальной раздробленности и создания единого Русского государства.

Короткий хронологический период, рассмотренный в книге, принадлежит к звездным часам нашего Отечества. В эти годы решался коренной, фундаментальный вопрос — быть или не быть Русскому государству.

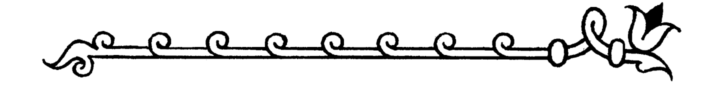
Ордынское иго было основной политической реальностью русской жизни на протяжении почти четверти тысячелетия.

«Кровь и отец, и братия нашея, аки вода многа, землю напои; хробрии наши, страха наполнешася, бежаша; мьножайша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наша смьрися, красота наша погыбе... Земля наша иноплеменником в достояние бысть... в посмьх быхом врагом нашим...».[179] Ближайший современник Батыева нашествия епископ Серапион чутко уловил обе стороны национальной катастрофы, постигшей Русскую землю во второй четверти XIII в. Трагической реальностью на века было и политическое подчинение хану, и выплата даней, и почти непрерывные крупные и мелкие нашествия ордынских ханов и «царевичей». Невозможно подсчитать ни материальный ущерб от бесконечных татарских ратей, ни миллионы русских людей, захваченных в «полон» и превращенных в живой товар на восточных работорговых рынках. Невозможно оценить меру унижения, деформации общественного сознания и чувства национального достоинства за столетия ига.

Победа на Куликовом поле означала начало перелома в русско-ордынских отношениях — переход от пассивной обороны к активной борьбе за свержение ига. Победа на Угре означает конец ига — восстановление полного национального суверенитета Русской земли.

Неудивительно, что с этим крупнейшим событием совпадает другое — ликвидация феодальной раздробленности и объединение Руси. Победа на Угре и конец удельной системы связаны не только хронологически, но прежде всего реально-исторически — это две стороны одного и того же процесса воссоздания Русского государства, национального возрождения Руси. В последние десятилетия XV в. были решены великие исторические задачи, доставшиеся от прошлых веков. Перед объединенной, освобожденной Русской землей открывались новые горизонты.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

[1] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства : Вторая половина XV в. М., 1952; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1, и др.; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974; *Зимин А. А.* 1) Россия на рубеже XV—XVI вв. М., 1982; 2) Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения : Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980; *Черепнин Л. В.* 1) Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. М., 1948. Ч. 1; 1951. Ч. 2; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках : Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960.

[2] В связи с этим представляется, что обычно принимаемая дата включения Пскова в состав Русского централизованного государства — 1510 г. — на самом деле означает ликвидацию вечевого строя, т. е. внутренней автономии Псковской земли, уже давно лишенной всякой внешне- и внутриполитической самостоятельности и только сохранявшей старые вечевые традиции. Ср.: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

[3] Наиболее реальными признаками их деятельности является соответствующая документация — разрядные записи (прослеживаемые с конца 60-х гг.) и посольские книги (наиболее ранняя из сохранившихся относится к 1474 г.). См.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I, ч. 1. (Далее — РК); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. М., 1884. Т. I. (Сб. РИО; Т. 41).

[4] См.: *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и образовании национальных государств // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 406—416.

К главе I

[1] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 197.

[2] См.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 54 и след.

[3] АСВР. Т. II. № 315. С. 279—282; см.: *Никольский Н. К.* Правая грамота митрополита Геронтия // Памятники древней письменности. СПб., 1895. Т. III. С. 51—64.

[4] Свидетельством юрисдикции белозерских князей над монастырем являются их многочисленные жалованные грамоты с очень широким судебным и податным иммунитетом (*Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 41—43). Князья выступали и в качестве арбитров в земельных спорах монастыря с представителями других княжеств. Так, в период описываемых событий князь Михаил Андреевич решил в пользу Кириллова монастыря его спор с Троицким Сергиевым монастырем (АСВР. Т. I. № 467. С. 352—354).

[5] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 260.

[6] ДДГ. № 57. С. 178.

[7] Там же. № 61. С. 198.

[8] ПСРЛ. Т. 24. С. 185.

[9] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 276—278; СПб., 1910. Т. 23. С. 157—158; см.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках : Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 826—829.

[10] Касьян стал впервые игуменом после Трифона — 11 апреля 1448 г. епископ Ефрем дал ему благословенную грамоту (АСВР. Т. II. № 97. С. 58—59). По мнению Н. К. Никольского, принятому и И. А. Голубцовым, конфликт с белозерским князем (пребывание Филофея на игуменстве) относится к 1465—1466 гг. (там же. № 315. С. 282).

[11] АСВР. Т. II. № 96. С. 57—58.

[12] Там же. № 178, 179. С. 112, 113.

[13] «. . .творяся тамо сущую братию накормити и милостыню дати», — сообщает Московская летопись (ПСРЛ. М.; Л.,1949. Т. 25. С. 268).

[14] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 260.

[15] В этой связи представляет интерес упомянутая выше благословенная грамота 1448 г. архиепископа Ефрема игумену Касьяну. Благословляя Касьяна на игуменство «деля прошения и моления» монастырских старцев, архиепископ ни словом не упоминает о делах мирских — о суде и пошлинах. Очевидно, он не считал, что эти вопросы входят в его компетенцию (АСВР. Т. II. № 97. С. 58—59).

[16] АСВР. Т. II. С. 694.

[17] Там же. № 235—245, 248 и др.

[18] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 265.

[19] АСВР. Т. II. № 249. С. 164. — Грамота Марии Ярославны интересна еще в одном отношении: в ней ничего не говорится о земельных вкладах. В прошлые времена именно такие вклады по душе были наиболее распространены. Мария Ярославна впервые отступает от этой традиции, в чем можно видеть результат великокняжеской политики, направленной против роста монастырского землевладения.

[20] ПСРЛ. Т. 24. С. 197. — Вероятно, имеется в виду уже известная нам правая грамота.

[21] По справедливому замечанию Я. С. Лурье, «грамота. . . не дает оснований сомневаться в том, что исход спора и расстановка сил описаны летописью правильно» (*Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. . . С. 55).

[22] ПСРЛ. Т. 24. С. 197.

[23] Там же.

[24] *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 169—170.

[25] ПСРЛ. Т. 25. С. 324.

[26] Там же. Т. 24. С. 196. — Ростовская летопись подчеркивает, что на его поставлении был («ту сущу») великий князь Иван Молодой, возглавлявший московскую администрацию в отсутствие отца.

[27] Там же. Т. 25. С. 294.

[28] Там же. С. 324.

[29] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 335.

[30] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[31] АСВР. Т. III. № 496. С. 474.

[32] Там же. № 498. С. 475.

[33] Необходимо вспомнить в связи с этим, что, по свидетельству митрополичьей летописи, основной причиной отставки митрополита Феодосия в 1464 г. был его конфликт с московским белым духовенством, связанным, очевидно, с массой посадского населения столицы, где было «церквей много наставлено, а попы не хотяше делати рукоделиа». В этом конфликте Феодосий не нашел поддержки великого князя и вынужден был оставить митрополию (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 277). Вероятно, дело было не только в стремлении великого князя иметь во главе церкви «более надежного человека», как считает Н. С. Борисов (Русская церковь в политической борьбе. . . С. 163—164).

[34] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[35] РК. С. 24.

[36] ВОИДР. М., 1851. Т. X. С. 51.

[37] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 498.

[38] ПСРЛ. Т. 25. С. 330. — На дочери Михаила Холмского Ульяне был с 1471 г. женат князь Борис Волоцкий (там же. Т. 24. С. 188).

[39] Там же. Т. 24. С. 187.

[40] Там же. С. 189.

[41] Там же. Т. 25. С. 289.

[42] Там же. С. 297.

[43] ПЛ. Т. 2. С. 194—197.

[44] Там же. С. 198.

[45] АСВР. Т. III. № 18, 19. С. 34—36.

[46] ПСРЛ. Т. 25. С. 314—315. — Последний воинский подвиг был совершен князем Холмским в 1487 г., когда он возглавил рать, впервые взявшую Казань 9 июля этого года (там же. С. 331; РК. С. 27). Об авторитете князя Хол-

мского в глазах Ивана III можно судить по тому факту, что 13 февраля 1500 г. за его сына Василия великий князь выдал свою дочь Феодосию (ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 332). Через год княгиня Феодосия умерла (там же. Т. 28. С. 334), но ее муж продолжал сохранять выдающееся положение при дворе — в духовной Ивана III он назван первым из бояр-свидетелей (ДДГ. № 89. С. 364).

[47] ВОИДР. Т. X. С. 102.

[48] В январе 1435 г. Ф. М. Челяднин защищал Вологду от войск Василия Косого и попал в плен при взятии города (ПСРЛ. Т. 25. С. 252).

[49] В январе 1462 г. он возглавил московское посольство в Великий Новгород (ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 206—207).

[50] Был судьей по земельным делам в Переяславском уезде (и, вероятно, наместником) (АСВР. Т. I. № 20, 326).

[51] ДДГ. № 61. С. 199.

[52] Он упоминается в качестве боярина великого князя на суде о землях Спасо-Евфимьева монастыря с одним из ярославских князей (АСВР. Т. II. № 464).

[53] ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

[54] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 94.

[55] При составлении духовной Ивана III он назван третьим среди бояр (ДДГ. № 89. С. 364).

[56] ВОИДР. Т. X. С. 108.

[57] ПСРЛ. Т. 25. С. 315 и след.

[58] Там же. С. 305, 309.

[59] Там же. Т. 23. С. 151.

[60] Там же. Т. 25. С. 267.

[61] Он то ли не «посмел» ударить по ордынцам, в чем его обвиняет Софийско-Львовская летопись (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 263), то ли просто опоздал (не «поспел», как считает Ермолинская летопись) (там же. Т. 23. С. 155).

[62] АСВР. Т. I. № 325. С. 234; № 335. С. 243; см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 327.

[63] ДДГ. № 68. С. 224.

[64] АСВР. Т. I. № 335.

[65] ПСРЛ. Т. 25. С. 267.

[66] Там же. С. 306.

[67] ВОИДР. Т. X. С. 104; ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

[68] ПСРЛ. Т. 25. С. 305.

[69] Там же. С. 322.

[70] Там же. С. 326.

[71] Там же. Т. 18. С. 266.

[72] Там же. Т. 25. С. 326.

[73] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 336.

[74] ПЛ. Т. 2. С. 58, 218—219. — К. В. Базилевич почему-то считает эту дату неверной (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 125, примеч.). Однако она подтверждается как дальнейшим изложением псковских летописей, так и сообщением Новгородской IV летописи о десятинедельном пребывании великого князя в Новгороде (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 457).

[75] ПЛ. Т. 2. С. 58, 218—219.

[76] ПСРЛ. Т. 24. С. 197.

[77] Исследование В. Л. Янина свидетельствует, что «боярство Словенского конца в целом выражало наиболее умеренные взгляды» (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 348).

[78] Может быть, следует читать «испродал», т. е. подверг наказанию — продаже.

[79] В этой связи представляют интерес сведения, приводимые В. Н. Татищевым о походе 1479 г. По его словам, «новгородцы, забывше свое крестное целование, мнози начаша тайне колебатися и королем ляцким и князьям ливтовским ссылатися, зовуще его с воинствы в землю Ноогородскую. И король обесчевал итти к Новугороду». Далее В. Н. Татищев приводит подробности похода, не подтверждаемые никакими источниками и являющиеся, по-видимому, своеобразной контаминацией, свойственной этому автору (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 67, 68). Тем не менее процитированные слова В. Н. Татищева правдоподобно отражают общее состояние Новгорода в канун похода 1479 г.

[80] Этому соответствует сообщение одного из «Кратких летописцев», опубликованных А. А. Зиминым: «Лета 6988 поимал князь великий новгородцев» (Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 10). По сведениям В. Н. Татищева, непосредственно после прибытия великого князя в Новгород было схвачено 50 «пущих крамольников», которые под пыткой дали показания о виновности Феофила. Затем было казнено более 100 «больших крамольников». Трудно сказать, насколько достоверны эти подробности, отсутствующие в наших источниках. Тем не менее они в известной степени правдоподобны — перекликаются с данными Типографской летописи и «Краткого летописца».

[81] «Надо полагать, что одновременно с этим (опалой Феофила. — *Ю. А.*) были отписаны на великого князя и земли владыки» (*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. М.; Л., 1961. С. 319). По мнению В. Н. Бернадского, именно в это время была конфискована часть тех 8.5 тыс. обеж, которые, по подсчетам Б. Д. Грекова, были отписаны у Софийского дома в 1478 г. (ср.: *Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. С. 298).

[82] Те «девять недель, что провел Иван III в Новгороде зимой 1479/80 г., были временем напряженнейших поисков им социальной опоры в Новгороде», — справедливо замечает В. Н. Бернадский (Новгород и Новгородская земля. С. 319).

[83] ПЛ. Т. 2. С. 218.

[84] Там же. С. 58, 218; Т. 1. С. 76. — Дмитрий Давыдович — из рода Морозовых, давшего ряд выдающихся деятелей XV в. (ВОИДР. Т. X. С. 181).

[85] ПЛ. Т. 2. С. 218—219.

[86] Там же. С. 217—218.

[87] Подготовка Ордена к войне началась еще с лета 1479 г. Из переписки властей Ревеля, Дерпта, Нарвы, магистра Ордена и ганзейских городов можно заключить о значительном размахе этой подготовки. Из письма властей Нарвы в Ревель от 29 ноября 1479 г. видно также, что в Новгороде и Пскове у ливонцев была своя агентура — «тайные друзья», сообщившие о походе великого князя на Новгород и приписавшие ему намерение вторгнуться в Швецию или Ливонию (что на самом деле, по-видимому, не имело места) (*Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 127—128; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения : Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 154—155).

[88] ПЛ. Т. 2. С. 219.

[89] Там же. С. 58.

[90] Там же. С. 458, 219.

[91] Если считать псковскую соху примерно равной трехобежной новгородской (прямые данные об этом отсутствуют), то 4 сохи — около 100—120 московских четвертей. Интенсивность псковской мобилизации в этом случае примерно равна зафиксированной в XVI в. для Русского государства («со ста четвертей человек на коне и в доспехе в полном»).

[92] ПЛ. Т. 2. С. 219.

[93] Там же. С. 58.

[94] Там же. Т. 1. С. 63—68; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 133—143.

[95] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1948. № 78. С. 133—136; ПЛ. Т. 1. С. 194—199; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 148—154.

[96] По мнению Н. А. Казаковой, которое представляется достаточно обоснованным, целью нападения Ордена было не решение мелких пограничных вопросов, а «нанесение удара по Русскому государству, на усиление которого ливонские ландсгерры смотрели со страхом» (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 158). Такого же мнения и К. В. Базилевич (Внешняя политика... С. 128). Этому соответствует и размах военных приготовлений Ордена. По словам ливонского хрониста, магистр Бернд фон дер Борх «собрал такую силу народа против русского, какую никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после» (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. т. 2. С. 287—288).

[97] ПЛ. Т. 2. С. 219. — Князь Андрей Никитич, по родословному прозвищу Ноготок, — выходец из рода Оболенских, потомков черниговских князей, которые еще с конца XIV в. прочно связали себя с Москвой. Прадед Андрея, первый оболенский князь Константин Иванович, пал в битве с Олгердом во время его похода на Москву в 1368 г. Двоюродный брат Андрея — знаменитый воевода великого князя Иван Васильевич Стрига, а родные братья — Василий и Петр — служили во дворах удельных князей Московского дома (ВОИДР. Т. X. С. 46 и след.).

[98] ПЛ. Т. 2. С. 59, 220.

[99] Там же. С. 59.

[100] Там же. С. 59, 220.

[101] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[102] *Алексеев Ю. Г.* Феодальный мятеж 1480 года // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 106—113.

[103] ДДГ. № 69, 70. С. 225—249; см.: *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 422—424; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. XIV—XVI вв. М., 1948. Ч. 1. С. 166—169.

[104] ДДГ. № 71. С. 249—251.

[105] Там же. С. 251.

[106] См., например, духовную князя Юрия Васильевича 1472 г. (ДДГ. № 68. С. 222, 224).

[107] Впрочем, эта титулатура еще неустойчива. В договорных грамотах с братьями великий князь по-прежнему именуется только «господином», так же и в духовной князя Андрея Меньшого 1481 г. (ДДГ. № 74. С. 275—277), и только в духовных потомков Бориса Волоцкого в начале XVI в. снова появляется термин «осподарь», «государь» (там же. № 87, 88).

[108] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336. — Иван Владимирович Лыко — двоюродный брат Стриги Оболенского и Андрея Ноготка, представитель младшей линии князей Оболенских.

[109] Там же.

[110] Мерило Праведное по списку XIV в. М., 1961. С. 125—130.

[111] О самоуправстве князя Лыка и его людей сохранились и другие известия. Так, запись о «ржевской дани», помещенная в Литовской метрике, рассказывает о грабежах и насилиях, чинимых этим наместником в период его управления Ржевой. В результате «многии люди с тых грабежов разбеглись по заграничью, кое ко Пскову, кое инде где». Только в одном Ошевском погосте «слуги Лыковы взяли рублев на тритцать, ино по клетем ходечи грабили» (РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 466 и след.).

[112] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336. — Юрий Шестак — это Юрий Иванович Кутузов, принимавший активное участие в Новгородском походе 1475 г. и в аресте новгородского боярина Офонасова, обвиненного в государственной измене (там. же. Т. 25. с. 306).

[113] Формула межкняжеских докончаний: «в удел ти. . . в мои. . . приставов своих не всылати» — последний раз встречается в договоре Василия Темного с князем Василием Ярославичем 1451—1456 гг. (ДДГ. № 58. С. 185) и в неутвержденной грамоте Андрея Углицкого ранее 1472 г. (там же. № 66. С. 216).

[114] Андрей Михайлович Плещеев происходит из боярского рода Бяконтов, служившего Москве еще в XIV в. (ВОИДР. Т. X. С. 98—99). Его отец Михаил Борисович — один из наиболее видных бояр Василия Темного, прославившийся освобождением Москвы от Шемяки в декабре 1446 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 268). Сам Андрей в октябре 1445 г. привез в Москву известие об освобождении Василия Темного из казанского плена (ПСРЛ. Т. 25. С. 263), в 1475 г. он назван первым среди окольничих, сопровождавших Ивана III в Новгород (РК. С. 20).

[115] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336. — Василий Федорович Образец Симский — из рода бояр Добрынских. 27 июля 1471 г. во главе войск великого князя он наносит решительное поражение новгородской рати на Двине, в 1473/74 г. — боярин, в 1477 г. участвует в походе на Новгород, в 1478 г. с судовой ратью совершает поход на Казань (ВОИДР. Т. X. С. 98; ПСРЛ. Т. 25. С. 290, 316, 323; *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 304—307).

[116] ДДГ. № 69. С. 232.

[117] Опалы Ивана III не имели необратимого характера. В 1483 г. князь Лыко Оболенский был послом в Крыму (Сб. РИО. Т. 41. № 9. С. 34), а летом 1489 г. — воеводой у двинян в походе на Вятку (ПСРЛ. Т. 37. с. 96).

[118] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336.

[119] Там же.

[120] ДДГ. № 1. С. 10.

[121] Там же. № 4. С. 16.

[122] Там же. № 12. С. 35.

[123] Там же. № 13. С. 38.

[124] Там же. № 16. С. 44.

[125] Там же. № 61. С. 197.

[126] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 165, 166, 185—186, 190 и др.; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. . . Ч. 1. С. 61 и др.; *Алексеев Ю. Г.* Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // ВИД. Л., 1987. XVIII. С. 107—110.

[127] ДДГ. № 24. С. 64.

[128] Там же. № 58. С. 179—180.

[129] Там же. № 2. С. 13.

[130] Там же. С. 12.

[131] Там же. С. 13.

[132] Там же. № 70. С. 238.

[133] Там же. С. 239.

[134] Там же. № 11. С. 32. — Третье докончание Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем 1389 г.

[135] Там же. № 14. С. 40.

[136] Основываясь на третьем договоре Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем, Л. В. Черепнин высказал мысль, что «в 1389 г. был проведен новый (территориальный) принцип формирования военных сил в противоположность старому (служебному). . . Территориальный принцип формирования вооруженных сил должен был способствовать их централизации в руках великокняжеской власти» (*Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. . . С. 653—

654). Если бы такой (территориальный) принцип был действительно осуществлен, то он не только означал бы коренной переворот во всей организации феодального войска, но и привел бы к исчезновению права отъезда и неприкосновенности вотчин. Все три принципа неразрывно связаны между собой: с отменой одного из них оба других теряют всякий смысл. Думается поэтому, что Л. В. Черепнин был введен в заблуждение неясной формулировкой соответствующей статьи докончания 1389 г.: «[1] А коли ми будет послати на рать своих воеводѣ, а твоих бояръ хто имет жити в моем удѣлѣ... и тѣмѣ поѣхати с моимъ воеводою, а моимъ по тому же с твоимъ воеводою. [2] А коли ми будет самому всести на конь, а тебе со мною, или тя куды пошлю, и твои бояре с тобою» (ДДГ. № 11. С. 32. — В издании перед словом «или» поставлена точка и второй пункт разбит на два самостоятельных предложения). Таким образом, статья состоит из двух пунктов, предусматривающих соответственно два возможных случая: 1) посылку бояр с воеводой без князя; 2) участие в походе самого князя. Второй случай сомнения не вызывает — бояре идут в поход со своим князем, как это и подтверждается всеми последующими договорами. Первый случай разъясняется договором великого князя Василия Дмитриевича с тем же князем Владимиром Андреевичем, заключенным через несколько месяцев после этого. Здесь соответствующий пункт сформулирован следующим образом: «А коли ми послати своихъ воеводъ ис которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдуть с твоимь воеводою, а твои воевода с моимь воеводою вмѣстѣ. А хто живетѣ наших боярѣ в твоей отчинѣ и в удѣлѣ, а тымь по тому же» (ДДГ. № 13. С. 38). Следовательно, бояре, живущие в чужом уделе, едут в поход (в отсутствие своего князя) с воеводой владельца удела. Это, видимо, и имелось в виду в договоре Донского с Владимиром Андреевичем. Другой (территориальный) порядок феодальной службы разрушил бы самую основу ее.

[137] ДДГ. № 2. С. 11.

[138] Наиболее существенное отклонение от этого общего принципа наблюдается в первой договорной грамоте Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем около 1367 г. (по датировке Л. В. Черепнина). В заключительной части этой грамоты содержится особая статья: «А тобѣ, брату моему молодшему, мнѣ служити безъ ослушанья... а мнъ тобе кормити по твоей службѣ (ДДГ. № 5. С. 21). Эта статья, ставящая удельного князя в служебные отношения к великому князю, не встречается ни в одном последующем договоре и потому является уникальной. Грамота содержит и некоторые другие отклонения от обычного формуляра. Она не имеет печати или следов ее. Все это позволяет высказать предположение, что перед нами неутвержденный проект докончания.

[139] ДДГ. № 69. С. 225.

[140] Там же. № 61. С. 198.

[141] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336.

[142] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 295—296.

[143] ДДГ. № 69. С. 225; № 70. С. 233.

[144] ПСРЛ. Т. 24. С. 198.

[145] Там же.

[146] Там же. Т. 25. С. 326.

[147] Характерно, что князь Андрей Меньшой считал для себя необходимым присутствовать на церемонии, несмотря на свою болезнь.

[148] ПСРЛ. Т. 24. С. 198.

[149] ПЛ. Т. 2. С. 60.

[150] ПСРЛ. Т. 24. С. 198. — По данным Московской летописи, Андрей и Борис «на Углече быша донели же князь велик и прииде из Новгорода на Москву», т. е. до 13 февраля (там же. Т. 25. С. 326).

[151] В январе 1450 г. Галич пал только после ожесточенных боев (ПСРЛ. Т. 25. С. 270—271).

[152] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 308. — Общий характер феодальной войны при Василии Темном верно оценен Л. В. Черепниным: «Крепнувшей великокняжеской власти, опиравшейся на служебное боярство, формирующееся дворянство, поддерживаемой горожанами, удалось подавить сопротивление удельно-княжеской и боярской оппозиции, шедшей из феодальных центров, которые отстаивали свою независимость» (там же. С. 743). Прав Л. В. Черепнин и когда утверждает, что галицким князьям удалось привлечь на свою сторону не только феодалов, но частично и трудовое население своих уделов (там же. С. 745, 747, 761, 807), видевшее в них «своих» князей в противоположность «чужим», москов-

ским. Менее доказательно мнение Л. В. Черепнина о том, что поддержка населением уделов их князей имеет особые социальные мотивы: «Укрепление централизованного государства было связано с углублением крепостнических отношений и распространением их на окраины» (там же. С. 761). Представляется более вероятным, что развитие феодальных отношений шло по одному и тому же пути в центре и на окраинах и что политика галицких князей в этом смысле не отличалась от политики московских князей. Поражение удельных князей объясняется именно тем, что у них в конечном итоге оказалась менее прочная и широкая социальная база, чем у великого князя.

Свою характеристику движущим силам феодальной войны дает и А. А. Зимин. По его мнению, «во всяком случае на первом этапе, т. е. до конца 1446 г., горожане Северо-Восточной Руси поддерживали князя Юрия и его сыновей», причем это относится не только к удельным центрам, но и к посадским людям, гостям и суконникам в самой Москве (*Зимин А. А.* В борьбе за Москву: (Вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 86). Объяснение этому феномену он видит в том, что именно «галицкие князья кровно были заинтересованы в торговле со странами Запада и Востока, в решительной борьбе с ордынцами. . . налагавшими тяжелые «выходы», которые платили все те же посадские люди» (там же). «Самым решительным и грозным противником галицких князей» была «военно-служилая масса» — «спаянные единством целей княжата, бояре и дети боярские», т. е. силы феодалов, сплотившихся вокруг Москвы (там же. С. 90). Необходимо, однако, отметить, что в статье А. А. Зимина его концепция аргументирована явно недостаточно. Не ясно, почему именно галицкие князья были «кровно заинтересованы в торговле» и из чего видна их «решительная борьба» с ордынцами. Известные факты не подтверждают этого тезиса. Так, в 1431 г. князь Юрий Дмитриевич отправляется в Орду за ярлыком и занимается там интригами (ПСРЛ. Т. 25. С. 249), т. е. ни в чем не отступает от обычной (и неизбежной в тех условиях) тактики московских князей в подобных случаях. В 1445 г. Шемяка уклоняется от участия в Суздальской битве: «. . . и не пришел, ни полков своих не прислал» (ПСРЛ. Т. 25. С. 262), — что было одной из важных причин поражения русских войск, а после пленения Василия вступил в переговоры с Улу-Мухаммедом, добиваясь великого княжения (ПСРЛ. Т. 25. С. 263). Не видно также особого благоприятства галицких князей к горожанам. Так, в 1436 г. северный город Устюг оказал упорное сопротивление войску Василия Косого, который, взяв город после 9-недельной осады, «многых устюжан секл и вешал» (ПСРЛ. Т. 25. С. 252). Шемяка, взяв в 1450 г. тот же Устюг без боя (горожане, наученные, видимо, горьким опытом, «против его щита не держали»), расправился тем не менее со своими противниками — «метал их в Сухону реку, вяжучи камение великое на шею им» (ПСРЛ. Т. 37. С. 88—89). В свою очередь и горожане неоднократно выступали против галицких князей: в 1435 г. устюжане хотели убить Василия Косого, который едва спасся, «а кто не поспел людей его за ним, и устюжане тех побили» и освободили пленников, захваченных Косым у великого князя (ПСРЛ. Т. 23. С. 148—149). По сообщению той же Ермолинской летописи (приводимому и А. А. Зиминым) «в Переяславли чернь мужики ослопы убили» вятского воеводу Жадовского, союзника Василия Косого (ПСРЛ. Т. 23. С. 149). Думается, что едва ли найдутся достаточные основания для мнения об особой политике галицких князей по отношению к посаду, как и об особой — благоприятной для них — позиции посадских людей в феодальной войне. Победа Василия Темного над его противниками была победой не феодалов над посадами, а победой Москвы над удельным сепаратизмом, победой, в которой посадские люди и крестьяне были заинтересованы во всяком случае не меньше, чем феодалы, — именно горожане и крестьяне, а не феодалы выносили на своих плечах всю тяжесть феодальной анархии, ордынских ратей и княжеских смут.

[153] «Побравше своя казны и жены и дѣти и повергъше свою отчину, поидоша прочь», — так квалифицирует действия мятежных князей псковский летописец (ПЛ. Т. 2. С. 59—60).

[154] ПСРЛ. Т. 24. С. 198. — Наиболее подробные данные о первых месяцах мятежа и о переговорах с мятежниками содержит Типографская летопись, близкая к ростовскому архиепископу Вассиану, активному участнику переговоров.

[155] Там же. — «Около их множество

бояръ и людии, яко мнѣти ми до 20 000», — пишет псковский летописец (ПЛ. Т. 2. С. 60).

[156] ПСРЛ. Т. 24. С. 198.

[157] Там же. С. 187.

[158] Там же. С. 197.

[159] Там же. С. 198. — Послы мятежных князей — родные братья Андрея Ногтя, московского воеводы в февральском походе 1480 г. на орденские земли. На этом примере видно, как тесно переплетаются службы вчерашних владетельных князей, как тесно персонально связаны дворы великого князя и его удельных братьев.

[160] Там же. С. 199.

[161] ПЛ. Т. 2. С. 60.

[162] ДДГ. № 61. С. 197.

[163] Там же. № 53. С. 161; см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 44.

[164] ДДГ. № 53. С. 160.

[165] Там же. С. 162.

[166] ПСРЛ. Т. 25. С. 395.

[167] Там же. Т. 24. С. 198. — По данным Вологодско-Пермской летописи, в состав посольства входили архиепископ, боярин В. Ф. Образец и не названный по имени дьяк (там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 263). Наиболее полные данные о составе посольства есть в Московской летописи: кроме архиепископа и двух бояр — В. Ф. Образца и В. Б. Тучка — назван дьяк Василий Мамырев (там же. Т. 25. С. 326). Устюжская летопись в составе посольства называет Вассиана и пермского епископа Филофея (там же. Т. 37. С. 95). Однако об участии Филофея в переговорах другие источники молчат.

[168] Там же. Т. 26. С. 263.

[169] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 337. — Трудно сказать, в какой мере это известие соответствует истине. Но оно правдоподобно: князь Андрей Большой, мужественный, но самый несчастливый («Горяй») из сыновей Василия Темного, мог пользоваться особым расположением и сочувствием матери уже в силу несчастных обстоятельств своего рождения — он появился на свет 13 августа 1446 г. в Угличе (там же. Т. 25. С. 267), в темнице, в которой содержались его родители, взятые Шемякой в плен в феврале 1446 г. после захвата Москвы и ослепления великого князя Василия.

[170] ПЛ. Т. 2. С. 220.

[171] Там же. С. 59.

[172] Там же. — Такая же характеристика князя и в III летописи (там же. С. 220).

[173] Там же. С. 59. — III летопись в общей форме сообщает о соединении псковичей с пригорожанами (там же. С. 220). Князь В. В. Бледный Шуйский — с октября 1477 г. шестой князь-наместник Пскова. Он — правнук Василия Кирдяпы, активного деятеля княжеских усобиц в последних десятилетиях XIV в. Его троюродный дядя Василий Васильевич Гребенка был последним относительно независимым новгородским князем («князь желанный нашего добра», как называет его новгородский летописец под 1460 г.) (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 202). В декабре 1477 г., сложив свои полномочия, Василий Гребенка выехал из осажденного Новгорода и перешел на службу к великому князю. Дядя Василия Бледного — Федор Юрьевич, оборонявший Псков в 1463 г., а затем четвертый князь-наместник в Пскове. Еще в 1445 г. Федор Юрьевич был вполне самостоятельным удельным князем и вместе со своим братом Василием (отцом Василия Бледного) заключил договор с Шемякой (ДДГ. № 40. С. 119—121). Победа Москвы в феодальной войне — роковое событие в судьбе этих суздальских князей: она привела их на службу великим князьям московским, превратив из суверенных владетелей в вассалов (ВОИДР. Т. X. С. 45).

[174] ПЛ. Т. 2. С. 59.

[175] Там же. С. 220—221.

[176] Там же. С. 59.

[177] Там же. С. 221.

[178] Из ливонских источников известно, что весной 1480 г. магистр Бернд фон дер Борх вел активные переговоры с рядом германских имперских городов с целью привлечь их к участию в войне против Русского государства. Ливонские послы просили присылки воинских контингентов (с Любека — 2 тыс. человек), вооружения, снаряжения, лошадей и т. п. Магистр стремился также к организации торговой блокады Русской земли. См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 132; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 159 (там же указаны источники).

[179] По словам Вологодско-Пермской летописи, «князь великой посылал: „брате, по отца своего духовной и по приказу в докончание вас прииму и удьл, княж Юрьеву отчину, дам вам“» (ПСРЛ. Т. 26. С. 263). Думается, однако, что эти слова — не конкретное изложение предложений великого князя, а их вольный пересказ.

[180] ПСРЛ. Т. 26. С. 263.

[181] Там же. Т. 37. С. 94—95.

[182] Там же. Т. 24. С. 198. — По данным Софийско-Львовский летописи, «в неделю 50-ю», т. е. 21 мая (там же. СПб., 1853. Т. 6. С. 223; т. 20, ч. 1. С. 337). В издании Львовской летописи ошибочно: «в неделю 8-ю», «н» прочитано как «и».

[183] Там же. Т. 24. С. 198; т. 20, ч. 1. С. 337.

[184] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 129—130. — Трудно согласиться с А. Л. Хорошкевич, когда она утверждает, что «великое княжество Литовское... с 1470 по 1485 г. ни разу не выступило против объединительных усилий Московского княжества» (*Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 78). В действительности Казимир делал все, что мог, чтобы помешать «объединительным усилиям». При этом он только не хотел рисковать большой войной. Вероятно, прав В. Д. Назаров, считая, что Казимир был заинтересован в том, чтобы очаг феодальной войны оставался на территории Руси, почему и не пустил князей в Литву (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 114).

[185] По словам Московской летописи, мятежные князья «высок мыслиша и отпустиша архиепископа и бояр... ни с чем» (ПСРЛ. Т. 25. С. 326). Вологодско-Пермская летопись отмечает: «И князья того же послушав, на вотчины свои не пошли...» (там же. Т. 26. С. 263).

[186] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

К главе II

[1] Краткий обзор литературы см.: *Шанский Д. Н.* «Стояние на Угре» 1480 г.: (некоторые итоги и задачи изучения) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 115—123. — Источниковедческие обзоры см.: *Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Русская литература. 1982. № 2. С. 52—69; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 283—313.

[2] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 66—67, 69—71.

[3] *Щербатов М. М.* История Российская. СПб., 1783. Т. 4, ч. 2. С. 174—185.

[4] Там же. С. 176—177.

[5] Там же. С. 182.

[6] Там же. С. 179.

[7] Там же. С. 183.

[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 6. С. 91—94.

[9] Там же. С. 95—102.

[10] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. С. 8.

[11] Там же. С. 77—82. — Далее С. М. Соловьев приводит преисполненные героического пафоса слова «племянницы византийского императора».

[12] *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462—1508. М., 1867. С. 112—119.

[13] *Тихомиров И. А.* Обозрение состава московских летописных сводов. СПб., 1896. С. 32—36.

[14] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной»: (отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова). СПб., 1896.

[15] *Шахматов А. А.* 1) О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 295—296.

[16] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280—298.

[17] Там же. С. 284.

[18] Там же. С. 288—289.

[19] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 289, 290, 298.

[20] Там же. С. 292—297.

[21] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 102—168.

[22] Там же. С. 121—123.

[23] Там же. С. 141, 143, 145—155.

[24] Там же. С. 159, 160, 163.

[25] *Павлов П. Н.* Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г. // Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та. 1955. Т. IV, вып. 1. С. 202—204, 212.

[26] *Павлов П. Н.* Освобождение Руси от татарского ига: Дис. ...

канд. ист. наук. Л., 1951. С. 253, 259—260. — Машинопись.

[27] Там же. С. 254—255.

[28] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. С. 231—237.

[29] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 874—882.

[30] *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980.

[31] *Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига... С. 57—58; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 283, примеч. 3.

[32] *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 92.

[33] Там же. С. 134—145.

[34] *Назаров В. Д.* 1) Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 104—120; 2) Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

[35] *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 112.

[36] Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, № 365; *Покровская В. Ф.* Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 28—32.

[37] *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 111, примеч. 42; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 309.

[38] *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 112. — Вологодско-Пермская летопись «в текстах за 1480 г. бесспорно восходит к московскому церковному же летописанию» (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 15).

[39] *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 50. — «Лих. (Лихачевский летописец. — *Ю. А.*) абсолютно точен, когда относит 3 октября ко дню прихода на Угру русских сил с Оки под командованием Ивана Молодого», — категорически заявляют Б. М. Клосс и В. Д. Назаров (Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 287, примеч. 17).

[40] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 327.

[41] *Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига... С. 53, 55.

[42] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

[43] *Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига... С. 56—57.

[44] Там же. С. 59 и след.

[45] Там же. С. 62—64.

[46] О влиянии «Послания» на летописи см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 295—296; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 372—373.

[47] *Лурье Я. С.* Конец золотоордынского ига... С. 55.

[48] Там же. С. 66.

[49] См., напр.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 3.

[50] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 290, 292, 298.

[51] *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 27—42.

[52] ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 7—146; см.: *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре // ВИД. Л., 1985. XVI. С. 123—124.

[53] *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // Ист. зап. 1942. Т. 13. С. 257—262; *Муравьева Л. Л.* 1) Новгородские известия Владимирского летописца // Археографический ежегодник за 1966. М., 1968. С. 37—41; 2) Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 143—149.

[54] *Тихомиров М. Н.* Из Владимирского летописца // Ист. зап. 1945. Т. 15. С. 278.

[55] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре. С. 128—129.

[56] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 474.

[57] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. № 31. С. 163, 164. (Сб. РИО; Т. 35).

[58] РК. С. 40.

[59] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[60] Там же. Т. 25. С. 275—276.

[61] Там же. С. 277.

[62] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 156.

[63] Там же. Т. 25. С. 275.

[64] Точная дата прихода Ахмата к власти неизвестна. Как мы видели, в 1460 г. он стоял под Рязанью (по известиям большинства летописей). Но под 1465 г. Типографская летопись сообщает о походе на Русь Махмута, «царя ордынского», «со всею Ордою». На Дону он был разбит Ази-Гиреем Крымским (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 186). Возможно, только после этого Ахмат

стал единовластным ханом (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 32).

[65] *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 176.

[66] Там же. С. 191.

[67] Там же. С. 177.

[68] ПСРЛ. Т. 25. С. 292, 299—301; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 105—106.

[69] ПСРЛ. Т. 25. С. 395.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Там же. С. 291.

[73] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 93.

[74] Там же. Т. 24. С. 191.

[75] Там же. Т. 37. С. 93.

[76] Там же. Т. 25. С. 297.

[77] Русские летописи подчеркивают, что «царь Ахмут Кичиахметович» пошел на Русь «со всею силою великою Ордынскою» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 297), «со всеми силами своими» (там же. Т. 23. С. 160), «со всеми князми и силами ордынскими» (там же. Т. 24. С. 192), «со многими силами» (там же. Т. 25. С. 297).

[78] По мнению Я. С. Лурье, неофициальный рассказ о событиях 1472 г. читался в общем источнике ряда русских летописей, который он считает Кирилло-Белозерским сводом начала 70-х гг. (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 185).

[79] ПЛ. Т. 2. С. 188.

[80] Федор Давыдович, по выражению С. Б. Веселовского, «был выдающимся боярином Ивана III» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 73). Принадлежа к старому московскому боярскому роду Акинфовичей, он стал боярином около 1471 г., отличился в новгородском походе 1471 г. (в частности, в боях под Коростынью, Руссой и на Шелони), выполнял важное политическое поручение: приводил к крестоцелованию новгородцев после Коростынского мира (ПСРЛ. Т. 25. С. 286—291).

[81] Князь Стрига — один из активных участников борьбы с Шемякой. В апреле 1449 г. он одержал над ним победу под Костромой, в январе 1456 г. вместе с Федором Басенком разбил новгородцев под Руссой (что определило исход зимнего похода Василия Темного) (ПСРЛ. Т. 25. С. 267, 268, 270, 274). В 1460—1461 гг. он был первым князем-наместником в Пскове, оставив по себе такую память, что псковичи позднее неоднократно просили о повторном его назначении к ним (ПЛ. Т. 2. С. 147—149, 164, 187). В 1467—1469 гг. Иван Стрига активно участвовал в Казанской войне, в 1471 г. стоял во главе правофланговой рати в походе на Новгород (ПСРЛ. Т. 25. С. 279, 286; Т. 24. С. 187). Будучи наместником в Ярославле, он проводил политику укрепления великокняжеской власти, за что заслужил порицание консервативно настроенных кругов (ПСРЛ. Т. 23. С. 158; АСВР. Т. I. № 338. С. 245).

[82] ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

[83] Там же. Т. 24. С. 192.

[84] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 297.

[85] Там же. Т. 24. С. 192.

[86] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 297.

[87] Там же. Т. 24. С. 193.

[88] Там же. Т. 25. С. 297.

[89] Там же. Т. 24. С. 193.

[90] Львовская летопись приводит рассказ о лихоимстве этого воеводы. Он якобы «захоте... посула, и гражене даша ему пять рублев». Но алчный воевода потребовал «жене своей шестого рубля». Пока шли эти препирательства, «придоша татарове, и Семен побеже за реку Оку и с женою и слугами» (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 297). Такой же текст содержится в Сокращенных сводах и Архангелогородском летописце. Однако Сокращенные своды отмечают, что воевода Семен Беклемишев — «человек на рати велми храбр» (может быть, с ироническим подтекстом) (там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 278, 352).

[91] ПСРЛ. Т. 24. С. 193.

[92] Там же. Т. 25. С. 297. — Н. М. Карамзин видит в известии об отправке великокняжеского наследника в Ростов признак того, что «Москва страшилась» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 6. С. 34). По-видимому, правительство не исключало возможности прорыва ордынской конницы через Оку, в этом случае ордынцы в 2—3 перехода могли бы достичь столицы. Отправка наследника в Ростов свидетельствует о частичной эвакуации Москвы.

[93] К. В. Базилевич объясняет выступление великого князя к Коломне отсутствием данных о движении татар к Алексину (*Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 100). Однако этому противоречит прямое указание летописи: великий князь выступил к Коломне после получения известия о движении на Алексин.

[94] ПСРЛ. Т. 24. С. 193.

[95] Там же. С. 193; т. 20, ч. 1. С. 297; т. 25. С. 297. — Особняком стоит рассказ Архангелогородского летописца о каком-то тайнике, в котором якобы укрылось до тысячи горожан с имуществом. Тайник был выдан Ахмату пленным «русином», жители истреблены, а «русин» отпущен (там же. Т. 37. С. 93—94). Достоверность этого уникального известия провинциального летописца вызывает большие сомнения — уж очень оно похоже на сказку.

[96] Там же. Т. 25. С. 297.

[97] Там же. Т. 24. С. 193.

[98] Там же. Т. 25. С. 297. — Тот же текст содержат Ермолинская летопись (там же. Т. 23. С. 160), Сокращенные своды (там же. Т. 27. С. 278, 352) и устюжские летописи (там же. Т. 37). С. 48, 93). В Сокращенных сводах и Архангелогородском летописце верейский князь снабжен эпитетом «удалый». Прибытие Василия Верейского и Юрия Дмитровского отмечает и Типографская летопись (там же. Т. 24. С. 193).

[99] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 297; т. 24. С. 188, 193; т. 37. С. 92.

[100] Там же. Т. 25. С. 297. — Еще более красочную картину рисует Ермолинская летопись: «А лучися тогды день солнечный, яко же колеблющеся, или озеро синеющеся, всих в голых доспесех и в шеломцех с аловци (там же. Т. 23. С. 160).

[101] Там же. Т. 25. С. 297; т. 20, ч. 1. С. 298; т. 23. С. 181; т. 24. С. 193. — К. В. Базилевич высказал предположение, что служилые татары умышленно были подосланы в стан ордынцев (Внешняя политика. . . С. 101).

[102] ПЛ. Т. 2. С. 188.

[103] Особняком стоит известие Устюжской летописи по списку Мациевича: хан «поиде к себе в Орду» потому якобы, что «нача боятися князя Юрья» (ПСРЛ. Т. 37. С. 48). Тенденция к преувеличению роли удельных князей здесь доведена до крайнего предела.

[104] ПСРЛ. Т. 25. С. 298.

[105] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 293.

[106] В. Д. Назаров считает, что Волнин отправился в Орду «скорее всего еще в 1471 г. и, конечно же, вез с собой выход» (Свержение ордынского ига на Руси. С. 32). В другой своей работе В. Д. Назаров высказывает предположение, что задачей посольства Волнина «было расстроить оформлявшийся антирусский литовско-ордынский союз» (Конец золотоордынского ига. С. 109). Оба эти предположения столь же трудно опровергнуть, сколь и подтвердить. Но миссия Волнина свидетельствует во всяком случае о том, что между Русью и Ордой поддерживались дипломатические отношения.

[107] ПСРЛ. Т. 25. С. 298.

[108] Там же. — По данным Московской летописи, отступление Ахмата «до катун» заняло 6 дней.

[109] АСВР. Т. I. № 26. С. 192.

[110] См., напр.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. . . С. 248—249; ср.: *Алексеев Ю. Г.* Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1983. Вып. 7. С. 108—109.

[111] Архангелогородский летописец сообщает, что П. Ф. Челяднин шел с двором великого князя (ПСРЛ. Т. 37. С. 93). Однако это известие не подтверждается другими источниками.

[112] ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

[113] *Сафаргалиев М. Г.* Разгром Большой Орды : (к вопросу освобождения Руси от татарского ига) // Зап. НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск. 1949. Вып. 11. С. 85.

[114] *Базилевич К. В.* 1) Внешняя политика. . . С. 118, 119; 2) Ярлык Ахмед-хану Ивана III // Вестн. МГУ. 1948. № 1. С. 34.

[115] *Павлов П. Н.* Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в окончательном освобождении Руси от татарского ига // Учен. зап. Краснояр. гос. пед. ин-та. 1955. Т. IV, вып. 1. С. 191, 193—194.

[116] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 265.

[117] Там же. Т. 25. С. 309.

[118] *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 33—34.

[119] ПСРЛ. Т. 25. С. 299, 300.

[120] Там же. С. 268—270, 301. — О переговорах с Крымом см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика. . . С. 102 и след. — Первый русский посол в Крым — выходец из старой, хоть и не очень знатной служилой семьи. В Кремле стоял двор его отца Василия. По словам Ермолинской летописи, от этого двора загорелся Кремль 9 апреля 1453 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 155). Одна из сестер Никиты была замужем за Александром Белеутовым, представителем видного боярского рода (АСВР. Т. III. № 67. С. 98—100; см.: *Веселовский*

С. Б. Исследования... С. 455—456). Сам Никита Беклемишев выполнял административные поручения, был судьей в Переяславском уезде и Гороховце (АСВР. Т. I. № 326. С. 235—236; т. II. № 465. С. 504), а летом 1471 г. был послан с важной миссией в Дикое поле — звать из Орды на службу к великому князю казанского «царевича» Муртазу. Эту миссию он выполнил успешно — «царевич» прибыл в Москву (ПСРЛ. Т. 25. С. 291). Осенью 1472 г. на дворе Никиты содержался Джанбаттиста Тревизан, венецианский эмиссар к Ахмату, задержанный русскими властями по небезосновательному подозрению в шпионаже (ПСРЛ. Т. 25. С. 300). Брат Никиты Семен — участник боев с Ахматом в 1472 г., воевода в Алексине (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 297).

[121] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. М., 1884. Т. I. № 1. С. 1—7. (Сб. РИО; Т. 41). — Инструкция Н. В. Беклемишеву — один из тех посольских наказов, которые свидетельствуют о высоком уровне русской дипломатической документации последних десятилетий XV в. (*Пирлинг П.* Россия и папский престол. С. 235—236) и о высокой профессиональной квалификации ее составителей.

[122] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 5.

[123] Там же. С. 4.

[124] ПСРЛ. Т. 25. С. 302.

[125] Однако в посольском наказе Н. В. Беклемишеву, отправленному в Крым, нет, как мы видели, никаких намеков на подчиненное положение Руси по отношению к Орде. Русское правительство, видимо, в принципе исключало возможность такого положения, стремясь лишь к сохранению добрососедских отношений с Ордой.

[126] ПСРЛ. Т. 25. С. 302. — Дмитрий Лазарев (Дмитрий Лазаревич Станищев) — представитель служилого рода средней руки. Его двоюродные братья Зиновьевичи — Василий Дятел и Иван — были в 70—80-х гг. послами и воеводами (Иван — с 1478 г. новгородский наместник) (ПСРЛ. Т. 25. С. 322), а сам Дмитрий в те же годы известен как разъездчик великого князя и судья по земельным делам в Московском, Переяславском и Юрьевском уездах (АСВР. Т. 1. № 420—422. С. 309—312; № 431, 432. С. 320—324; № 508. С. 386; № 520. С. 395). О Лазаревых см.: *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 422 и след.

[127] К. В. Базилевич высказал мысль, что, «готовясь к войне с Казимиром, неизбежность которой после Новгородского похода (1471 г. — *Ю. А.*) стала очевидной, Иван III рассчитывал оторвать Ахмед-хана от союза с королем и добиться его нейтралитета». В этом плане он склонен рассматривать и миссию Басенкова, которой «хан был удовлетворен» (*Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 104). Во всяком случае сравнительное миролюбие Русского государства по отношению к Орде в 70-х гг. не вызывает сомнений. Не признавая фактически своей зависимости от хана, московское правительство в то же время отнюдь не стремится к полному разрыву с ним. Однако, несмотря на это, именно борьба с Ахматом (а не с Казимиром) была, по-видимому, главной целью и наиболее актуальной задачей русской внешней политики 70-х гг. Восстановление полного национального суверенитета отвечало самым насущным и неотложным потребностям Русского государства. Без решения этой задачи, без надежного обеспечения восточного фронта Русского государства невозможны были никакие другие внешнеполитические акции сколько-нибудь крупного масштаба (например, борьба за возвращение русских земель, захваченных Литвой).

[128] ПСРЛ. Т. 25. С. 303.

[129] Московская летопись называет датой отъезда 27 марта (ПСРЛ. Т. 25. С. 303). В посольском наказе А. И. Старкову приведена дата 23 марта (Сб. РИО. Т. 41. № 2. С. 9). А. И. Старков — сын Ивана Федоровича, боярина Василия Темного, перешедшего на сторону Шемяки в годы феодальной войны (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 259). О нем см.: *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 398—410. — Брат Алексея Александр был дворецким князя Юрия Васильевича (АФЗХ. Ч. I. С. 84) и одним из его кредиторов (ДДГ. № 68. С. 222). Сыновья Алексея Василий и Иван были впоследствии в свите Ивана III во время поездки в Новгород в 1495 г. (РК. С. 46). Пример Алексея Ивановича, выполнявшего весьма ответственное дипломатическое поручение, свидетельствует, что ни опала отца, ни связь с удельным князем не являлись при Иване III безусловным препятствием для карьеры служилого человека, обладавшего лич-

ными способностями и проявлявшего лояльность.

[130] Сб. РИО. Т. 41. № 2. С. 10.

[131] Там же. С. 11.

[132] Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984. С. 74. — При этом русский посол А. И. Старков и его свита были ограблены, «сами только своими головами» дошли до Москвы, «а иных и продали» (Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 16).

[133] ПСРЛ. Т. 25. С. 303.

[134] Османская империя... С. 74—75.

[135] ПСРЛ. Т. 25. С. 304.

[136] Там же. С. 309.

[137] Там же. Т. 24. С. 195.

[138] См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 112 и след.

[139] Как отмечает новейший исследователь И. Б. Греков, «его (Ахмата) реальная политика состояла в том, чтобы, опираясь на достигнутое сращивание Крыма с Ордой, воскресить великодержавные претензии Чингизидов на всю Восточную Европу» (Османская империя... С. 75). В. Д. Назаров обоснованно считает, что «требования Ахмата были не случайными, а закономерной и важнейшей частью его великодержавной программы, сложившейся примерно в это время» (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34).

[140] Как мы видели в посольских наказах, московское правительство в 70-х гг. отнюдь не признавало этой традиции, видя «старину» в отношениях с Ордой только в обмене послами.

[141] ПСРЛ. Т. 25. С. 309.

[142] В. Д. Назаров считает, что Бестужев повез в Орду очередной «выход» (Конец золотоордынского ига. С. 109), однако в источниках об этом ничего нет.

[143] Именно с событиями 1475—1476 гг. большинство исследователей связывают прекращение даннических отношений (*Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 118 и след.; *Павлов П. Н.* Решающая роль вооруженной борьбы... С. 194). В. Д. Назаров, напротив, настаивает на гипотезе о сохранении этих отношений до самого конца 70-х гг. (Конец золотоордынского ига. С. 114).

[144] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[145] Там же. С. 196—197.

[146] Османская империя... С. 75.

[147] Сб. РИО. Т. 41. № 3. С. 14—15.

[148] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 115; Османская империя... С. 75.

[149] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 14—16.

[150] Там же. № 5. С. 16—24. — Князь Звенец Звенигородский из рода потомков черниговских князей, давно потерявших свой суверенитет. Его дед князь Александр Звенигородский в 1408 г. перешел на службу к великому князю Василию Дмитриевичу из Путивля (ПСРЛ. Т. 25. С. 237); отец, Иван Александрович, был боярином Василия Темного (АСВР. Т. I. № 201. С. 144). В июне 1451 г. в качестве наместника на Коломне он неудачно пытался оборонять переправы через Оку и, «убоявся, вернуся назад», открыв тем самым путь к Москве татарам Сеид-Ахметовой орды во главе с «царевичем» Мазовшей (ПСРЛ. Т. 25. С. 271). Гораздо лучше проявил себя князь Иван Александрович как князь-наместник Пскова (третий по счету): при его отъезде осенью 1465 г. псковичи били ему челом, «дабы ся остал» (ПЛ. Т. 1. С. 75). Сам Иван Звенец в 1468 г. участвовал в походе на Казань во главе Устюжского полка (ПСРЛ. Т. 25. С. 280). В походе на Новгород в 1477 г. он — пристав у касимовского царевича Даньяра (ПСРЛ. Т. 25. С. 316). Посольство князя Звенца — первый известный нам случай, когда ответственнейшая дипломатическая миссия возлагается на представителя удельно-княжеского рода. Впоследствии Звенец ходил в 1489 г. в поход на Вятку во главе устюжан (ПСРЛ. Т. 37. С. 96), в 1490 г. участвовал в чине окольничего в приеме имперского посла (ПДСИ. С. 26), в 1495 г. сопровождал великого князя в Новгород (РК. С. 44). 11 октября 1496 г. князь Звенец отправился в свое второе и последнее посольство в Крым (Сб. РИО. Т. 41. № 49. С. 223). Из этого посольства он не вернулся, приехавшие в Москву в августе 1498 г. его спутники сообщили, что «князя Ивана в Перекопи не стало» (Сб. РИО. Т. 41. № 56. С. 253). Князь Иван Звенец, на долю которого выпало заключить один из важнейших международных договоров Русского государства, — один из первых русских дипломатов. Как и его современники, он не был профессионалом в собственном смысле слова, но в его службах дипломатическая деятельность все же выступала на первый план. Как и миссии Темеши и Белого, это посольство не

отражено в Московской летописи, что говорит о неполноте официальной информации, предоставляемой летописцу.

[151] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19—20.

[152] В. Д. Назаров достаточно правдоподобно относит эти события (не датированные в восточных источниках) к 1477—1479 гг. и связывает с ними отсрочку решительного похода Ахмата на Русь (Конец золотоордынского ига. С. 109, примеч. 22).

[153] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // Учен. зап. Мордов. гос. ун-та. Саранск. 1960. Вып. XI (1). С. 269; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 35.

[154] В течение 70-х гг. русско-литовские отношения продолжали обостряться. Осенью 1473 г. «литовские люди» из Любутска убили князя Семена Одоевского, служившего русскому государству (ПСРЛ. Т. 25. С. 301). Это — одно из проявлений почти непрерывной пограничной войны между Литвой и Русью. Переговоры Казимира с Ахматом кроме русских летописей отразились в Литовской метрике. Из нее выясняется, что к Ахмату ездил литовский посол Стрет, который привел его к союзной присяге (РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 348). Польский хронист Стрыйковский также сообщает о переговорах через Стрета (см.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения : (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 217).

[155] *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 42.

[156] См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 116—118.

[157] Ведя переговоры с Русским государством, Менгли одновременно пытался договориться о союзе с Казимиром. Об этом свидетельствует, например, посольство Ази-Бабы к королю в 1479/80 г. Крымский посол принес присягу «у брадстве и у приязни з великим королем Польским и великим князем Литовским» и должен был заключить договор на началах: «кто будет цару непрятель, то и великому королю неприятель; а кто великому королю неприятель, то тот и цару неприятель» (РИБ. Т. 27. Стб. 329—330).

[158] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 15—16; см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 116, 117.

[159] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[160] Там же. С. 326.

[161] Там же. СПб., 1913. Т. 18. С. 267.

[162] Основываясь на Воскресенской летописи, К. В. Базилевич (а вслед за ним и В. В. Каргалов) относит появление известий о начале похода к февралю 1480 г., что не подтверждается летописными текстами XV в. Ср.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 130; *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 80—81.

[163] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[164] Там же. Т. 18. С. 267.

[165] Там же. Т. 25. С. 327.

[166] Там же. Т. 18. С. 267. — Московская летопись формулирует это положение иначе: «...послы царевы у короля беша» (там же. Т. 25. С. 327).

[167] Там же. Т. 18. С. 267; т. 25. С. 327. — Отсюда вытекают ошибочность, а следовательно, и вторичность сообщения Московской летописи о пребывании «царевых» послов у короля, а не наоборот.

[168] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 214.

[169] Там же. Т. 24. С. 198—199. — Беспута — правый приток Оки, впадающий в нее между Серпуховом и Каширой. Наличие волости за Окой — важный факт, свидетельствующий о распространении русской колонизации на юг, в сторону плодородных земель Дикого поля.

[170] Там же. С. 199.

[171] Там же. Т. 26. С. 262.

[172] Там же. С. 263.

[173] Там же.

[174] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 203; т. 23. С. 128; т. 24. С. 151.

[175] «Тихо велми», «царь же идяше медленно, а все короля ожидая» (ПСРЛ. Т. 25. С. 327; т. 18. С. 267).

[176] Беспута неоднократно являлась объектом нападений ордынцев. Так, летом 1468 г. «татарове польстии разбиша сторожев наших в Поле, и пришед без вести, и взяша Беспуту и множество полону взявше, отъидоша» (ПСРЛ. Т. 24. С. 187).

[177] ПСРЛ. Т. 18. С. 267. — Московская летопись относит это событие к 23 июня, что неверно: воскресенье приходилось на 23 июля.

[178] От верховьев Дона до Коломны — около 120 км, до Каширы — около 90 км, до Серпухова — около 120 км.

[179] От верховьев Дона до Рязани — около 120 км, от Коломны до Рязани — около 80 км.

[180] ПСРЛ. Т. 25. С. 271.

[181] Он был в Коломне в апреле 1467 г. при подготовке первого Казан-

ского похода, в августе 1469 г. во время четвертого похода на Казань. В 1472 г. во время Алексинского похода Ахмата ставка великого князя также находилась в Коломне.

[182] В числе причин медленного движения Ахмата В. Д. Назаров называет необходимость подкормки скота после зимовки (Конец золотоордынского ига. С. 115).

[183] ПСРЛ. Т. 25. С. 238; Т. 20, ч. 1. С. 225—226.

[184] В. Д. Назаров отмечает, что, по данным восточных авторов, Ахмат мог выставить до 100 тыс. воинов (Конец золотоордынского ига. С. 110). Напомним, что в переговорах с Венецией Ахмат обещал выставить 200 тыс. конницы против Порты. Ввиду этого трудно согласиться с предположением Р. Г. Скрынникова, что Ахмат «едва ли мог собрать более 30—40 тысяч воинов» (На страже московских рубежей. С. 29).

[185] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 203; Т. 25. С. 207—209.

[186] Неясно, на чем основано мнение В. В. Каргалова, что после разорения ордынцами Беспуты «новых нападений не последовало и воеводы с войсками были возвращены в столицу» (*Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 81). Едва ли войска могли быть возвращены в Москву в обстановке ожидавшегося нападения главных сил Ахмата. Поэтому представляется, что В. Д. Назаров ближе к истине: «Неверно думать, что дело ограничилось лишь противостоянием, притом отдаленным, противоборствующих сторон. Появления отдельных крупных отрядов Ахмеда на Оке, их столкновения с русскими войсками имели место и в августе, и в сентябре» (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 115—116). Хотя прямых данных об этих столкновениях в источниках нет, обстановка на Оке делает предположение В. Д. Назарова правдоподобным.

[187] К. В. Базилевич не исключает возможности соглашения между магистром и ханом Ахматом. «Во всяком случае в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы. . . и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами» (*Базилевич К. В.* Внешняя политика. . . С. 133). Согласно Хронике Рюссова, магистр фон дер Борх собрал 100 тыс. войска (это, конечно, явное преувеличение, но оно показывает масштаб войска магистра, поразивший современников) (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 287).

[188] ПЛ. Т. 2. С. 221.

[189] Там же.

[190] По данным псковских летописей, последний раз немцы стояли под Псковом три дня в 1370 г. (ПЛ. Т. 2. С. 28, 104—105), а в августе 1393 г. под городом восемь дней стояла новгородская рать (там же. С. 30, 107).

[191] ПЛ. Т. 2. С. 222.

[192] Следует отметить, что при прежних нападениях на Псков противник, как правило, стремился действовать по правому берегу Великой против Запсковья. Так именно поступили немцы во время большого похода в мае 1323 г., когда они стояли под городом 18 дней (ПЛ. Т. 2. С. 23, 89); в 1370 г. немцы тоже стояли на Запсковье (там же. С. 28, 104—105). Выход противника на правый берег Великой был для Пскова особенно опасен, так как мог привести к полному окружению города. Особое значение имела защита бродов у Выбута, на кратчайшем расстоянии от Пскова: в августе 1407 г. здесь пытался форсировать Великую магистр Конрад фон Фитингоф, но был отбит после четырехдневного боя (там же. С. 33).

[193] ПЛ. Т. 2. С. 60.

[194] Там же. С. 221. — В этих известиях нет прямого противоречия. Первые 13 шнек могли подойти 21-го, а «юрьевцы во многих снеках» могли подойти на 4-й день, о чем и пишет II летопись.

[195] Там же. С. 60.

[196] Там же. С. 60, 61.

[197] Там же.

[198] Мелетово — погост в 40 верстах от Пскова (*Василев И. И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. Псков, 1881. С. 187).

[199] ПЛ. Т. 2. С. 61—62.

[200] Там же. — Аналогично, но менее подробно сказано в III летописи (ПЛ. Т. 2. С. 222). Совсем по-иному изображает соответствующие события Софийско-Львовская летопись (в своей оригинальной части). По ее словам, мятежные князья «слышавше, что нѣмцы под Псковым воюють, и идоша Псковичем на помощь». Именно это было основной причиной отступления немцев; они «слышавше. . . идущу братью великого князя на помочь Псковичем, и отидоша прочь в свою землю» (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 346). Элементарный рас-

чет показывает, что если князья Андрей и Борис пришли в Псков 3 сентября, то свое движение от Великих Лук их конное войско должно было начать за 4—5 дней, т. е. 29—30 августа. Магистр же отступил от Пскова не позднее 25 августа; следовательно, прямой связи между отходом немцев и движением князей от Великих Лук быть не могло. Сочувствующий удельным князьям софийско-львовский летописец в данном случае допускает явную передержку. Тенденциозность известия о «помощи» мятежных князей Пскову отмечает К. В. Базилевич (Внешняя политика... С. 144—145).

[201] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[202] Там же. Т. 26. С. 264. — Об этом же говорит самостоятельный рассказ Софийско-Львовской летописи: «...татарове искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном идти к Москве» (там же. Т. 20, ч. 1. С. 346).

[203] Там же. Т. 25. С. 327.

[204] В низовьях Угры оба берега низкие, река извилистая, протекает в широкой пойме, покрытой заливными лугами. Переправа крупных конных масс здесь особенно удобна. Описание берегов Угры и бродов через нее см.: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 98—101. — Типографская летопись отмечает, что «знахоре ведяху его (Ахмата. — *Ю. А.*) ко Угре реце на броды» (ПСРЛ. Т. 24. С. 199).

[205] Это особо отмечается Типографской летописью. Ахмат шел в Литовскую землю, «ожидая к себе на помощь короля или силы его» (ПСРЛ. Т. 24. С. 199). Выходя к Угре, Ахмат вступал на земли многочисленных потомков черниговских князей, издавна спорные между Литвой и Русью. Как объяснял позднее (в 1490 г.) Иван III, «нашим предним великим князем да и литовским великим князем те князи на обе стороны служила с своими отчинами» (Сб. РИО. Т. 35. № 12. С. 51). Воротынск, например, был отчиной князей Воротынских, Опаковом (судя по данным конца 80-х гг.) правили королевские люди Сапежичи (там же). Появление союзной с Казимиром орды в этом чересполосном районе, раздираемом острыми противоречиями (тут-то и убили в 1473 г. князя Семена Одоевского), являлось важным политическим фактором, сильно усложнявшим обстановку.

[206] «В течение всего великого княжения Ивана III положение его не было более сложным и трудным, чем в эти осенние месяцы 1480 г.», — с полным основанием пишет К. В. Базилевич (Внешняя политика... С. 134). Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь шла не о личной судьбе великого князя, а о судьбах всей Русской земли, подвергавшейся смертельной угрозе извне и изнутри.

[207] ПСРЛ. Т. 25. С. 321.

[208] Там же. Т. 24. С. 199.

[209] Там же. Т. 25. С. 327.

[210] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 340.

[211] В Московской летописи эти слова отсутствуют.

[212] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[213] Там же. Т. 24. С. 199—200.

[214] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 346.

[215] Там же. Т. 25. С. 327.

[216] Там же. Т. 26. С. 264.

[217] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 346.

[218] Там же. Т. 25. С. 209—210.

[219] Там же. С. 268.

[220] Там же. С. 260.

[221] Там же. С. 279.

[222] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 339.

[223] «Княгиня великая Софья поиде с детьми своими и со всеми людьми к Дмитрову и оттоле в судех к Белу озеру» (ПСРЛ. Т. 26. С. 264).

[224] Следует отметить характерную квалификацию отъезда великой княгини Софьи с детьми как «бегства».

[225] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[226] Необходимо вспомнить, что в тревожные дни июля 1445 г., после поражения русских войск под Суздалем и пленения великого князя Василия Васильевича, настроение черных людей в Москве было аналогичным: «...чернь же, худые люди, шедше биша челом великой княине Соѳьи (Витовтовне. — *Ю. А.*) и Марии... сидѣли им с ними или камо хотять и те бежати? Княини же великая Соѳиа и княини великая Мария с прочими княинями обѣщашеся сидѣти с ними в осадѣ (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 258).

[227] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 345.

[228] Не забудем, что Москва уже почти тридцать лет не видела врага под своими стенами. Поколение москвичей, жившее в 1480 г., могло знать о страшных татарских ратях, связанных с сожжением посада, только по детским воспоминаниям и по рассказам отцов.

[229] Едва ли можно, например, на основании этих слов определить время прекращения выплаты ордынского «выхода», как это пытается делать В. Д. Назаров. Во-первых, «нынеча» — не обязательно указание на этот год; это слово в разговорном языке имеет более широ-

кое и менее определенное значение: сейчас, теперь, в настоящее время. Текст летописи можно перевести так: «А теперь разгневав царя, выхода ему не платив» (т. е. разгневал царя «теперь», а сколько времени не платил «выхода», не указано). Во-вторых (и это главное), текст Софийско-Львовской летописи, конечно, не дословная запись подлинных слов горожан, а изложение их летописцем. Ср.: *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 117, примеч. 59.

[230] Вообще идейное влияние «Послания на Угру» на летописную традицию чрезвычайно велико. Наиболее прямолинейно и до нелепости наивно оно отразилось в Архангелогородском летописце: великий князь «убоявся противу царя стояти и побеже от Угры к Москве и на Белоозеро за великою княгинею, и удержа его владыка Васьян Рыло, а ркучи так: „Князь великий, не бегай; яз иду против татар, а ты живи на Москве". И тако укрепи его» (ПСРЛ. Т. 37. С. 94).

[231] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 203; т. 25. С. 207; см.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 223—231; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 640—646.

[232] ПСРЛ. Т. 25. С. 263; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 779—784.

[233] Ср.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 877, 881.

[234] Ср.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 235; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 120.

[235] Ввиду этого трудно согласиться с М. Н. Тихомировым (а также с Л. В. Черепниным и В. Д. Назаровым, разделяющими ту же позицию), что именно «волнения московских горожан» заставили Ивана III отказаться от пассивного сопротивления татарам» (*Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 237). Фактически, как мы видим, стратегическая линия борьбы с Ахматом была выработана и осуществлялась задолго до волнений, и позиция горожан в принципе совпадала с этой линией.

[236] *Алексеев Ю. Г.* Московские горожане и победа на Угре // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. Вып. 9. С. 112—125.

[237] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[238] Там же. Т. 24. С. 199.

[239] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 345.

[240] Эту дату принимает В. Д. Назаров (Конец золотоордынского ига. С. 118).

[241] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[242] Этим фактом опровергается мнение В. Д. Назарова о том, что великий князь отправился в поход только после получения известия о первой победе (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 118; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 287, примеч. 17).

[243] К числу известий Софийско-Львовской летописи, не подтверждаемых никакими другими источниками, относится рассказ о конфликте между великим князем и Иваном Молодым. Последний, получив письменное приказание отца, «чтобы часа того был на Москве», вместо этого «мужество показа, брань приа от отца, а не еха от берега». Тогда великий князь приказывает князю Холмскому «его поимав привести к себе». Но князь Холмский тоже не исполняет приказания, а увещевает непослушного наследника и слышит его гордый ответ: «...леть ми зде умерети, нежели к отцу ехати» (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 345—349). Не говоря уже о том, что этот эффектный ответ — парафраза знаменитых слов Андрея Мономашича, цитируемых Ипатьевской летописью под 1140 г. («лепьши ми того смерть... нежели Курьское княжение»), сама ситуация, рисуемая рассказчиком, ни в коей мере не соответствует известным нам фактам, приводимым другими летописцами. Надо думать, что красочный рассказ Софийско-Львовской летописи в этой своей части — не что иное, как художественное творчество, не чуждое при этом литературных штампов. Тем не менее некоторые исследователи безоговорочно принимают указанное известие. См., напр.: *Назаров В. Д.* 1) Конец золотоордынского ига. С. 116, 118; 2) Свержение ордынского ига на Руси. С. 50—51; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 233—234; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 880—881. — В противоположность им Р. Г. Скрынников с достаточным основанием считает этот рассказ сплошным вымыслом (На страже московских рубежей. С. 30).

[244] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[245] Кременец, Опаков (одно из самых узких мест на Угре) и Калуга образуют треугольник со сторонами примерно по 60—70 км. Гонец с донесением

может достигнуть Кременца с любого места внутри треугольника менее чем за день.

[246] Кременец (в настоящее время рабочий пос. Кременск) стоит на высоком, обрывистом берегу р. Лужи, среди покатых холмов, окруженных лесом. Лесистая местность вообще неблагоприятна для развертывания конницы, что, вероятно, учитывалось русским командованием. На левом берегу Лужи до сих пор можно видеть четырехугольное, почти правильной формы городище с высокими боками, производящими впечатление насыпных. Может быть, это часть укреплений, возводившихся в 1480 г. Никаких археологических раскопок в этом районе, насколько мне известно, не производилось. Стратегические достоинства Кременецкой позиции верно оценил польский историк Ф. Папэ: она была «превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов над Угрой, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы» (цит. по: *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 289).

[247] ПСРЛ. Т. 25. С. 327, 328.

[248] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 148.

[249] См.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 217.

[250] РИБ. Т. 27. Стб. 332—335.

[251] Там же. Стб. 335—336.

[252] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 150—155.

[253] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV—XVI вв. М., 1963. С. 192—194.

[254] В. Д. Назаров высказывает вполне правдоподобное предположение, что основные силы во главе с Ахматом шли к Воротынску через Мценск и Одоев, а крупные отряды, направленные к Оке, проследовали к Угре вдоль правого берега Средней Оки (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 46).

[255] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

[256] На значение применения огнестрельного оружия на Угре обращают заслуженное внимание В. В. Каргалов (Конец ордынского ига. С. 91—92, 104). В. Д. Назаров (Свержение ордынского ига на Руси. С. 52) и Р. Г. Скрынников (На страже московских рубежей. С. 34—35).

[257] ПСРЛ. Т. 24. С. 200.

[258] Там же. Т. 26. С. 264.

[259] Там же. Т. 30. С. 137.

[260] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре. С. 130; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 52.

[261] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[262] До нашего времени на правом берегу реки близ Воротынска сохранилась д. Якшуново. По словам местных жителей, название деревни («як-шуны» — «все видно») связано с «войной с татарами». По тем же местным преданиям, русские войска стояли в д. Дворцы на левом берегу (большая деревня сохранилась до наших дней). У д. Якшуново река делает большой выступ к югу, так что войска, расположенные на этом выступе на левом (северном) берегу, могли быть легко охвачены с флангов. Именно где-то здесь, в низовьях Угры, по вероятному предположению В. В. Каргалова, и пытался Ахмат форсировать реку (*Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 98—102).

[263] ПСРЛ. Т. 26. С. 264, 266.

[264] Опаково Городище — высокий, крутой курган на правом обрывистом берегу Угры. Городище, возможно, насыпное. В его районе, по данным Краеведческого музея г. Юхнова, обнаружены предметы вооружения ориентировочно XV в. — короткий меч, маленькая железная пищаль калибром 15 мм, каменное ядро диаметром около 16 см. Угра в этом месте извилиста, узка и мелка, с обеих сторон видны отмели и перекаты. На левом берегу — пойма шириной 300—500 м. Местность у Опакова давала возможность скрытно сосредоточить конницу на правом берегу, а затем быстро и сравнительно легко форсировать узкую и мелководную реку. Однако развертывание здесь крупных кавалерийских масс — главных сил Орды — было бы затруднительно из-за пересеченного характера лесистой местности. Большую помощь в ознакомлении с местностью в районе Опакова оказал мне краевед г. Юхнова Владимир Егорович Маслов, которому приношу мою искреннюю благодарность.

[265] ПСРЛ. Т. 26. С. 266.

[266] Там же. Т. 30. С. 137.

[267] По точному тексту Владимирского летописца получается, что во главе войск, вышедших к Угре 11 октября, стоял сам великий князь. По данным Московской летописи, как мы видим, он занял позицию на Кременце. Не исключено, однако, что на эту позицию он вышел после отражения главных сил Ахмата, т. е. после 11 октября. Неясно,

на чем основывается уверенность Б. М. Клосса и В. Д. Назарова в том, что «в момент решающих военных столкновений Иван III находился в Москве, а не в Кременце» (*Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 287, примеч. 17) и что «Лихачевский летописец абсолютно точен», относя 3 октября ко дню прихода на Угру сил Ивана Молодого (и отрицая тем самым эту дату как день выступления великого князя из Москвы), Во всяком случае эта уверенность прямо противоречит «Посланию на Угру» архиепископа Вассиана и отнюдь не подкрепляется данными Владимирского летописца (на который тут же ссылаются авторы). Средний темп движения войск в походе 1471 г. составлял 20—34 км в сутки, а в условиях осенней распутицы он должен был быть значительно ниже. Следовательно, 110—120 км от Москвы до Кременца великий князь со своими войсками мог бы пройти не менее чем за 4—5 дней, а 180 км от Москвы до Угры войска могли преодолеть за 7—8 дней. Стало быть, Владимирский летописец своей датой выхода великого князя с войсками к Угре (11 октября) полностью подтверждает версию о выступлении из Москвы именно 3 октября (как и читается в Московской летописи).

[268] ПСРЛ. Т. 26. С. 265.

[269] Ср.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 33 («события 1472 г. не прервали... уплаты дани в Орду»), с. 42 («уплата... прекратилась... скорее всего в 1479 г.»).

[270] К. В. Базилевич отмечает, что переговоры с ханом расценивались в Москве как проявление слабости и нерешительности со стороны великого князя (Внешняя политика... С. 156). В. Д. Назаров справедливо подчеркивает, что переговоры были выгодны русской стороне: «...склонность Ахмада к уступкам выявила внутреннюю слабость его войск» (Свержение ордынского ига на Руси. С. 54). В. В. Каргалов рассматривает переговоры как стремление русской стороны отсрочить вторжение и выиграть время (Конец ордынского ига. С. 107—108). Все эти наблюдения представляются достаточно обоснованными. Определенные круги в Москве могли по тем или иным мотивам не сочувствовать самой идее переговоров. К числу этих мотивов можно отнести как добросовестное заблуждение (в силу неосведомленности в обстановке и намерениях великого князя), так и стремление дискредитировать правительственную политику. Переговоры с Ахматом принесли русской стороне определенную пользу, уточнив информацию о внутреннем состоянии Орды и позволив затянуть время.

[271] ПСРЛ. Т. 25. С. 202.

[272] Польский хронист конца XVI в. М. Стрыйковский приводит известие, что «московскому князю» удалось избежать столкновения с Ахматом, подкупив его воеводу Тимура и «отослав царю особенно большие дары, которые за несколько лет должна была уплатить Москва» (цит. по: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 217). Советский исследователь А. И. Рогов с полным основанием отвергает эту версию: она не подтверждается источниками и — главное — не соответствует реальному ходу событий (там же. С. 217—218).

[273] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 346.

[274] Там же. — Тот факт, что летописец приводит дату 26 октября по церковному календарю, свидетельствует о неофициальном характере известия, которого нет в других летописных рассказах.

[275] Там же. Т. 25. С. 328, 329; т. 18. С. 268.

[276] К. В. Базилевич считает датой прихода братьев 20 октября (Внешняя политика... С. 156). Эту дату принимают и В. А. Кучкин (СИЭ. М., 1971. Т. 13. Стб. 483), и В. В. Каргалов (Конец ордынского ига. С. 110). Напротив, В. Д. Назаров относит это событие к 26—27 октября (Свержение ордынского ига на Руси. С. 54—55), что представляется более обоснованным.

[277] ПСРЛ. Т. 25. С. 328; т. 18. С. 268; т. 24. С. 200. — В оригинальной части Софийско-Львовской летописи и во Владимирском летописце это известие отсутствует.

[278] А. Е. Пресняков и К. В. Базилевич верно понимают необходимость и целесообразность маневра русских войск: в зимних условиях «узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумным держать все силы у самой реки. В этом случае прорыв татар на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение» (*Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 158). В. Д. Назаров тоже соглашается с тем, что, «как только Угра покрылась льдом, она перестала быть препят-

ствием» (Свержение ордынского ига на Руси. С. 54—55).

[279] ПСРЛ. Т. 24. С. 200; т. 25. С. 328; т. 26. С. 273.

[280] В. Д. Назаров тоже допускает мысль, что «поля под Боровском и впрямь были удобнее для решающей битвы с ордами хана» (Свержение ордынского ига на Руси. С. 55). Боровск расположен на правом берегу Протвы, на холмах с хорошим обзором. Лесистая местность около Боровска создавала крайне неблагоприятные условия для развертывания многочисленной конницы — основной ударной силы Ахмата. По состоянию источников нельзя исключить и другую версию отхода к Боровску, которую предложил К. В. Базилевич: «. . .переход основных сил к Боровску произошел после отступления Ахмед-хана; войска собирались в окрестностях этого города перед роспуском и возвращением великого князя в Москву» (Внешняя политика. . . С. 161). Эта гипотеза подтверждается буквальным смыслом известия Владимирского летописца (не использованного Базилевичем): «А от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября 10 день в пятницу. А князь великий того же дни пошел к Боровску» (ПСРЛ. Т. 30. С. 137). Отвод войск к Боровску последовал за бегством Ахмата. Мнение К. В. Базилевича разделяет и Р. Г. Скрынников (На страже московских рубежей. С. 42).

[281] К. В. Базилевич считает, что «к Боровску отошла лишь часть войска вместе с великим князем. Кременецкая позиция не была покинута» (Внешняя политика. . . С. 160).

[282] ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

[283] Там же. Т. 30. С. 137.

[284] Там же. Т. 25. С. 326.

[285] На постепенную подготовку Ахмата к отступлению косвенно указывает Вологодско-Пермская летопись: «. . .и полон отпусти за многи дни к Орде» (ПСРЛ. Т. 26. С. 273).

[286] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

[287] Там же. Т. 24. С. 200—201.

[288] Тем не менее, как это ни парадоксально, именно этот незначительный эпизод приобрел в позднейшей историографии чуть ли не хрестоматийное звучание. По тонкому наблюдению А. Е. Преснякова, «легкой перестановкой фраз и небольшим изменением их редакции сообщение о конкретном факте обратилось в то „чудо", которое, вероятно, умиляло московских книжников, а. . . у более рассудочных книжников — историков XIX в. придало всему эпизоду несколько комический характер» (*Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 286). Нелепая картина бегущих друг от друга войск широко проникла в общие курсы, школьные учебники, хрестоматии, популярные книжки. Развивая мысль А. Е. Преснякова, можно утверждать, что всяческое муссирование и преувеличение роли этого эпизода связано с деятельностью консервативных церковных кругов, стремившихся принизить роль русских войск и их предводителей в спасении Руси от нашествия Ахмата («да не нахвалятся несмыслени, во своем безумии глаголющи: „Мы своим оружием избавихом Русскую землю"») (ПСРЛ. Т. 24. С. 201).

[289] Мещовск, Белев, Одоев, Перемысль, старый и новый Воротынск, старый и новый Завидов, Опаков, Серенск, Мезецк, Козельск.

[290] ПСРЛ. Т. 25. С. 328. — К. В. Базилевич высказал интересное и не лишенное вероятности предположение, что разорение Ахматом русских земель по литовскую сторону Угры было вызвано враждебными выступлениями русского населения против ордынцев или отказом русских князей соединиться с татарами (*Базилевич К. В.* Внешняя политика. . . С. 154—155)

[291] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

[292] Там же. Т. 26. С. 274.

[293] Они упомянуты в духовной Ивана III (ДДГ. № 89. С. 360).

[294] ВОИДР. М., 1851. Т. X. С. 72.

[295] Этим опровергается сообщение Софийско-Львовской летописи: «. . .и проеде Серенск и Мценск, и слыша князь великий, посла опытати, еже и бысть» (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 346). От Угры до Мценска около 150 км, Ахмат мог пройти мимо Мценска 14 ноября. Известие о прохождении татарами Мценска могло дойти до русского командования через 2—4 дня, 6—8 дней должна была занять его проверка. Если так, то отправка отрядов удельных князей могла состояться не ранее 24—27 ноября и была бы, разумеется, бессмысленной. См.: *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 41—42.

[296] К. В. Базилевич видит в факте преследования Амуртазы доказательство того, что русские войска были отведены к Боровску только частично (Внешняя политика. . . С. 161).

[297] ПСРЛ. Т. 25. С. 328. — Владимирский летописец позволяет уточнить дату: «А на Москву оба князя великии

пришли месяца декабря 28 дня во вторник» (там же. Т. 30. С. 137). Название месяца явно ошибочно. 28 декабря в 1480 г. приходилось не на вторник, а на пятницу. А 28 ноября приходилось действительно на вторик, что в соответствии с указанием Симеоновского летописца позволяет установить дату вступления в Москву войск, спасших Русскую землю от последнего ордынского нашествия.

[298] «А сила была великого князя Михаила Борисовича Тверского тут же; а воеводы были князь Михаил Дмитриевич Холмский, да князь Иосиф Андреевич Дорогобужский», — сообщает тверской летописец (ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 497).

[299] В новейшей литературе наиболее обстоятельный анализ Стояния на Угре с военно-исторической точки зрения проделан В. В. Каргаловым (*Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 80—135; см. также: *Алексеев Ю. Г.* 1) Владимирский летописец и победа на Угре. С. 131—134; 2) Московские горожане и победа на Угре. С. 121—125; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 52—56; *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 28—42).

[300] Наиболее обстоятельный анализ этого памятника в новейшей литературе см.: *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 158—186; см. также: *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 296—299.

[301] Сплетение «струи повествовательной со струей патетической... характеризует „Послание" как произведение ораторского стиля» (*Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру»... С. 179).

[302] К особенностям жанра относится то, что «каждое положение... должно являться не как замысел автора, а как логическое осмысление текстов Священного писания и писаний отцов церкви» (*Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру»... С. 166).

[303] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 445. — По мнению И. М. Кудрявцева, «Послание» было одним из основных литературных материалов, на которые опирался автор повести в Софийско-Львовской летописи. «Тенденция автора к осуждению Ивана III заставила его... сгустить краски и противопоставить Вассиана великому князю» (*Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру»... С. 185).

[304] И. М. Кудрявцев считает, что приведенные слова летописи «являются частью повести и представляют собой художественную характеристику и события, и героя (Вассиана)» («Послание на Угру»... С. 185).

[305] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 345.

[306] См.: *Алексеев Ю. Г.* Историческая концепция Русской земли и политическая доктрина централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. Вып. 10. С. 140—154.

[307] По наблюдениям И. М. Кудрявцева, ссылка на Демокрита позаимствована автором «Послания» из «Пчелы» по списку XIV—XV вв. (*И. М. Кудрявцев* «Послание на Угру»... С. 174; см.: *Семенов В.* Древнерусская «Пчела». СПб., 1893).

[308] Как отмечает И. М. Кудрявцев, «контрастирующий параллелизм» («Послание на Угру»... С. 181).

[309] По определению К. В. Базилевича, «Послание» не могло быть написано ранее 15 октября (вероятная дата получения известий о боях на Угре) и позднее 20 октября (когда, по расчетам К. В. Базилевича, на Кременец прибыли полки князей Андрея и Бориса) (Внешняя политика... С. 156).

[310] И. М. Кудрявцев видит в «Послании» призыв к великому князю «н е м е д л е н н о (разрядка моя. — *Ю. А.*) идти на врага, на бой за свой народ, за Отечество, как шли лучшие из его предков» («Послание на Угру»... С. 171). Однако призывы архиепископа едва ли могут рассматриваться в качестве непосредственных тактических указаний: они носят общий принципиальный характер, соответствующий жанру «Послания».

[311] По справедливому замечанию И. М. Кудрявцева, «Послание» утверждает позицию великого князя, повесть же (Софийско-Львовской летописи. — *Ю. А.*) развенчивает ее («Послание на Угру»... С. 185, примеч. 1).

[312] История русской литературы. М.; Л., 1925. Т. II, ч. 1. С. 304.

[313] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 882.

[314] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 52.

[315] *Павлов П. Н.* Освобождение Руси от татарского ига. С. 259, 260.

[316] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 345.

[317] Там же. Т. 24. С. 201.
[318] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 339.
[319] Там же. Т. 25. С. 317.
[320] Там же. С. 321.
[321] Там же. Т. 24. С. 198.
[322] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 25, 57, 74.
[323] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 336.
[324] Там же.
[325] РК. С. 27.
[326] ПДСИ. С. 26.
[327] АСВР. Т. I. № 562. С. 439—442.
[328] В этом нельзя не видеть своего рода знамение времени. В архиве Троицкого Сергиева монастыря сохранилось 16 духовных XV в., из которых 6 — до 1462 г. Земельные вклады в монастыри до Ивана III встречаются в пяти из шести духовных, а при нем — в четырех из десяти (в том числе два случая замаскированной продажи). Налицо явная тенденция к сокращению земельных вкладов.
[329] В литературе и указателях к изданиям источников Василий Долматов обычно отождествляется со своим сыном Василием Третьяком (см., напр.: Сб. РИО. Т. 35. Указатель. Стб. 21; ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 368; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. 1971. Т. 87. С. 233—235; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 309 и др.). Этой ошибки не избежал и С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 155), который, однако, написал на полях своей рукописи: «. . .это 2 лица, Василий Жихорь, сын Долмата Григорьева, и Третьяк Васильев» (там же. Примеч. 263). В действительности Василий Жихорь Долматов сын, по-видимому, мелкий костромской вотчинник, упоминаемый в самом конце XV и начале XVI в. (АСВР. Т. I. № 496; АРГ. № 40, 41), а Василий Третьяк Васильев — сын дьяка Василия, деятеля 70—90-х гг. XV в. Отчество Василия Долматова точно неизвестно. Есть довольно веское основание думать, что он был Василий Иванович — так назван дьяк великого князя, бывший послухом на Белоозере у деловой грамоты князей Кемских в 70—80-х гг. (АСВР. Т. II. № 227-а). В пользу того, что «Василий Иванович, дьяк великого князя» этой грамоты, — одно лицо с Василием Долматовым, говорит тот факт, что Василий Долматов играл большую роль на Белоозере в 80-х гг. Во всяком случае Василий Долматов старший нигде в источниках не называется Третьяком в отличие от своего сына. Происхождение Долматовых неясно. В актах Троицкого монастыря 30-х гг. XV в. упоминается некий Долмат, послух в земельном акте в волости Воре (АСВР. Т. I. № 134. С. 104), но связь его с дьяком Василием проблематична. В конце XV—начале XVI в. фигурируют Долматовы в Бежецком (Иван Иванов сын), Кашинском (Василий Александров сын) и Костромском уездах (АСВР. Т. I. № 496, 618; Т. III. № 188; АРГ. № 40, 41 и др.), но едва ли они имеют отношение к семье великокняжеского дьяка.
[330] ДДГ. № 68. С. 224. — На службе князя Юрия Василий Долматов подписывает его жалованную грамоту и докладывает судный список на земли в Дмитровском княжестве (АФЗХ. Ч. 1. № 82. С. 84; АСВР. Т. II. № 388. С. 393).
[331] АСВР. Т. III. № 19. С. 36.
[332] См., например, подписи на докладном судном списке о землях Переславского уезда (АСВР. Т. I. № 430. С. 320) и на докладной разъезжей грамоте в Ростовском уезде (там же. № 446. С. 334).
[333] ПСРЛ. Т. 25. С. 305.
[334] Там же. С. 309.
[335] ПЛ. Т. 2. С. 209; ПСРЛ. Т. 25. С. 310.
[336] ПСРЛ. Т. 25. С. 312.
[337] АСВР. Т. II. № 444. С. 486; см. также: № 481. С. 520.
[338] Там же. Т. I. № 521, 522. С. 397—398.
[339] ПСРЛ. Т. 25. С. 330.
[340] Сб. РИО. Т. 35. № 1. С. 3.
[341] Там же. № 18. С. 74.
[342] Там же.
[343] АСВР. Т. II. № 332. С. 311.
[344] Там же. № 259, 285, 286, 288—290.
[345] Там же. № 333, 334, 337.
[346] РК. С. 46—47. — Из детей Василия Долматова наиболее заметным был Василий Третьяк. В мае 1493 г. он в качестве дьяка входил в состав посольства к Конраду Мазовецкому (Сб. РИО. Т. 35. № 21. С. 90—100), а в 1500—1501 гг. — к королю Иоганну Датскому (ПСРЛ. Т. 28. С. 332, 335), писал духовную грамоту князя И. Ю. Патрикеева (ДДГ. № 86. С. 349). Третьяк выступал и в качестве писца в Костромском уезде (см.: АФЗХ. Ч. 1. № 254. С. 218). В 1510 г. он прини-

мал участие в ликвидации вечевого строя в Псковской земле (ПЛ. Т. 2. С. 255). Последнее упоминание Василия Третьяка Долматова относится к марту 1511 г., когда он вместе с М. Ю. Захарьиным возвратился из посольства в Литву (ПСРЛ. Т. 28. С. 346). С. Герберштейн приводит рассказ об опале Василия Третьяка, «который был любим государем» Василием Ивановичем, но отказался от поездки к цесарю Максимилиану, за что был послан в заточение (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 73). Русские источники об этом молчат, но вкладная книга Троицкого монастыря свидетельствует, что «7025(1517) году июня в 17 день по Третьяке Долматове дали вкладу денег 50 рублев» (Вкладная книга Троицкого Сергиева монастыря. М., 1987. С. 47).

[347] *Лурье Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 80. Сер. ист. наук. Вып. 10. С. 85—86.

[348] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. . . С. 52.

[349] Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 103.

[350] В. Б. Тучко сопровождал великую княгиню Софью «во время ее панического бегства в 1480 г. (вызвавшего негодование сторонников решительной борьбы)» (*Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. . . С. 53).

[351] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. . . С. 53.

[352] РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 29—30.

[353] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 158. — Гипотезу С. Б. Веселовского об опале бояр в общих чертах воспринял А. А. Зимин, высказав мысль о связи этой опалы «с укреплением позиции Ивана Ивановича (Молодого — *Ю. А.*) и ухудшением положения при великокняжеском дворе Софьи» (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI вв. М., 1982. С. 67).

[354] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 156.

[355] *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1973. XI. С. 183—184.

[356] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 345.

[357] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 326.

[358] ДРВ. М., 1791. Ч. 20. С. 6.

[359] АФЗХ. Ч. 1. № 33. С. 50—51.

[360] Советские архивы. 1970. № 5. С. 84.

[361] РК. С. 40.

[362] ПСРЛ. Т. 28. С. 328; Сб. РИО. Т. 35. № 43. С. 221.

[363] Сб. РИО. Т. 41. № 92. С. 486.

[364] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 452.

[365] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[366] ДРВ. Ч. 20. С. 9, 14. — В сентябре 1509 г. он был еще жив и упоминался в числе думных людей, оставленных в Москве при поездке Василия III в Новгород (РК. С. 113).

[367] ДРВ. Ч. 20. С. 11, 12.

[368] РК. С. 47.

[369] Сб. РИО. Т. 35. № 58. С. 274; № 62. С. 289.

[370] Там же. Т. 41. № 65. С. 314.

[371] ПСРЛ. Т. 28. С. 361.

[372] Сб. РИО. Т. 35. № 58. С. 275.

[373] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 363—365.

[374] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[375] Там же. Т. 26. С. 275—276; т. 37. С. 49, 95.

[376] АВСР. Т. I. № 501. С. 380.

[377] РК. С. 29.

[378] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 307.

[379] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние гуманитарных наук. 1932. № 10. С. 741. — Согласно Львовской летописи, в 1485/86 г. Образец закладывает в Кремле кирпичные палаты (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 352).

[380] Сб. РИО. Т. 35. № 12. С. 50—51.

[381] Там же. С. 163—171.

[382] ПСРЛ. Т. 26. С. 289.

[383] РК. С. 44.

[384] ДРВ. Ч. 20. С. 10.

[385] ДДГ. № 77. С. 292.

[386] АФЗХ. Ч. 1. № 33. С. 50—51.

[387] ДДГ. № 89. С. 355.

[388] РК. С. 24.

[389] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 73.

[390] АСВР. Т. I. № 516. С. 391.

[391] *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 184. — На отсутствие опалы косвенно указывает возможность распоряжения вотчинами: земли Ивана Товаркова (старшего или младшего — неясно) в Звенигородском уезде на р. Истре (д. Гусеевская и два починка) были до 1510 г. куплены «у прикащиков» его П. М. Плещеевым (АРГ. № 59. С. 63).

[392] АСВР. Т. I. № 612. С. 523—524.

[393] ПСРЛ. Т. 23. С. 162.

[394] АСВР. Т. I. № 612. С. 523—524.

[395] Г. В. Абрамович, видимо, прав, считая, что испомещение бывших послужильцев «проводилось в текущем порядке и состояло из отдельных пожалований поместьями бывших слуг виднейших бояр в зависимости от их личных достоинств или особых заслуг перед великим князем» (*Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. С. 192).

[396] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 206.

[397] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 339.

К главе III

[1] Тимофей Скряба — представитель одной из ветвей рода Морозовых, родной брат Михаила Салтыка, родоначальника известной впоследствии фамилии служилых людей (ВОИДР. М., 1851. Т. X. С. 107—108).

[2] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. М., 1884. Т. I. № 6. С. 25—27. (Сб. РИО; Т. 41).

[3] РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 340.

[4] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 95.

[5] Там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 274.

[6] Там же. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 346.

[7] *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск. 1960. С. 111, 112; *Бояршинова З. Я., Степанов Н. Н.* Западная Сибирь в XIV—XVI вв. // Материалы по истории Сибири. Улан-Удэ. 1964. С. 475—503; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1986. С. 82.

[8] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 329.

[9] По данным Львовской летописи, с этими воеводами шли «дмитровцы и боровичи», т. е. войска, набранные в Дмитровском и Боровском уездах (ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 348).

[10] Станищевы — служилый род, давший во второй половине XV в. нескольких видных представителей. Брат Ивана Зиновьевича Василий Дятел летом 1471 г. выполнял ответственные поручения великого князя в Пскове — требовал выступления псковичей против Новгорода (ПЛ. Т. 2. С. 180—181). Младший брат Пронофий Скурат позднее выдвинулся на дипломатическом поприще в составе посольств в Молдавию и Литву (ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 155; СПб., 1913. Т. 18. С. 276; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. № 31. С. 163 и след. (Сб. РИО; Т. 35).

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[12] Там же. Т. 18. С. 269.

[13] ПЛ. Т. 1. С. 78—79.

[14] Князь Ярослав Оболенский — младший брат известного воеводы Ивана Стриги. В 1473—1477 г. он был князем-наместником в Пскове (пятым по счету); при нем началось наступление великокняжеских властей на псковскую «старину», что вызвало резкий конфликт с Псковом и привело к восстанию против князя Ярослава в сентябре 1476 г. Отозванный в феврале 1477 г. после неоднократных просьб псковичей, князь Ярослав был в январе 1478 г. назначен вторым наместником в Новгород (ПЛ. Т. 2. С. 188, 192, 196—207; ПСРЛ. Т. 25. С. 322). Позднее он снова был князем-наместником в Пскове и продолжал политический курс, направленный против порядков вечевой республики (в частности, провел реформу положения смердов, что вызвало известную «брань о смердах») (ПЛ. Т. 2. С. 65—67 и др.). Князь Ярослав умер в Пскове в 1487 г. и был похоронен в Троицком соборе (ПЛ. Т. 2. С. 223, 224). В лице Я. В. Оболенского, выходца из удельных князей, перед нами один из твердых и последовательных проводников московской великокняжеской политики, направленной против удельной старины. Князь И. В. Булгак — племянник князя И. Ю. Патрикеева, одного из самых влиятельных бояр Ивана III (попавшего в опалу в 1499 г.). Дед Булгака, потомок Гедимина, князь Юрий Патрикеевич, был женат на Анне, дочери великого князя Василия Дмитриевича. Таким образом, Иван Булгак и его брат Даниил Щеня, прославившийся в походах и битвах конца XV—начала XVI в., приходились Ивану III двоюродными племянниками. В отличие от своего брата, знаменитого победителя при Ведроши в 1500 г., боярин князь Иван Булгак не стал знаменитым, оставаясь, однако, в рядах московского боярства (последнее упоминание — в 1495 г., когда участвовал в поездке Ивана III в Новгород (РК. С. 44).

[15] ПЛ. Т. 1. С. 79.

[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[17] ПЛ. Т. 2. С. 62.

[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[19] Там же. С. 329. — По словам Львовской летописи, русские войска взяли в Вельяде два охабня (там же. Т. 20, ч. 1. С. 348).

[20] ПЛ. Т. 2. С. 62.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 234—236; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 161—163.

[24] См.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 163—170.

[25] Там же. С. 164.

[26] ПЛ. Т. 1. С. 79; см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 165.

[27] АЗР. Т. I. № 75. С. 95—97.

[28] *Зимин А. А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 31—32.

[29] АЗР. Т. I. № 75. С. 95, 97.

[30] *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 70, 110—112.

[31] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 165—170.

[32] «А торгует Новгородец з Немчыном на Ругодиве, а будет товар в Немчына в бусе, и Новгородцу той товар в Немчына добровольно взяти из бусы через край в ладью, а от того Ругодивцам кун не имати» (АЗР. Т. I. № 75. С. 96).

[33] «А приедет Новгородец на Ругодив с воском, или с белкою, или с москотиньем, а похочет ехати на Ригу, или на Юрьев, или на Колывань, а положат товар на телегу, ино от того товару весчего не взяти» (АЗР. Т. I. № 75. С. 96, 97).

[34] «Иван III оценил значение Нарвы и стремился создать наиболее благоприятные условия для русских купцов, посещавших этот город» (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 168).

[35] «А на котором городе в мистровой державе и в бискупьих землях у Новгородца бороду выдерут, а доведут того на Немчина судом и справою, ино тому Немчину рука отсечи за бороду» (АЗР. Т. I. № 75. С. 97).

[36] «. . .церкви. . . очистити и Руский конец и села тых церквей очистити по крестному целованию, по старыне» (АЗР. Т. I. № 75. С. 97).

[37] «По. . . великих государей веленью царей Русских, великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и его сына, великого князя Ивана Ивановича всея Русии. . .» (АЗР. Т. I. № 75. С. 95).

[38] «. . .добиша челом государей великих князей и царей Руских наместником новгородским» (АЗР. Т. I. № 75. С. 95).

[39] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 170.

[40] Это было отмечено Иваном III в наказе, данном 26 апреля 1481 г. Т. И. Скрябе: русский посол должен был передать Менгли слова великого князя: «Ты пак нам пожаловал, крепкое слово мне молвил и ярлыки свои подавал, так и ныне по тому жалуешь, на том и стоишь» (Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 25).

[41] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 349.

[42] Там же. — По сообщению Устюжской летописи «воеводы великого князя стояли на Волге лето все» (ПСРЛ. Т. 37. С. 49).

[43] РК. С. 24—25.

[44] ПСРЛ. Т. 25. С. 313—315.

[45] АСВР. Т. II. С. 695; ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[46] ВОИДР. Т. X. С. 47; ср.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 43—56.

[47] ВОИДР. Т. X. С. 55—57.

[48] Так, под Казанью (вероятно, в 1506 г.) был убит Роман, сын Федора Семеновича, внук Федора Владимир Михайлович погиб «на Берегу в царев приход» (по всей вероятности, в 1521 г. при набеге Мохаммед-Гирея) (ВОИДР. Т. X. С. 57). См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. . . С. 90—92.

[49] ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

[50] Там же. Т. 28. С. 144.

[51] Там же. Т. 25. С. 314.

[52] ВОИДР. Т. X. С. 93; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 169—173.

[53] ВОИДР. Т. X. С. 59.

[54] РК. С. 25.

[55] ПСРЛ. Т. 37. С. 91. — Архангелогородский летописец обвиняет его во взятии посула у вятчан (там же).

[56] Там же. Т. 25. С. 314—315.

[57] Там же. С. 290.

[58] РК. С. 21.
[59] ПСРЛ. Т. 28. С. 148.
[60] Там же. Т. 25. С. 314.
[61] Там же. Т. 28. С. 148.
[62] Московская летопись за 1469 и 1477 гг. приводит наказы в пересказе.
[63] РК. С. 25.
[64] ВОИДР. Т. X. С. 62.
[65] Там же. С. 64—66.
[66] Князья ярославские «простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157—158; см. также: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 83—97; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность средневековой России. М., 1985. С. 54—56; *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV—первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы : Исторические науки. 1958. № 4. С. 3—15; *Кучкин В. А.* К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве // Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 220 и след.
[67] ПСРЛ. Т. 26. С. 276.
[68] Там же. — Этот рассказ в сокращении воспроизведен в Холмогорской летописи (там же. Л., 1977. Т. 33. С. 124).
[69] Там же. Т. 37. С. 49.
[70] Там же. С. 95.
[71] Там же. Т. 26. С. 276. — Это же известие с некоторыми сокращениями есть в Холмогорской летописи (там же. Т. 33. С. 124—125). Другой вариант того же известия находим в Устюжской летописи (там же. Т. 37. С. 49, 95).
[72] Там же. Т. 37. С. 49.
[73] Там же. Т. 33. С. 125.
[74] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 83—84.
[75] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 384. — Московская и другие летописи содержат только краткое сообщение о бегстве в Москву князя Федора Бельского.
[76] Там же. Т. 25. С. 328.
[77] ВОИДР. Т. X. С. 82 и след.
[78] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 348.
[79] Как показал К. В. Базилевич, в начале 80-х гг. русская дипломатия начинает активную деятельность по созданию союза против Ягеллонов, который мог бы способствовать борьбе за возвращение русских земель, захваченных Литвой и Польшей. Именно в этом плане следует рассматривать заключение в 1482 г. союза с Венгрией (ПСРЛ. Т. 25. С. 329) и сближение с Молдавией.
[80] ДДГ. № 72, 73. С. 252—275; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1948, ч. 1. С. 162—175.
[81] ДДГ. № 69. С. 225; № 70. С. 232.
[82] Там же. № 72. С. 264.
[83] В пользу этого говорит обычная клаузула духовных и договорных грамот со времен Дмитрия Донского: «...а переменит Бог Орду, и который... возмет дань на своем уделе, то тому и есть» (ДДГ. № 12. С. 36). Это означает, что «выход» с уделов в условиях конца XV в. не поступал в государственную казну.
[84] ДДГ. № 12. С. 35.
[85] Там же. № 73. С. 272.
[86] Там же. № 69. С. 226.
[87] В одном из черновиков договора с Андреем Углицким в качестве пожалования великого князя фигурировала Калуга (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 172). В этом черновике отразился первоначальный проект великого князя, сформулированный в апреле 1480 г. (третье посольство).
[88] В литературе, как дореволюционной, так и советской, распространено мнение, что великий князь не выполнил обещаний, данных братьям во время переговоров (см.: *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // С. В. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 297; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 222; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 52). Как можно судить по летописным данным и по черновым проектам докончаний, изученным Л. В. Черепниным, во время переговоров реально обсуждались территориальные вопросы, а не принципиальное положение удельных князей. В этом вопросе московское правительство, по-видимому, не шло (да и не могло пойти) ни на какие уступки.
[89] ДДГ. № 74. С. 275—277. — Грамота составлена между концом марта 1480 г. (по упоминанию князя Юрия Ивановича, родившегося 23 марта) и концом марта 1481 г. (по упоминанию архиепископа Вассиана, умершего 23 марта 1481 г.), скорее всего не ранее октября 1480 г. (конец феодального мя-

тежа). По мнению Л. В. Черепнина, «самой вероятной датой завещания следует признать февраль 1481 г.» — по связи текста духовной с февральскими докончаниями (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 180). По мнению А. А. Зимина, духовная была составлена около 12 августа 1479 г., когда больной князь Андрей присутствовал на освящении Успенского собора (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 317). Однако эта датировка противоречит упоминанию в духовной князя Юрия Ивановича: «А великого князя сыну, князю Юрью, даю икону...» (ДДГ. № 74. С. 276).

[90] Перемены в реальном положении удельного князя после Угры уловлены А. Е. Пресняковым, подчеркнувшим, что процесс подчинения удельных князей «с уничтожением их значения как князей владетельных» получил «сильный толчок вследствие событий 1480 г.» (*Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 298). Л. В. Черепнин тоже отметил, что «после поражения Ахмата великий князь более решительно вмешивается в завещательные распоряжения князей Московского дома» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 183). Но речь идет не только о вмешательстве, но и о ликвидации суверенитета удельных князей.

[91] *Семенченко Г. В.* Кредиторы удельных князей Московского дома в конце XV—начале XVI в. // Вопросы истории. 1982. № 11. С. 84—94.

[92] АСВР. Т. I. № 56. С. 127.

[93] ДДГ. № 89. С. 358; см. также: *Семенченко Г. В.* Кредиторы удельных князей... С. 88, примеч. 28.

[94] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 446 и др.

[95] ДДГ. № 89. С. 361; *Семенченко Г. В.* Кредиторы удельных князей... С. 85, 94.

[96] ДДГ. № 75. С. 277—283; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 165.

[97] ДДГ. № 67. С. 217—221.

[98] Там же. № 75. С. 279.

[99] ПСРЛ. Т. 26. С. 275.

[100] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 349. — Андрей и Петр — сыновья боярина Михаила Борисовича, которого к этому времени уже не было в живых.

[101] Там же. Т. 26. С. 275.

[102] Там же. Т. 25. С. 329.

[103] Там же. Т. 26. С. 275.

[104] Там же. Т. 33. С. 124.

[105] О связях Ивана Молодого с Суздалем свидетельствует и актовый материал. В 1483/84 г. Иван Молодой «был в Суждале», где подтвердил жалованную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю (АСВР. Т. II. № 444. С. 486). В марте 1485 г. он тоже был в Суздале (там же. № 479. С. 517). См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 30, 31.

[106] Ср.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история... С. 24.

[107] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI вв. М., 1982. С. 140—147.

[108] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 497—498. — Заболотские, потомки смоленских княжат, до последней четверти XV в. были в ближайшем окружении великих князей. Сыновья боярина и дворецкого Григория Васильевича, Петр Лобан и его братья, в конце XV—начале XVI в. дослужились до окольничих и бывали полковыми воеводами, послами и судьями. См.: *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 353—354.

[109] ПСРЛ. Т. 25. С. 330. — По словам Московской летописи, восходящим, по-видимому, к официальному источнику, это событие произошло «в 10 часу нощи», т. е. по нынешнему отсчету времени уже 11 октября. Наречение имени состоялось 26 октября, в день Дмитрия Солунского. Эти подробности, содержащиеся в официозной летописи, свидетельствуют о значении, которое придавалось в Москве рождению нового члена великокняжеской семьи — сына наследника великого князя.

[110] Там же. Т. 24. С. 202; т. 20, ч. 1. С. 350.

[111] Там же. Т. 24. С. 203.

[112] Барбаро и Контарини о России : К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 229.

[113] Бегство князя Василия произошло, очевидно, еще до рождения князя Дмитрия. Уже 2 октября, по данным Литовской метрики, король Казимир пожаловал ему Любеч и другие вотчины (РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 390—391).

[114] ДДГ. № 78. С. 293—294; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 175—179.

[115] ДДГ. № 76. С. 283—290.

[116] Там же. № 47. С. 142, 143.

[117] ПСРЛ. Т. 18. С. 270.

[118] Там же. С. 269.

[119] Там же. Т. 25. С. 329.

[120] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 349. — «...Познаваю убожьство своего ума и великое смятение своего неразумия... и того ради оставляю архиепископью Великого Новгорода и Пскова и степень своего святительства», — писал Феофил в своей отреченной грамоте (РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 10. Стб. 746—747).

[121] ПСРЛ. Т. 25. С. 330. — Приводя то же известие, Симеоновская летопись датирует его 17 июля (там же. Т. 18. С. 270).

[122] Там же. Т. 25. С. 330; т. 18. С. 270.

[123] Там же. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 197.

[124] ПЛ. Т. 2. С. 172.

[125] «Этой уступкой местному новгородскому обычаю в Москве хотели примирить принятое нововведение со стариной», — считает А. И. Никитский (*Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 130).

[126] ПСРЛ. Т. 25. С. 330; т. 18. С. 270.

[127] ПЛ. Т. 2. С. 63.

[128] ПСРЛ. Т. 24. С. 203. — То же известие имеется в Львовской летописи (там же. Т. 20, ч. 1. С. 350).

[129] Там же. Т. 25. С. 203.

[130] Там же. С. 307. — По данным В. Л. Янина, Иван Григорьев (умер в 1466 г., см.: там же. Т. 26. С. 219) — представитель боярства Прусской улицы, занимавшего премежуточную позицию в спорах московской и литовской «партий» (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 379).

[131] ПСРЛ. Т. 25. С. 304, 309; т. 18. С. 265. — По данным В. Л. Янина, Иван Кузмин — представитель Плотницкого конца (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 380).

[132] ПЛ. Т. 2. С. 64.

[133] ПСРЛ. Т. 25. С. 330; т. 18. С. 270.

[134] В. Н. Бернадский считает конфискацию земель в 1484 г. «едва ли не самой крупной по размерам» (*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. М.; Л., 1961. С. 321). По подсчетам Г. В. Абрамовича, только в вотчинах 30 больших бояр было конфисковано более 12 тыс. обеж (не считая земель, полученных московским правительством в результате массового выселения других вотчинников). Он отмечает, что «1484 г. был переломным... и в переходе от единичных случайных пожалований московских людей новгородскими землями к более планомерным и массовым раздачам». По подсчетам того же автора, общее число обеж, конфискованных у монастырей, владыки и бояр начиная с 1478 г., достигло к этому времени почти 32 тыс. (*Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 10 и след.).

[135] ПСРЛ. Т. 37. С. 49.

[136] ПЛ. Т. 2. С. 63.

[137] А. И. Никитский видит в этих новых «пошлинах» систему повинностей, «которыми духовенство изоброчивалось в пользу своих епархиальных архиереев», и считает введение этих «пошлин» распространением на Новгород московских порядков. Правда, он тут же признает, что и прежде новгородское духовенство «было обложено разными поборами в пользу своего епархиального владыки и его десятинников» (*Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви... С. 135—136). Речь идет, таким образом, не о качественном, а о количественном изменении в положении новгородского духовенства. Едва ли, однако, дело исчерпывалось только этим. Введение новых «московских» порядков означало прежде всего изменение политического положения новгородского духовенства, терявшего свою прежнюю относительную самостоятельность, свое особое положение в системе русской церкви, вынужденного подстраиваться под общерусские обычаи и порядки, теряя свою «старину».

[138] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 310.

[139] ПЛ. Т. 2. С. 64.

[140] Так, 22 января 1211 г. был изгнан архиепископ Митрофан (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 52), в 1219 г. — Антоний, а Митрофан возвращен (там же. С. 60); в 1223 г. на кафедру возвели Арсения, «мужа добра и зело бояшася Бога» (там же. С. 61), что не помешало через два года вернуться изгнанному Антонию, «и ради быша новгородци своему владыце» (там же. С. 64); в 1330 г. кафедру оставил Моисей (там же. С. 99), а в 1352 г. он же занял ее вторично (там же, с. 362). Во всех этих случаях «яко живу сущю

епископу... не обличену ересьми или инеми вещьми подобными», новгородцы отнюдь не усматривали «безумное дерзнутие на поставление».

[141] Архангелогородский летописец приводит 15 июля 1484 г. как дату окончательного «взятия» Новгорода (ПСРЛ. Т. 37. С. 94).

[142] ПСРЛ. Т. 18. С. 270. — То же известие, но без точной даты находим во Львовской и Типографской летописях.

[143] ДДГ. № 54. С. 163—164; № 59. С. 186—192; № 63. С. 201—206.

[144] ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

[145] Там же. С. 313; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках : Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 888.

[146] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497.

[147] Там же; ср.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 59.

[148] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498.

[149] Там же.

[150] Там же.

[151] К. В. Базилевич не сомневается в официальном характере миссии Гусева и в оскорблении, нанесенном ему как послу (Внешняя политика... С. 226—227). Этот факт он объясняет начавшимися переговорами Твери с Казимиром. Однако оскорбление, нанесенное послу, означало по нормам средневекового права немедленный разрыв всех отношений и начало войны. Война же с Тверью началась только через год с лишним, и ни о каком оскорблении посла как поводе к войне летописи не упоминают. Поэтому версию К. В. Базилевича принять трудно.

Оскорбление посла А. А. Зимин связывает с протестом Михаила против династических прав наследника московского великого князя на тверской стол — его мать была дочерью великого князя Бориса Александровича от первого брака и, таким образом, сводной сестрой Михаила Борисовича (сына от второго брака). Ниоткуда не видно, однако, что московское правительство предъявляло какие-либо династические претензии к Твери — противоречия между Русским государством и Тверью носили отнюдь не династический характер.

[152] В то же время эта версия бросает определенный свет на личность и поведение самого Гусева. Казненный позднее по обвинению в государственной измене, он, очевидно, задолго до этого был достаточно ненадежным слугой московского правительства и не «прямил» великому князю. Подобную мысль высказал Я. С. Лурье. Он объяснил отказ Гусеву в приеме принадлежностью его к оппозиционному феодальному блоку (*Лурье Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 80. Сер. ист. наук. Вып. 10. С. 90). Это предположение было отвергнуто К. В. Базилевичем, который отметил, что «доказать существование в это время „феодального блока" невозможно» (Внешняя политика... С. 227, примеч. 1). Однако факт существования оппозиции в определенных феодальных кругах, связанных с удельными князьями, не вызывает сомнений. Отец Гусева служил в свое время князю Ивану Можайскому, а затем Андрею Вологодскому. Один из братьев Владимира, Юрий, в 1492 г. бежал в Литву. С. В. Веселовский пишет о «мятежном духе», присущем многим Добрынским, к роду которых принадлежали Гусевы. Вернее было бы сказать не о «мятежном духе», а о традиционных связях с удельно-княжескими гнездами (*Веселовский С. Б.* Исследования... С. 317).

[153] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 351. — Договор Михаила с Казимиром см.: АЗР. Т. I. № 79. С. 99—100; см.: *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 444—445. — Договор с Казимиром не датирован. А. А. Зимин вслед за Д. Феннелом относит его к весне—лету 1483 г. (*Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 281, примеч. 16). Но трудно поверить, что в Москве узнали об этом договоре только через полтора года (*Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 888—889; *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 61).

[154] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 351.

[155] ПЛ. Т. 2. С. 66. — Из двух летописных версий — софийско-львовской и псковской — Л. В. Черепнин предпочитает первую (Образование Русского централизованного государства... С. 891), А. А. Зимин — вторую (Россия на рубеже... С. 62). На мой взгляд, между версиями нет принципиального противоречия, хотя псковская, вероятно, сгущает краски («плениша всю землю их»).

[156] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 351.

[157] Там же.

[158] ДДГ. № 79. С. 295.

[159] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 445; *Че-*

репнин *Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 202—204; *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 62. — Точная датировка договора затруднительна. Опираясь на последовательность известий Софийско-Львовской летописи, А. А. Зимин датирует его октябрем (возвращение на кафедру Геронтия — предыдущее известие)—декабрем (поставление Геннадия и Нифонта — последующее известие) 1484 г. (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 317—318). Однако Псковская II летопись помещает известие о московско-тверской войне, предшествовавшей договору, между событиями масляной недели и великого говения 1484 г. (ПЛ. Т. 2. С. 66), т. е. по этой летописи война происходила в феврале или марте 1485 г. Этим косвенно подтверждается принятое К. В. Базилевичем известие В. Н. Татищева, что мир между Москвой и Тверью был «от Благовещения до Ильина дни» (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 74; см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 228).

[160] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 352.

[161] Ср.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 892—893; *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 63.

[162] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 352.

[163] Там же.

[164] Там же. Т. 18. С. 271; т. 24. С. 204.

[165] Там же. Т. 18. С. 271; т. 24. С. 204.

[166] Там же. Т. 20, ч. 1. С. 352; т. 37. С. 96.

[167] Там же. Т. 18. С. 271.

[168] По словам Холмогорской летописи, «и приступи ко граду, и повеле бити пушками и пищали» (ПСРЛ. Т. 33. С. 125). Другие источники об артиллерийском обстреле Твери не сообщают.

[169] ПСРЛ. Т. 33. С. 125.

[170] Устюжская летопись верно передает суть событий, подчеркивая, что Михаил «не сме стояти противу великого князя, занеже отъехали от него вси князи и бояре к великому князю служити» (ПСРЛ. Т. 37. С. 49). Казимир Литовский принял беглого тверского князя и предоставил ему убежище («хлеба и соли есмо ему не боронили»), но отказался оказать ему военную помощь («помочи есьмо не дали ему») (РИБ. Т. 27. Стб. 460). В условиях 80-х гг. военная интервенция против Русского государства (в интересах тверского князя) была явно безнадежным делом, и в Троках это хорошо понимали. Тем не менее в Москве принимали меры предосторожности. По данным Типографской летописи, под Старицу была поставлена «застава» — войска князя И. Ю. Патрикеева и Юрия Захарьича — и стояла до конца декабря. Та же летопись сообщает весьма интересную подробность: русские разведчики, посланные «в Литовское», «поимаша» «единого от него», т. е. одного из слуг или приближенных Михаила, и «уведаша тайну». «Тайна» же эта заключалась в том, что бояре Михаила, сопровождавшие его в Литву, подговорили его вернуться на Русь, «хотячи от него бежати сами», «занеже зде жены их поосталися». И «кое иные да отъехаша от него», например Иван Змиев (ПСРЛ. Т. 24. С. 236). Итак, в свите беглого князя шел быстрый распад — тяга к родной земле оказывалась сильнее уз феодальной коммендации и политических расчетов. Ввиду этого Михаилу ничего не оставалось, как вернуться к королю, отказавшись от своих планов реставрации: он не нашел сторонников даже в ближайшем окружении.

[171] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

[172] Холмогорский летописец пишет, что «все князи и бояре тверские и в с я ч е р н ь (разрядка моя. — *Ю. А.*), выехав, били челом великому князю» (ПСРЛ. Т. 33. С. 125).

[173] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

[174] Там же. — Л. В. Черепнин отмечает, что «московский великий князь старался завоевать симпатии горожан» и что падение Твери «произошло без сопротивления со стороны горожан» (Образование Русского централизованного государства... С. 894). На мой взгляд, события в Твери отражают, с одной стороны, общий курс московского великокняжеского правительства, направленный на охрану торгово-ремесленного населения городов как важной опоры централизованного государства, а с другой стороны, то «определенное тяготение городского населения к великокняжеской власти», о котором писал Я. С. Лурье (Идеологическая борьба... С. 48) и которое отражало в свою очередь русский вариант союза королевской власти с городом.

[175] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

[176] Там же.

[177] «И посади во Твери на княжение сына своего Ивана», — такими словами заканчивает свой рассказ о Твер-

ском походе Холмогорская летопись (ПСРЛ. Т. 33. С. 125). Та же формулировка во Владимирском летописце (там же. М., 1965. Т. 30. С. 137). Устюжский летописец расшифровывает это общее положение: «...взяша Тверь и наместники свои посадиша» (там же. Т. 37. С. 49). А. Е. Пресняков считает, что Тверское великое княжество стало «вотчиной» московских государей, «но особой от их Московского государства», и указывает на ряд черт «особности» Тверской земли (сохранение должности тверского дворецкого, служба по «тверскому списку») (*Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 446). Л. В. Черепнин и А. А. Зимин также отмечают, что Тверская земля стала «уделом», занимавшим особое положение (*Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 894; *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 63). С. М. Каштанов считает, что передача Тверской земли внуку тверского великого князя и «сестричичу» свергнутого князя Михаила Борисовича создавала известную видимость «легитимности» и преследовала «далеко идущие внутри- и внешнеполитические цели» (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история... С. 31). Однако московское правительство едва ли нуждалось в видимости «легитимности». Насколько известно, свои права на Тверь оно никогда не обосновывало родством с тверскими князьями. Такое обоснование было бы чуждым самому духу московского понимания «легитимности». Как мы знаем, доктрина Русского государства основывалась на исторической концепции политического единства Русской земли, идущей от первых киевских князей, а не на родственных связях с местными княжескими династиями.

[178] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства: (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной Рссии. М., 1975. С. 281—290.

[179] Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973. С. 164.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб. 1846. Т. I.

АРГ — Акты Русского государства. 1505—1526 гг. М. 1975.

АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. I; 1958. Т. II; 1964. Т. III.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 1.

ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Т. X.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.

ДРВ — Древняя Российская Вифлиофика.

ПДСИ — Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851.

ПЛ — Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т. 1; 1955. Т. 2.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РК — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Ч. 1.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

* Указатели составлены Г. А. Победимовой.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУСИ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Альбова
Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры О. И. Буркова, В. В. Крайнева
и Г. Н. Мартьянова

ИБ № 44227

Сдано в набор 16.02.89. Подписано к печати 17.08.89.
Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Фотонабор. Гарнитура академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13.75. Усл. кр.-от. 14.25. Уч.-изд. л. 17.82.
Тираж 7350. Тип. зак. № 1310. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

1р. 50к.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ ОСВОБОЖДЕНИЕ РУСИ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ